

АРАБЕСКИ.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

Н. ГОГОЛЯ.

—
Часть первая.
—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1835.

Slav. Lib.
97-312
Angelski
Digitized by Google

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Я Е Т С Я :
с ъ т ѣ м ѣ , ч т о б ы о т п е ч а т а н і и п р е д с т а в л е н ы б ы-
л и п р и э к з е м п л я р а в ѣ Ц е н с у р н ы й К о м и т е т ь .
С . П е т е р б у р г ѣ . 10 Н о я б р я 1834 .

Ценсоръ В. Семеновъ.

Собрание это составляют піэсы писанныя мною въ разные времена, въ разныя эпохи моей жизни. Я не писалъ ихъ по заказу. Они высказывались отъ души и предметомъ избиралъ я полько то, что сильно меня поражало. Между ними читатели безъ сомнѣнія найдутъ много молодого. Признаюсь нѣкоторыхъ піэсъ я бы можешъ быть недопустилъ вовсе въ это собраніе, если бы издавалъ его годомъ прежде, когда я былъ болѣе строгъ къ своимъ старымъ трудамъ. Но вмѣсто того, чтобы строго судить свое *прошедшее*, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ *настоящимъ*. Истребляшь прежде написанное нами, кажется также несправедливо, какъ позабывашъ ми-

нувшіе дни своей юности. Припомъ если сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ, три еще несказанныя истины, то уже авторъ не вправѣ скрывать его ошъ читателя и за двѣ шри вѣрныя мысли можно простишь несовершенство цѣлаго.

Я долженъ сказать о самомъ изданіи: когда я прочиталъ отпечатанные листы меня самого испугали во многихъ мѣстахъ неисправности въ слогѣ, излишности и пропуски, произшедшіе ошъ моей неосмотрительности. Но недосугъ и обспоятельства, иногда не очень пріятныя, не позволяли мнѣ пересматривать спокойно и внимашельно свои рукописи и потому смѣю надѣяться, что читатели великодушно извиняшъ меня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

=

	Стран.
СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА	4.
О СРЕДНИХЪ ВѢКАХЪ	15.
ГЛАВА ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА	41.
О ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ	65.
ПОРТРЕТЪ, ПОВѢСТЬ	97.
ВЗГЛЯДЪ НА МАЛОРОССІЮ	187.
НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПУШКИНѢ	211.
ОВЪ АРХИТЕКТУРѢ	227.
АЛ-МАМУНЪ	273.

**СКУЛЬПТУРА,
ЖИВОПИСЬ и МУЗЫКА.**

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ и МУЗЫКА.

Благодарность зиждипелю Міріадъ за благоспъ и соспрананіе къ людямъ! Три чудныя сестры посланы имъ украситъ и усладитъ міръ: безъ нихъ онъ бы былъ пуспыня и безъ пвнія капился бы по своему пуши. Дружитъе, союзнтъе сдвинемъ наши желанія и первый кубокъ за здравіе скульптуры!

Чувствственная, прекрасная, она прежде всего посыпила землю. Она мгновенное явление. Она оспавшийся следъ пого народа, копорый весь заключился въ ней, со всемъ своимъ духомъ и жизнію. Она ясный призракъ пого свѣтлаго, Греческаго міра, копорый ушелъ опъ насъ въ глубокое удаленіе въковъ, скрылся уже шуманомъ и до копораго достигается одна шолько мысль поэта. Міръ увиный виноградными гроздіями и масличными лозами, гармоническимъ вымысломъ и роскошнымъ язычесвомъ; міръ, несущійся въ спройной пляскѣ, при звукѣ шимпановъ, въ порывѣ Вакхическихъ движеній, гдѣ чувство красоты проникло всюду: въ хижину бѣдняка, подъ вѣтви плашана, подъ мраморъ колонъ, на площадь кипящую живымъ своенравнымъ народомъ, въ рельефъ украшающій чашу пиршества, изображающій всю вьющуюся вереницу граціозной мифологіи, гдѣ изъ пѣны волнъ спыдливо выходитъ богиня красоты, пришоны несущая ударя въ ладони, Посейдонъ выходитъ изъ глубины своей прекрасной спихи серебряный и бѣлый; міръ, гдѣ вся религія заключилась въ красоту, въ красоту человѣческой, въ богоподобной красоты

женщины; — эпохъ міръ весь оспался въ ней, въ эпохъ нѣжной скульптурѣ; ничто кромѣ ея не могло шакъ живо выразить его свѣтлое сущестпованіе. Бѣлая, млечная, дышущая въ прозрачномъ мраморѣ, красошю, нѣгой и сладоспрасшіемъ, она сохранила одну идею, одну мысль: красошу, гордую красошу челоувѣка. Въ какомъ бы ни было пылу спрасши, въ какомъ бы ни было сильномъ порывѣ, но всегда въ ней челоувѣкъ являешся прекраснымъ, гордымъ и вольно спановипся аплепическимъ, свободнымъ своимъ положеніемъ. Все въ ней слилось въ красошу и чувспвенность: съ ея спрадающими группами не сливаешъ спрадающей вопль сердца, но можно сказашъ наслаждаешся самымъ ихъ спраданиемъ; шакъ чувспво красошы пласпической, спокойной пересиливаешъ въ ней спремленіе духа! Она никогда невыражала долгаго глубокаго чувспва, она создавала шолько быспрыя движенія: свирѣпый гнѣвъ, мгновенный вопль спраданиа, ужась, испугъ при внезапности, слезы, гордоспъ и презрѣніе и наконецъ красошу, погруженную саму въ себя. Она обращашъ всѣ чувспва зришеля въ одно наслажденіе, въ наслажденіе спокойное, ведущее

за собою пѣгу и самодовольство языческаго міра. Въ ней нѣтъ пѣхъ шайныхъ, безпредѣльныхъ чувствъ, копорые влекутъ за собою безконечные мечпанія. Въ ней не прочишаешь всей долгой, исполненной поспрясеній и перевороповъ жизни. Она прекрасна, мгновенна, какъ красавица, глянувшая въ зеркало, усмѣхнувшаяся видя свое изображеніе и уже бѣгущая, влача съ поржествомъ за собою толпу гордыхъ юношей. Она очаровашельна, какъ жизнь, какъ міръ, какъ чувственна красота, копорой она служишь олшаремъ. Она родилась вмѣстѣ съ языческимъ. ясно образовавшимся міромъ, выразила его — и умерла вмѣстѣ съ нимъ. Напрасно хотѣли изобразишь ею высокія явленія Христіанства, она также отдѣлялась отъ него, какъ самая языческая въра. Никогда возвышенныя, спремисельныя мысли не могли улечься на ея мраморной сладоспращной наружности. Они поглощались въ ней чувственностью.

Не таковы двѣ сеспры ея живопись и музыка, копорыхъ Христіанство воздвигнуло изъ ничпожества и превращило въ исполнское. Его порывомъ они развились и испюргнулись изъ границъ чувственного міра.

Мнѣ жаль моей мраморно-облачной скульптуры! Но... свѣплѣ сійя покая мой въ моей смиренной кельѣ и да здравствуетъ живопись! Возвышенная, прекрасная, какъ осень въ богатомъ своемъ убранствѣ мелькающая сквозь переплетъ окна увишаго виноградомъ, смиренная и обширная какъ вселенная, яркая музыка очей — ты прекрасна! Никогда скульптура не смѣла выразить своихъ небесныхъ опкровеній. Никогда не были разлипы по ней ты понкія, ты паинспвенно-земныя черпы, вглядываясь въ кошорыя слышишь какъ наполняетъ душу, небо и чувствуетъ невыразимое. Вошь мелькающъ, какъ въ облачномъ шуманъ длинныя галереи, гдѣ изъ спаринныхъ, позолоченныхъ рамъ выказываешь ты себя живую и пемную опъ неумолимаго времени, и передъ побою споишь, сложивши на креслъ руки, безмолвный зришель; и уже нѣтъ въ его лицѣ наслажденія, взоръ его дышетъ наслажденіемъ не здѣшнимъ. Ты не была выраженіемъ жизни какой нибудь націи; нѣтъ, ты была выше: ты была выраженіемъ всего шого, что имѣешь паинспвенно-высокій міръ Христіанскій. Взгляните на нее задумчивую, опустившую на руку прекрасную

свою голову : какъ вдохновененъ и дологъ ясный взоръ ея ! Она не схватываетъ одного только быстрого мгновенья , какое выражаетъ мраморъ ; она лишь это мгновение , она продолжаетъ жизнь за границы чувственного , она похищаетъ явленія изъ другого безграничнаго міра , для названія короткихъ нѣшъ словъ . Все неопредѣленное , что не въ силахъ выразить мраморъ , разсѣкаемый могучимъ молотомъ скульптора , опредѣляется вдохновенною ея кистью . Она также выражаетъ спраси понятныя всякому , но чувственность уже не такъ властвуетъ въ нихъ ; духовное невольно проникаетъ все . Спраданіе выражается живѣе и вызываетъ соспраданіе и вся она пребываетъ сочувствія , а не наслажденія . Она беретъ уже не одного человѣка , ея границы ширѣ : она заключаетъ въ себя весь міръ , всѣ прекрасныя явленія , окружающіе человека въ ея власти ; вся шайная гармонія и связь человека съ природою въ ней одной . Она соединяетъ чувственное съ духовнымъ .

Но сильнѣе шипи шрепій покаръ мой ! Ярче сверкай и брызгай по золошымъ краямъ его звонкая пѣна , — шы сверкаешь въ честь музыки . Она воспорженнѣе , она спреми-

пельные обѣихъ сесперъ своихъ. Она вся порывъ; она вдругъ за однимъ разомъ отрываетъ человѣка отъ земли его, оглушаетъ его громомъ могущихъ звуковъ и разомъ погружаетъ его въ свой міръ. Она власнишельно ударяетъ, какъ по клавишамъ, по его нервамъ, по всему его существованію и обращаетъ его въ одинъ шрепешъ. Онъ уже не наслаждается, онъ не соспраждаетъ, онъ самъ превращается въ спраданіе; душа его не созерцаетъ непоспизимаго явленія, но сама живетъ, живетъ своею жизнію, живетъ порывно, сокрушительно, мяшежно. Невидимая, сладкогласная она проникла весь міръ, развилась и дышетъ въ тысячи разныхъ образовъ. Она шомшельна и мяшежна; но могущественнѣй и воспорженнѣй подъ безконечными, шемными сводами кашедраля, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни модельщиковъ спремишъ она въ одно согласное движеніе, обнажаетъ до глубины сердечныя ихъ помышленія, кружитъ и шесется съ ними горъ, оставля послѣ себя долгое безмолвіе и долго исчезающій звукъ шрепещущій въ углубленіи оспроконечной башни.

Какъ сравнить васъ между собою при прекрасныя царицы міра? Чувствительная, плънишельная скульпшура внушаетъ наслажденіе, живопись стихой воспоргъ и мечпаніе, музыка спрасть и смяшеніе души; разсмапривая мраморное произведеніе скульпшуры, духъ невольнo погружается въ упоеніе. Разсмапривая произведеніе живописи, онъ превращается въ созерцаніе; слыша музыку, въ болъзненный вопль, какъ бы душею овладѣло шолько одно желаніе вырваться изъ шѣла. Она наша! она принадлежность новаго міра! Она оспалась намъ, когда оспавили насъ и скульпшура и живопись и зодчештво. Никогда не жаждали мы пакъ порывовъ, воздвигающихъ духъ, какъ въ нынѣшнее время, когда наспушаетъ на насъ и давить вся дробъ прихотей и наслажденій, надъ выдумками копорыхъ ломаетъ годову нашъ XIX вѣкъ. Все соспавляетъ заговоръ противъ насъ; вся эша соблазнишельная цѣпь ушонченныхъ изобрѣшеній роскоши сильнѣе и сильнѣе порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждемъ спасши нашу бѣдную душу, убѣжашъ опъ эшихъ спрашныхъ оболъспителей и бросились въ музыку.

О будь же нашимъ хранителемъ, спасителемъ музыка! Не оставляй насъ! буди чаще наши меркантильные души! ударяй рѣзче своими звуками по дремлющимъ нашимъ чувствамъ! Волнуй, разрывай ихъ, и гони хопя на мгновение эпохъ холодноужасный эгоизмъ, сисящійся овладѣть нашимъ міромъ. Пусть при могущественномъ ударѣ смычка своего, смященная душа грабителя почувствуетъ хопя на мигъ угрызѣніе совѣсти, спекуляторъ расперяетъ свои расчески, безстыдство и наглость невольно выронитъ слезу предъ созданіемъ паланпа. О не оставляй насъ божество наше! Великій Зидитель міра повергъ насъ въ нѣмбующее безмолвіе, своею глубокою мудростью: Дикому, еще неразвернувшемуся человѣку, онъ уже вдвинулъ мысль о зодчества. Прослыми, безъ помощи механизма, силами, онъ ворочаетъ гранишную гору, высокнмъ обрывомъ громоздитъ ее къ небу и повергается ницъ передъ безобразнымъ ея величіемъ. Древнему, ясному, чувственному міру послалъ онъ прекрасную скульптуру, принесшую чистую, спыдливую красочу — и весь древній міръ обратился въ фиміамъ красочъ. Эстетическое

чувство красоты слило его въ одну гармонию и удержало опъ грубыхъ наслаждений. Въкамъ беспокойнымъ и шемнымъ, гдѣ часто сила и неправда шоржеспвовали, гдѣ демонъ суевѣрія и неперпимоспи изгонялъ все радужное въ жизни далъ онъ вдохновенную живопись, показавшую міру неземныя явленія, небесныя наслажденія угодниковъ. Но въ нашъ юный и дряхлый вѣкъ ниспослалъ онъ могущеспвенную музыку, спремипельно обращаешь насъ къ нему. Но если и музыка насъ оставишь, что будешь шогда съ нашимъ міромъ?

О СРЕДНИХЪ ВЪКАХЪ.

0

СРЕДНИХЪ ВѢКАХЪ.

=

Никогда Исторія міра не принимаетъ такой важности и значительности, никогда не показываетъ она такого множества индивидуальныхъ явленій, какъ въ средніе вѣки. Вся событія міра, приближаясь къ эпимъ вѣкамъ, послѣ долгой неподвижности, текутъ съ усиленною быстротою,

какъ въ пучину, какъ въ мясежный водоворотъ, и закружившись въ немъ, перемѣшавшись, переродившись, выходяшь свѣжими волнами. Въ нихъ совершилось великое преобразование всего міра; они соспавляютъ узелъ, связывающій міръ Древній съ Новымъ; имъ можно назначить по же самое мѣсто въ Исторіи человѣчества, какое занимаетъ въ успроеніи человеческого плѣта сердце, къ копорому текутъ и отъ копораго исходятъ всѣ жилы. Какъ совершилось это всемірное преобразование? какія удержались въ немъ старыя спихіи? что прибавлено новаго? какимъ образомъ онѣ смѣшались? что произошло отъ этого смѣшенія? какъ образовалось величественное, спройное зданіе Вѣковъ Новыхъ? — Это такіе вопросы, копорымъ равные по важности едва ли найдутся во всей Исторіи. Все, что мы имѣемъ, чѣмъ пользуемся, чѣмъ можемъ похвалиться передъ другими вѣками, все успройство и искусное сложеніе нашихъ админиспративныхъ часпей, всѣ отношенія разныхъ сословій между собою, самыя даже сословія, наша Религія, наши права и привилегіи, нравы, обычаи, самыя знанія, совершившія такой быстрый

прогрессивный ходъ, — все это или получило начало и зародышъ, или даже развилось и образовалось въ темные, закрытые для насъ Средніе Вѣка. Въ нихъ первоначальныя спихіи и фундаменшъ всего новаго; безъ глубокаго и внимательнаго изслѣдованія ихъ не ясна, не удовлетворительна, не полна Новая Исторія; и слушатели ея похожи на посѣпители фабрики, которые изумляются быстрой опдѣлкѣ издѣлій, совершающейся почти передъ глазами ихъ, но позабываютъ заглянуть въ темное подземелье, гдѣ скрыты первыя всемогущія колеса, дающія толчекъ всему: такая Исторія похожа на спашую художника, не изучившаго Анапоміи челошъка.

Опъ чего же, не смотря на всю важность эшихъ необыкновенныхъ Вѣковъ, всегда какъ-то неохотно ими занимались? Опъ чего, приближаясь къ нимъ, всегда спѣшили скорѣе пройти ихъ и опдѣлаться опъ нихъ? и рѣдкіе, очень рѣдкіе, пораженные величіемъ предмета, возлагали на себя трудъ разрѣшить нѣкоторые изъ приведенныхъ вопросовъ? Мнѣ кажется это происходило опъ того, что Средней Исторіи назначали самое низшее мѣсто. Время

ея дѣйсвія считали слишкомъ варварскимъ, слишкомъ невѣжеспвеннымъ, и опъ шого-шо оно и въ самомъ дѣлѣ сдѣчалось для насъ шемнымъ раскрышое не вполнѣ, оцѣненное не по справедливости, предспавленное не въ геніальномъ величїи. Невѣжеспвеннымъ можно назвашь развѣ только одно начало, но эшо невѣжеспвенное время уже имѣешъ въ себѣ шо, чшо должно родить въ насъ величайшее любопытшество. Самый процессъ слиянїя двухъ жїзней Древняго міра и Новаго, эшо рѣзкое пропиво-рѣчїе ихъ образовъ и свойспвѣ, эши дряхлыя, умирающїя спихїи Спараго міра, кошорыя шянушя по новому проспранспву, какъ рѣки, впавшія въ море, но долго еще не сливающїя своихъ прѣсныхъ водъ съ сильными волнами; эши дикїя, мощныя спихїи новаго, упорно недопускающїя къ себѣ чуждаго вліянїя, но наконецъ невольнo принимающїя его; эшо спаранїе, съ какимъ Европейскїе дикари кроапъ по своему Римское просвѣщенїе; эши опривки или, лучше сказашь, клочки Римскихъ формъ, законъ, среди новыхъ, еще неопредѣленныхъ, не получившихъ ни образа, ни границъ, ни порядка; самый эшошъ хаосъ, въ кошоромъ

бродящъ разложенныя начала страшнаго величія нынѣшней Европы и пышущей силой ея — они всѣ для насъ занимательнѣе, и болѣе возбуждаютъ любопытства, нежели неподвижное время всеобщей Римской Имперіи подъ правленіемъ ея безсильныхъ Императоровъ.

Другая причина, почему неохотно занимались Исторіею Среднихъ вѣковъ; это — мнимая сухость, кошую привыкли сливать съ понятіемъ о ней. На нее глядѣли, какъ на кучу произшествій неспроинныхъ, разнородныхъ, какъ на толпу раздробленныхъ и бессмысленныхъ движеній, не имѣющихъ главной нити, кошая бы совокупляла ихъ въ одно цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ ея страшная, необыкновенная сложность съ перваго раза не можетъ непоказаться чѣмъ-то хаотическимъ, но размапривайте внимательнѣе и глубже, и вы найдете и связь, и цѣль, и направленіе; я однако же не оприцаю, что для самаго умѣнья найти все это, нужно бытъ одарену нѣмъ чужьемъ, кошорымъ обладаютъ немногіе Историки. Этимъ немногимъ предоспавленъ завидный даръ увидѣть и предспавить все въ изумительной ясности и спройности. Послѣ

*

ихъ волшебнаго прикосновенія происшествіе оживляется и пріобрѣтаетъ свою собственность, свою занимательность; безъ нихъ оно долго предспавляется для всякаго сухимъ и безсмысленнымъ. Все, что было и происходило — все занимательно, если только о немъ сохранились вѣрныя лѣтописи, выключая развѣ совершенное безспрашіе народовъ; вездѣ есть нить, какъ во всякой ткани есть основа, хотя она иногда совершенно бываетъ зашкана упокомъ: какъ въ лучиспомъ камнѣ есть невидимый свѣтъ, копорый онъ опливаетъ, будучи обращенъ къ солнцу — она исчезаетъ только съ упрасною извѣстіей. Такъ и въ первоначальныхъ вѣкахъ Средней Испоріи сквозь всю кучу происшествій невидимую нитью тянется поспешенное возрастаніе Папской власпи и развивается Феодализмъ. Казалось, событія происходили совершенно опдѣльно, и блескомъ своимъ заземняли уединеннаго, еще скромнаго Римскаго Первосвященника; дѣйствовалъ сильный Государь, или его Вассалъ, и дѣйствовалъ лично для себя, а между тѣмъ существенныя выгоды незамѣтно текли въ Римъ. И все, что ни происходило, казалось, нарочно происходило

для Папы. Гильдебрандпъ только опдернулъ занавѣсъ и показалъ власпъ, уже давно пріобрѣщенную Папами.

Исторія Среднихъ Вѣковъ менѣе всего можетъ назваться скучною. Нигдѣ нѣтъ такой пестроты, такого живаго дѣйствія, такихъ рѣзкихъ противоположностей, такой спранный яркости, какъ въ ней: ее можно сравнить съ огромнымъ спроеіемъ, въ фундаментѣ котораго улегся свѣжій, крѣпкій какъ вѣчность гранитъ, а шолстые стѣны выведены изъ различнаго, стараго и новаго маперіала, такъ что на одномъ кирпичѣ видны Готскія руны, на другомъ блестятъ Римская позолота; Арабская рѣзба, Греческій карнизъ, Готическое окно — все слѣпилось въ немъ и соспавило самую пеструю башню. Но яркость, можно сказать, только внѣшній признакъ событій Среднихъ Вѣковъ; внутреннее же ихъ достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, опвага, свойственная одному только возрасту юности, и оригинальность, дѣлающая ихъ единственными, не встрѣчающими себя подобія и повпоренія ни въ древнія, ни въ новыя времена.

Бросимъ взглядъ на шть изъ собыщій, которыя произвели сильное вліяніе. Главный сюжешть Средней Испоріи ешть Папа. Онъ — могущешвенный обладашель эшихъ молодыхъ вѣковъ, онъ движешть всѣми силами ихъ и, какъ громовержець, однимъ мановеніемъ своимъ правишь ихъ судьбою. Словомъ, вся Средняя Испорія ешть Испорія Папы. — Его непреодолимое желаніе власпвовашь, его посшоянныя средшва, исполненныя проницашельносши и мудросши, слѣдшвія спарческаго возраста, его деспотизмъ и деспотизмъ безчисленныхъ легионовъ его могущешвеннаго Духовенсшва — ревностныхъ подданныхъ духовнаго Монарха, наложившихъ свои желѣзныя оковы на всѣ углы міра, куда ни проникло знаменіе Креша — предшвляющъ явленіе единшвенное, колоссальное и не повпорявшееся никогда. — Не спану говоришь о злоупшребленіи и о тяжесши оковъ духовнаго деспота. Проникнувъ болѣе въ эпо великое собыщіе, увидимъ изумишельную мудросшь Провидѣнія: не схваши эша всемогущая власшь всего въ свои руки, не двигай и не усшремляй по своему желанію народы — и Европа разсыпалась бы, связи бы не было;

нѣкошорыя Государства поднялись бы, можешъ бышь, вдругъ, и вдругъ бы разврапились; другія сохранили бы дикость свою на гибель сосѣдамъ; образованіе и духъ народной разлились бы неровно; въ одномъ уголку выказывалось бы образованіе, въ другомъ бы чернѣль мракъ варварства; Европа не успоилась, не сохранила того равновѣсія, копорое шакъ удивительно ее содержитъ; она бы болѣе была въ хаосъ, она бы не смилаь желѣзною силою энпузіазма въ одну спѣну, успранившую своею крѣпостью Воспочныхъ завоевателей и, можешъ бышь, безъ этого великаго явленія Европа успупила бы ихъ напору, и Магомешанская Луна горделиво вознеслась бы надъ нею, вмѣсто Креша. — Невольно преклонишь колѣна, слѣдя чудные пуши Провидѣнія: власпъ Папамъ какъ будшо нарочно дана была для того, чпобы въ продолженіе этого времени юныя Государства окрѣпили и возмужали; чпобы они повиновались прежде, нежели достигнушь возраста повелѣвать другими; чпобы сообщишь имъ энергію, безъ копорой жизнь народовъ безцвѣтна и безсильна. И какъ шолько народы достигли сосполяція управляшь собою, власпъ Папы, какъ

исполнившая уже свое предназначение, какъ болѣе уже ненужная, вдругъ поколебалась и спала разрушась, несмотря на всѣ сильныя мѣры, на все желаніе удержавъ гибнущія силы свои. Власшь ихъ въ эпомъ опношеніи была поже, что подмоспки и лѣсъ для поспройки зданія; въ началѣ они выше и кажущся значительнѣе самого спроенія, но какъ только спроеніе достигло наспоящей высоты, они какъ ненужные принимающся прочь.

Съ мыслию о Среднихъ вѣкахъ невольно сливается мысль о Кресповыхъ Походахъ — необыкновенномъ событіи, которе спойшь какъ исполинъ въ срединѣ другихъ, поже чудесныхъ и необыкновенныхъ. Гдѣ, въ какое время было когда-нибудь равное ему своею оригинальностью и величіемъ? Эпо не какая нибудь война за похищенную жену, не порожденіе ненависти двухъ непримиримыхъ націй, не кровопролитная битва между двумя алчными власпишелями за корону или за клочокъ земли, даже не война за свободу и народную независимость. Нѣтъ! ни одна изъ спрасшей, ни одно собшвенное желаніе, ни одна личная выгода не входятъ сюда: всѣ проникнушы одною мыслию —

освободишь гробъ Божешвеннаго Спасителя! Народы пекушь съ крестами со всѣхъ сторонъ Европы; Короли, Графы въ простыхъ власяницахъ; монахи, препоясанные оружіемъ, спановаяся въ ряды воиновъ; Епископы, пуспынники съ крестами въ рукахъ предводяшь несмѣпными шолпами — и всѣ пекушь освободишь свою Вѣру. Владычештво одной мысли объемлешъ всѣ народы. Нѣшь ли чего-шо великаго въ эпошй мысли? И напрасно Кресповые Походы называюпся безразсуднымъ предпріашиемъ. Не странно ли было бы, если бы опрокъ заговорилъ словами разсудишельнаго мужа? Они были порождение погдашняго духа и времени. Предпріашиэ эпо — дѣло юноши, но шакого юноши, кошорому опредѣлено быть геніемъ. А какія безчисленныя, какія удивительныя и непредвидѣнныя слѣдспвіа Кресповыхъ Походовъ! Нужно было всю массу образовашь и воспишашъ, дашь ей увидѣшь свѣшь, кошорый часшо заслоняло духовенство и вся масса для эпого извергаешся въ другую часпъ свѣша, гдѣ попухающее Аравійское просвѣщение силишся передашь ей свой пламень и — вся Европа вояжируешъ по Азіи. Не въ правѣ ли

мы изумляясь? Обыкновенно какой-нибудь выходец изъ земли образованной одинъ приносишь просвѣщеніе и первыя свѣденія въ неизвѣстную страну и постепенно образуешь дикарей; но образованіе эпо пянется медленно, неровно. Здѣсь же, напрошивъ, народы сами всею своею массою приходять за образованіемъ, и, не смотря на долгое пребываніе, не сливаются съ своими учителями, ничего не перенимають у нихъ роскошнаго и развращающаго, удерживають свою самобытность при всемъ заимствованіи множества Азіатскихъ обыкновеній, и возвращаются въ Европу Европейцами, а не Азіатцами. Я уже не говорю о тѣхъ свѣдѣніяхъ, тѣхъ перемѣнахъ въ феодальномъ правленіи, для копированія которыхъ нужно было временное удаленіе многихъ сильныхъ.

Но бросимъ взглядъ на другія происшествія наполняющія Среднюю Испорію. Они хотя въ сравненіи съ Кресповыми Походами могутъ почестья въпороспепенными, но тѣмъ не менѣе всѣ исполнены чудесности, сообщающей Среднимъ Вѣкамъ какой-то фантастическій свѣтъ, всѣ — порожденіе юношества прекраснаго, исполненнаго

самыхъ сильныхъ и великихъ надеждъ, часпо безразсуднаго, но плънишельнаго и въ самой безразсудности. Разсмотримъ ихъ по порядку времени; возьмемъ по блестящее время, когда появились Аравшяне — краса народовъ Воспочныхъ. И одному полько челоувъку и созданной имъ религiи роскошной какъ ночи и вечера Воспока, пламенной какъ природа близкая къ Индiйскому Морю, важной и размышляющей, какую полько могли внушить великiя пуспыни Азiи, — обязаны они всъмъ своимъ блестящимъ, радужнымъ сущеспивованiемъ! Съ непоспижимою быспрошою они, эши смуглые чалмоносцы воздвигающъ свои Калифашы съ прехъ споронъ Средиземнаго моря. И воображенiе ихъ, умъ и всъ способности, копорыми Природа шакъ чудно одарила Араба, развивающся въ виду изумленнаго Запада, оппечашываясь со всею роскошью на ихъ дворцахъ, мечешяхъ, садахъ, фоншанахъ, и шакъ же внезапно, какъ въ ихъ сказкахъ, кипящихъ изумрудами и перлами Воспочной Поэзiи. Въкъ впередъ — и уже онъ исчезъ, эшопъ необыкновенный народъ, шакъ чшо въ раздумьи спрашиваешь себя: шочно ли онъ

жилъ и сущеспвовалъ, или онъ — самое прекрасное созданіе нашего воображенія?

Какъ чудесно и какой сильной исполнено пропшвоположности появленіе Норманновъ — народа, кошораго гнѣвный Сѣверъ свирѣпо выбросилъ изъ ледяныхъ нѣдръ своихъ. Горспь людей дерзкихъ, за кошорыми какъ будто гоняпся по пяшамъ мрачный ихъ Одинъ и снѣговыя горы Скандинавіи, наводишь панической спрахъ на обширныя Государспва! По Сѣверному Океану плывущь ихъ движущіяся Королевспва подь начальспвомъ морскихъ своихъ Королей, — и все падаешъ ницъ передъ этими малолюдными пришлецами, воспишанными бурей, морями, спрашною бѣдностью Скандинавіи и дикою религіею.

Колоссальныя завоеванія и распроспраненіе Монголовъ были шакже дѣломъ почши сверхъеспешеннымъ. Необьяшная внушрениоспъ Азіи, кошорая была скрыша ошъ глазъ всѣхъ народовъ; освѣпилась вдругъ въ самомъ спрашномъ величій. Эпи степи, кошорымъ нѣпъ конца, озера и пущыни испоинскаго размѣра, гдѣ все раздалось въ ширину и бозпредѣльную равнину, гдѣ человѣкъ вспрѣчаешся какъ будто для шого,

чтобы собою увеличишь еще больше окружающее пространство; степи, шумящая хлебомъ, никемъ не сѣяннымъ и не собираемымъ, правую, почти равняющуюся роспомъ съ деревьями, степи, гдѣ пасутся шабуны и стада, копорыхъ опъ вѣка никто не считалъ, и сами владѣльцы не знаютъ наспоющаго количества, эти степи увидѣли среди себя Чингисъ-Хана, даваго обѣтъ передъ шолпами своихъ узкоглазыхъ, плосколицыхъ, широкоплечихъ, малорослыхъ Монголовъ завоевать мѣръ, и — многолудный Пекинъ горитъ цѣлый мѣсяць, миллионъ народа выспрыскивается Монгольскими стрѣлами, Государь Тунгусскій гибнетъ съ сонными тысячь подданныхъ на замершемъ озерѣ, стада пригоняющя къ границамъ Индіи, шабуны кишатъ при Волгѣ. Словомъ, какъ будто на завоеваніяхъ ихъ опразилась колоссальность Азіи. Такого быстраго распространенія поже не видала ни Древняя, ни Новая Исторія.

Я уже ничего не говорю о важной шорговль Венеціи — этого небольшого лоскушка земли, копорую всю занималъ одинъ городъ, и городъ безъ Государства, выжималъ золото со всего мѣра, и коего царственные

купцы своими кораблями, горделиво обошедшими всѣ моря, и дворцами при Адриатическомъ морѣ далеко превосходили многихъ Монарховъ. Эпюго явленія я не считаю единственнѣмъ и необыкновеннѣмъ. Оно повпоряешся въ Испоріи міра часпо, хопя въ другихъ формахъ и съ разными измѣненіями. Несравненно оригинальнѣе жизнь Европы во время и послѣ Кресповыхъ Походовъ, когда въ ней все еще шемны и неопредѣленны границы Государствъ; когда еще Государь звучишь однимъ именемъ своимъ, и вмѣсто шюго миллионы владѣльцевъ, изъ кошорыхъ каждый—маленькой Императоръ въ своей землѣ; когда вся Европа облекаешся въ неприспупные замки съ башнями и зубцами, и швердыя крѣпосши усѣвающъся поверхносць; когда воспипанная взаимнѣмъ спрахомъ и бишвами сила рыцарей дѣмаешся почти львиною и заковываешся съ ногъ до головы въ желѣзо, шяжесши кошорого еще не выносишь человекъ, и грубо, независимо развиваешся самоспопшельная гордосць души. Казалось, эша дикая храбросць должна бы совершенно закалишь ихъ и сдѣлашь шакъ же безчувственными, какъ непроницаемыя ихъ лапы. Но какъ удиви-

пельно они были укрощены и такимъ явленіемъ, которое предшавляетъ совершенную противуположность съ ихъ нравами! это — всеобщее безпредельное уваженіе къ женщинамъ. Женщина Среднихъ Вѣковъ является божествомъ; для ней шурниры, для ней ломающія копыя, ея розовая или голубая лента вѣшя на шлемахъ и лапахъ и вливаетъ сверхъестественныя силы; для ней суровый рыцарь удерживаетъ свои спрасни также мощно, какъ Арабскаго бѣгуна своего, налагаетъ на себя обшпы изумительныя и неподражаемыя по своей спрогоспи къ себѣ, и все для того, чшобы быть доспойнымъ повергнувшись къ ногамъ своего божества. Если эта возвышенная любовь изумительна, то вліяніе ея на нравы и того болѣе. Все благородство въ характеръ Европейцевъ было ея слѣдствіемъ. А вся эта странническая жизнь, которая обратила Европу въ какую-то движущуюся столицу, доставившая тысячи опышовъ и приключеній каждому и произведшая въ послѣдствіи въ Европейцахъ жажду къ открытію новыхъ земель! Какъ самыя ихъ взаимныя брани и бшвы, вѣчно неспокойное положеніе, вмѣсто того чшобы осла-

бишь всеобщій духъ и напряженіе, какъ по обыкновенно дѣлается въ періодахъ Испоріи, когда роскошь разъедаешъ раны нравственной болѣзни народовъ и алчность выгодъ личныхъ выводишь за собою низость лести и способностъ успрямиться на всѣ ушонченные пороки, — вмѣсто этого они только укрѣпили и развили ихъ! Пороки народовъ образованныхъ не смѣли коснуться рыцарства Европы. Казалось, Провидѣніе бодрствовало надъ нимъ неусыпно, и съ заботливостью преданнаго наставника берегло его. Едва только возникли улучшенія для жизни, которыя подносила Венеція и Ганза, и начали опшдалять рыцарей опть ихъ обшповъ и спрогой жизни, подогрѣвавъ желаніе наслажденій и уменьшаъ энтузіазмъ религіозный, какъ появившіяся чудныя, небывалыя никогда дошолъ Обществаспали грозными соглядаялами, неумолимою совѣстью передъ народами Европы. Никогда Испорія не представляла Обществъ; связанныхъ такими неразрывными узами, какъ эши Духовные Ордена рыцарей. Ничего для своей пользы, или для своего существованія, что всегда соспавляло цѣль обществъ! Уничтожишь все, что соспавдляетъ жела-

ніе челоуѣка, и жишь для всего челоуѣчества; жишь, чшобы бышь грозными храни-телями міра; чшобы носить въ себѣ одно: зашщипу Вѣры Хрисповой; все принесши ей въ жершву и опказаться опѣ всего, чшо опзывается выгодою жизни! Не чудесно ли эшо явленіе! Эша энергія и сила для него могла бышь полько вычерпнуша изъ Среднихъ Вѣковъ. И какъ полько Ордена рыцарскіе спали уклоняшь опѣ своей цѣли и обращашь глаза на другія, какъ полько начали заражашь желаніемъ добычи и корыспи, и роскошь заспаляла ихъ живѣе привязывашь къ собспвенной жизни, и они спали походишь сами на шѣхъ; за копорыми наложили на себя сами же смопръніе, — какъ возникаюшь уже спрашныы Тайныы Суды, не умолимые, не опразимые, какъ высшія предопредѣленія, являющіеся уже не совѣспью передъ въспреннымъ міромъ, но спрашнымъ изображеніемъ смерши и казни. Ни сила, ни обширныя земли, ни даже самая корона не спасаюшь и не опмѣняюшь произнесеннаго ими приговора. Незнаемыы, невидимые какъ судьба, гдѣ нибудъ въ глуши лѣсовъ, подъ сырымъ сводомъ глубокаго подземелья, они взвѣшивали и

разбирали всю жизнь и дѣла того, копорому, посреди необъяпмыхъ своихъ земель и сѣсни покорныхъ Вассаловъ и въ мысль не приходило, есть ли гдѣ въ мѣрѣ власпъ выше его. И если эти подземные судьи разъ произносили обвиняющее слово—все кончено. Напрасно Власпитель грозою могущества своего запрудняетъ къ себѣ приближеніе, напрасно его золопо замѣпляетъ успа и заспавляетъ всѣхъ прославляетъ его—неумолимый кинжалъ наспигаетъ его на концѣ мѣра, крадется мимо пышной шолпы и разипъ его изъ-за плеча друга.—Несоспавляетъ ли это чудесности почти сказочной? Только шамъ такъ неопразимо, такъ сверхъестественно, такъ неправильно дѣйспвуетъ человекъ, оппорванный опъ общеспва, лишенный покрва законной власпи, не знающій что спакое слово: невозможность.

А самый образъ заняпій, царспвовавпій въ срединѣ и концѣ Среднихъ Вѣковъ — это всеобщее успременение всѣхъ къ чудесной Наукѣ, это желаніе выпыспать и узнать шаминспвенную силу въ Природѣ, эта амчность, съ какою всѣ ударились въ волшебство и чародѣйспвенныя Науки, на копорыхъ ясно кипипъ признакъ Европейскаго любопытства, безъ копораго Науки ни-

когда бы не развились и не достигли нынѣшняго совершенства! Самая даже просподушная вѣра ихъ въ Духовъ и обвиненія въ сообщеніи съ ними цмбюпъ для насъ уже необыкновенную занимательность. А занятія Алхиміею, считавшеюся ключемъ ко всѣмъ познаніямъ, вѣнцемъ учености Среднихъ Вѣковъ, въ копорой заключилось дѣпское желаніе опкрышь совершеннѣйшій металлъ, копорый бы доставилъ человѣку все! Представьте себѣ какой нибудь Германскій городъ въ Средніе Вѣки, эти узенькія, неправильныя улицы, высокіе, пестрые гошическіе домики, и среди ихъ какой нибудь вешкій, почти валящійся, считааемый необишаемымъ, по распреснувшимся спѣнамъ копораго лѣпншея мохъ и спароспъ, окна глухо заколочены — это жилище Алхимика. Ничпо не говоритъ въ немъ о присутствіи живущаго, но въ глухую ночь голубованный дымъ, вылетая изъ шрубы, докладываетъ о неусыпномъ бодрспвованіи спарца, уже посѣдѣвшаго въ своихъ исканіяхъ, но все еще неразлучнаго съ надеждою, — и благочестивый ремесленникъ Среднихъ Вѣковъ со спрахомъ бѣжнше опъ жилища, гдѣ, по его мнѣнію, Духи осно-

*

вали приношъ свой, и гдѣ вмѣсто Духовъ основало жилище неугасимое желаніе, непреборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже опъ неудачи — первоначальная стихія всего Европейскаго духа — которое напрасно преслѣдуетъ Инквизиція, проникая во всѣ тайныя мысленія чловѣка: оно вырывается мимо, и облеченное страхомъ, еще съ большимъ наслажденіемъ предается своимъ занятіямъ.

А самая Инквизиція? Какое мрачное и ужасное явленіе! Инквизиція свирѣпая, слѣпая, владѣвшая безчисленными сводами и подземельями монастырей, не вѣрящая ничему, кромѣ своихъ ужасныхъ пытокъ, на которыхъ чловѣкъ показалъ адскую изобрѣтательность; Инквизиція, выпускавшая изъ подъ монашескихъ маншій свои желѣзные когти, хватавшіе всѣхъ безъ различія, кто только ни предавался спрашнымъ и необыкновеннымъ занятіямъ; подтвердившая великую истину, что если можетъ физическая природа чловѣка, доведенная мукамъ, заглушить голосъ души, то въ общей массѣ всего чловѣчества душа всегда торжествуетъ надъ шѣломъ.

Не единственны ли все эти явления? Не даютъ ли они права назвать Средніе Вѣка вѣками чудесными? Чудесное прорывается при каждомъ шагѣ и властвуетъ вездѣ во все печеніе эпихъ юныхъ десяти вѣковъ. Юныхъ потому, что въ нихъ дѣйствуетъ все молодое, кипящее опвагою, порывы и мечты, не думавшія о слѣдствіяхъ, не призывавшія на помощь холоднаго соображенія, еще не имѣвшія прошедшаго, чтобы оглянуться. Все было въ нихъ — поэзія и безопечность. Вы вдругъ почувствуете переломъ, когда вступите въ область Истории Новой. Перемена слишкомъ ощутительна, и состояніе души вашей будетъ похоже на волны моря, прежде воздымавшіяся неправильными, высокими буграми, но послѣ улегшіяся, и всею своею необозримою равниною мѣрно и стройно совершающія правильное печеніе. Дѣйствія чловѣка въ Среднихъ Вѣкахъ кажутся совершенно безопечны; самыя великія происшествія представляютъ совершенныя контрасты между собою и прошиворѣчаютъ во всемъ другъ другу. Но совокупленіе ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ цѣлое являютъ изумительную мудрость. Если можно сравнить жизнь

одного человека съ жизнью цѣлаго человѣчества, по Средніе Вѣка будутъ поже, что время воспитанія человека въ школѣ. Дни его пекутъ незамѣтно для свѣта, дѣянія его не такъ крѣпки и зрѣлы, какъ нужно для міра: объ нихъ никто не знаетъ, но за то они все-слѣдствіе порыва и обнажаютъ за однимъ разомъ все внутреннія движенія человека, и безъ нихъ не состоялась бы будущая его дѣятельность въ кругу общества.

Теперь разсмотримъ, между какими колоссальными событіями заключаеися время Среднихъ Вѣковъ! Великая Имперія, повѣдавшая міромъ, двѣнадцативѣковая нація, дряхлая, испощенная, падаетъ; съ нею валится полсвѣта, съ нею валится весь Древній Міръ съ полуязыческимъ образомъ мыслей, безвкусными Писателями, гладіаторами, спашуями, пѣжестію роскоши и ушонченностью разврата. Это ихъ начало. Оканчиваюися Средніе Вѣка поже самымъ огромнымъ событіемъ: всеобщимъ взрывомъ поднимающимъ на воздухъ все и обращающимъ въ ничто все спрашныя власпи, такъ деспотически ихъ обнявшія. Власпь Папы подрываеися и падаетъ, власпь не-

вѣжества подрываеяся, сокровища и всемирная торговля Венеціи подрываюяся, и когда всеобщій хаосъ переворопта очищаеяся и проясняеяся, предъ изумленными очами являюяся Монархи, держащіе мощною рукою свои скипетры; корабли, расширеннымъ взмахомъ несущіеяся по волнамъ необъятнаго Океана мимо Средиземнаго моря, въ рукахъ у Европейцевъ вмѣсто безсильнаго оружія — огонь; печашные листы разлеташаюяся по всемъ концамъ міра; и все эпо резулытапы Среднихъ Вѣковъ. Сильный напоръ и усиленный гнѣсъ власпей, казалось, были для того только, чпобы сильнѣе произвешъ всеобщій взрывъ. Умъ челоуѣка, задвинушый крѣпкою полщею, не могъ иначе прорвапьяся, какъ собравши все свои усилія, всего себя. И опъ того-то, можетъ быть, ни одинъ вѣкъ не представляешъ такихъ гиганшскихъ опкрытій, какъ XV; вѣкъ, кошорымъ пакъ блистательно оканчиваюяся Средніе Вѣка, величешвенные, какъ колоссальный гопшическій храмъ, шемные, мрачные, какъ его перестѣкаемые одинъ другимъ своды, песпрые, какъ разноцвѣшныя его окна и куча изузориваюшыхъ его украшеній, возвышенные, ис-

полненные порывовъ, какъ его лепящiе къ
небу столпы и стѣны, оканчивающiяся
мелькающимъ въ облакахъ шпирцемъ.

ГЛАВА

ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА.

Г Л А В А

ИЗЪ

ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА (*).

=

Между шѣмъ посланникъ нашъ переѣхалъ границу, отдѣляющую нынѣ Пирипшинскій повѣсть опъ Лубенскаго. Общихъ ѣзжа-

(*) Изъ Романа подъ заглавіемъ : Гетьманъ; первая часть его была написана и сожжена, попому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ; двѣ главы, напечатанныя въ періодическихкихъ изданіяхъ, помѣщаются въ этомъ собраніи.

лыхъ дорогъ тогда не было въ Малороссіи; но почти каждому извѣстна была какая-нибудь проселочная, по мнѣнію его, самая ближайшая. Часпо такая дорога, уклоняясь отъ ровной поверхности, проскальзывала въ рышвины, царапалась по косогору, въшала надъ провалами, и одинъ не ровный, слегка пропощанный подковою коня слѣдъ, означалъ ея уклоненія. Доспащочно было только выѣхать въ дорогу, чтобы выучиться не разбираться ночлегомъ. Главное же неудобство для путешественника, незнакомленнаго съ мѣстами, было то, что онъ долженъ былъ на разстояніи 25 или 50 ружейныхъ выстрѣловъ, вывѣдывать и выспрашивать пути у жителей, которыхъ показанія всегда почти разногласили.

Пустивъ поводъ и наклонивъ голову, всадникъ нашъ давно уже погруженъ былъ въ раздумь, и только изрѣдка попадавшіяся кочки и пни срубленныхъ деревьевъ, заставляя спотыкаться вѣрнаго его поварища, борзаго коня, перерѣзывали разомъ его думы, которыхъ снова обычнымъ ожерельемъ низались въ голову его. Въ первый разъ еще случалось ему выполнять такое порученіе: ѣхать, Богъ знаетъ куда, въ незаселенныя

спени Украйны! и кто эптогъ Глечикъ?..
какая нужда Казимиру до начальника какой-
по шайки, называвшаго себа полковникомъ
Миргородскаго полку?... Ему не объявлено
было ничего удивительнаго ни о ха-
рактерѣ, ни о силѣ его, ни о томъ, какія
онъ имѣетъ сношенія, и съ кѣмъ?.. Къ че-
му же эша оспорожность, какую нужно
было имѣть въ рѣчахъ съ нимъ? Зачѣмъ пе-
релешашъ такую даль, чшобы только до-
спавишь ему свѣдѣнія о событіяхъ, волно-
вавшихъ Варшаву? И чѣмъ могъ бытъ по-
лезенъ такой отдаленный союзникъ?.. Мы-
сленно досадывалъ онъ на себя, чшо
не вывѣдалъ обстоятельно объ эшомъ
отъ Бригитты: ей, безъ сомнѣнія,
сколько нибудь были извѣсны причины
такого страннаго посольства. Солнце ме-
дленно прощалось съ землею. Живописныя
облака, обхваченныя по краямъ огненными
лучами, поминушно мѣняясь и разрываясь,
лешли по воздуху. Сумерки угрюмо надви-
гали сизую пѣнь свою и припворяли мало
помалу спавни окошекъ, освѣщавшихъ свѣп-
лый Божій міръ. Въ эшо время пупникъ
нашъ, послѣ долгаго степнаго спранспвія,
въѣхалъ въ лѣсъ. Раздѣшныя безжалостною

осенью деревья сквозили, какъ рѣшето, и казалось, дрожали опть вечерняго холода. Желшые лисшья, какъ объѣдки и бишые ковши опть недавняго пиршества, валялись не приборанные, и одинъ полько шелеспть ихъ, ходя по лѣсу, давалъ знашь о присущспвii въ немъ нашего всадника. Сквозь обнаженную вершину лѣса темнѣло небо; рѣзкій въсперь подымался съ поля и мчалъ заунывные свои вопли въ гущу лѣса. Пушникъ поневолѣ задумался и оспановилъ коня своего въ нерѣшимости. чшо предприняшь, пошому, чшо дорога совершенно исчезла и передъ нимъ шорчалъ одинъ полько лѣсъ, да неизвѣспность; какъ вдругъ громкiй голосъ «цобъ, цобъ!» поразилъ слухъ его, шяжело нагруженный возъ заскрыпѣлъ и пара воловъ показалаь изъ-за деревьевъ. Надобно вообразить себя на мѣспть пушешеспвенника, чшобы еполнѣ почувспвовалъ радость шакой вспрѣчи. Луна въ это время вырѣзалась на небѣ. Серебранный свѣшъ, перепушанный шѣнью опть деревъ, палъ рѣшешкою на землю, освѣшвивъ далеко окреспность, и Лапчинскiй увидѣлъ передъ собою дюжаго пожилаго селянина. Съдые, закрученныя внизъ усы его, гордо покоились на

смугломъ, означенномъ рѣзкими мускулами лицъ, которое такъ просподушно опшѣняла какая-то Азіяпская безпечность. По чернымъ бровямъ серебрлась сѣдина, огонь вылеталъ изъ небольшихъ карыхъ глазъ и въ огнѣ помъ высвѣчивались попеременно по хипроспъ, по просподушіс. На головѣ у него была черная казацкая шапка съ синимъ верхомъ. Коропешкій нагольный шулупъ, зашянушій яркоцвѣпнымъ поясомъ, служилъ непроницаемыми лапами опъ холода; сверхъ эшого одѣянія, въ добавку накинупъ былъ обыкновенный кобенякъ изъ полстаго смураго сукна, копорый и понынь носяпъ Малороссійскіе мужики. Изъ-за пояса торчала пицаль и изогнушая Тапарская сабля — оружіе, копорое въ шогдашнія смупшныя времена всякой Казакъ, рапникъ и селянинъ, почипалъ необходимоспью всегда имѣпъ при себѣ.

— «Помогай Боже» сказалъ онъ, оспановивъ воловъ и обнаживъ увѣичанную полько на верхушкѣ киспью волосъ голову, въ знакъ шого уваженія, какое обыкновенно оказывали шогда простые поселяне рапнымъ людямъ. Надобно припомнипъ, что Лапчинскій, въ избѣжаніе непріяпностей,

какимъ бы онъ неминуемо подвергнулся отъ жипелей, неперпѣвшихъ всего, что польско носило названіе Ляха, или принадлежало Ляхамъ, принужденъ былъ перемѣнить щегольской костюмъ свой на скромное одѣяніе Казацкаго десятника. Всадникъ нашъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы на сіе привѣтствіе. — «Не знаешь ли, землякъ,» молвилъ онъ съ ласковымъ видомъ: «далеко ли отсюда до Ромодановскаго шляху?»

— «Не съумѣю, добродію, скажешь вдругъ; повремените немножко!» — Тупъ принялся онъ высчитывать, что выражали машинально сгибаемые имъ пальцы. — «До Ромодановскаго шляху!... Какъ бы вамъ скажешь... оно не такъ, чтобы близко. Надо было знать, что Казаки наши немного было перешрусилы: кто-то пронесъ слухъ, что все шляхетство собирается къ намъ на Сулу въ гости. — Спихнулись съ дуру и разломали мосты; такъ вамъ, добродію, чтобы не пришлось давать большихъ объѣздовъ. Впрочемъ, Богъ его знаетъ: я говорю это потому, что другіе говорятъ... такъ, можетъ быть, выберется и короткій путь; только, знаете, шеперь время осеннее... то спанется, что и далеко... Только опять

же какъ подумаешь, то кажется что и близко. Вошь другое дѣло, если бѣ были поставлены сполбы по дорогѣ, какіе, безъ сомнѣнія, сами, добродію, если бывали въ Польшѣ, встрѣчали по шамошнимъ дорогамъ.»

Не должно удивляться противорѣчіямъ, изнеспрямившимъ монологъ нашего поселанина. Кромѣ дѣйствительной неизвѣстности, Малороссіяне любили поусомниться и въ самомъ знакомомъ имъ дѣлѣ. Мадороссіянинъ и донинѣ ничего не скажетъ наобумъ, но разъ десять исправитъ себя, а иногда съ умысломъ запускаетъ своего слушателя шакъ, что шопъ, къ изумленію своему видишь, что до шакого-шо мѣсна и далеко и близко.

— «Куда же, по крайней мѣрѣ, мнѣ шеперь держашь пущь?» спросилъ спранникъ, вперивъ испышующій взоръ на своего наставника.

Тущь селянинъ нашъ осмошрѣлъ его хо-рошенько съ головы до ногъ. «А вы, добродію, хошите шеперь вхашь?»

— «Почему же не шеперь?»

— «Богъ съ вами! шеперь и нашъ брашъ, здѣшній, уже сильно подумавши развѣ поѣдетъ. Знаешь, мосьпане! вѣдь намъ спод-

ишь только проѣхашь такое время, въ какое добрый мужикъ успѣешь вымолосишь полкопны жища, чшобы слышашь собачій лай съ моего двора. Все бы лучше опочишь въ теплой хашъ, а завтра хощь и съ Богомъ!» Опъ шакого предложенія нельзя было опказатьсь пушнику, копорый, кажешся, шого только и ожидалъ.

— «А куда,» спросилъ дорогою поселенннъ нашъ своего будущаго госпя, «лежишь пушь вамъ, мосьпане?»

— «Бду-шо я далеко, на шу сторону Ворс-кла, къ Миргородскому полковнику Глечику. Чшо, землякъ, не знаешь ли и шы его?»

— «Какъ не знать эпой спарой собаки. А изъ какихъ мѣстъ Богъ несешъ?»

— «Изъ великой спаницы, чшо подь Лохвицею.»

— «Какъ же эпо, добродію! мы не слышали ничего про шо, чшобы спаница была подь Лохвицею?» — Туцъ вонзилъ онъ въ него острый взоръ свой, копорый, казалось, хощьль выпытатъ его душу. — «И шо сказашь! гдъ уже мужику знашь все про войсковыя дѣла; до нашего захолустья еще и слухи не дошли объ эпомъ.»

Посланникъ нашъ спохватился, что не нужно бросать оспорожности въ разсказахъ и съ проспымъ селяниномъ, и попому, собравшись немного съ мыслями, продолжалъ: «То еспь, вошь видишь, землякъ, навѣрное я еще не могу сказать. Въ самой-то спаницѣ я не былъ, а встрѣтившійся водѣ Лохвицею Запорожскій сонникъ Шляйко, узнавъ, что я ѣду въ эти мѣста, далъ мнѣ грамотку къ Миргородскому полковнику. Лешель онъ, какъ угорѣлый; изъ разспросовъ его я ничего не могъ узнать навѣрное. Недавно передъ тѣмъ возвратился я изъ Варшавы... Видишь, онъ можетъ быть имѣлъ причины недовѣрять мнѣ... то еспь... онъ... ты, думаю, понимаешь меня.»

— «Что вы говорите, добродію! Развѣ мужикъ пойметъ то, что толкуютъ пань? Ей Богу, нѣтъ;— гдѣ намъ понять! у насъ и голова не такъ сдѣлана, какъ у пановъ; чортъ знаетъ, что такое, больше на капусту похоже, чѣмъ на голову.»

— «О! да ты шука!» подумалъ про себя Лапчинскій и положилъ себѣ быть какъ можно оспорожнѣе въ словахъ. Онъ во все это время ѣхалъ шагомъ, уравнивая легкую

послупъ своего гордаго коня съ лѣнливою
выступкою шяжелыхъ воловъ, впереди ко-
порыхъ съ флегматическою важносью
шелъ селянинъ, помахивая бапогомъ и по-
шягивая корошенькую люльку (*). Дымъ отъ
нея обнималъ облаками смуглое лице его,
кошорое, освѣщаясь иногда вспыхивавшимъ
огонькомъ, казалось лицомъ какого нибудь
упыря, выказывавшимся по временамъ изъ
непробуднаго болошнаго шума и съявшимъ
искры чуднаго огня. Это заставляло Лап-
чинскаго чаще всмаприваться ему въ глаза,
чшобъ удостовѣриться, точно ли по былъ
его поварищъ. Но селянинъ нашъ самъ опго-
нялъ всякое на счепъ его сомнѣнiе, не да-
вая минушы задуматься своему госпю. —
«Слыхали ль вы, добродiю, про шаковое ди-
во?» говорилъ онъ, не выпуская изъ рта
своей шрубки: «видишь ли сосну, вонъ да-
леко, далеко чернѣетъ передъ нами?» и пу-
шникъ къ удивленiю своему шочно увидѣлъ
сосну. Какимъ образомъ зашла она сюда,
когда во всей почши эпои споронъ Мало-
россии, на разшоянii можешъ быть по шу
вершъ во всѣ спороны, взоръ не опшыски-

(*) Трубку.

валъ эпой суровой жилицы Сьвера. Невольно впериль онъ на нее глаза свои: она одна шолько посреди обнаженнаго лѣса сохраняла, казалось, жизнь, но жизнь ли эшо? Эшо была мумія, копорую съ изумленіемъ опискиваюшъ между голыми скелешами, одну несокрушенную плѣніемъ. Въ ней видны пѣ же чершы, ша же прекрасная форма челоувѣка объемлешъ ее. Но, Боже! въ какомъ видѣ? Неопразимое, непоняпное чувсшво шоски и ужаса врывается въ душу при взглядѣ на жалкій обманъ, копорымъ суешное искусшво силишся выхвапшпъ и удержашъ чшо-шо похожее на жизнь.

— «Эшо еще не большое диво, чшо сосна, а вошъ чшо диво: лѣшъ за пяпдешашъ передъ шѣмъ, какъ мы балагуримъ съ вами, жилъ, чупъ ли не на вошъ эшомъ мѣспѣ, въ хоромахъ великій панъ. Воевода ли онъ былъ, сонникъ ли какой, или проспо шанъ, эшого я не умѣю сказапъ; знаю шолько, чшо онъ былъ Ляхъ и не нашей вѣры. Жилъ онъ, какъ всѣ нечиспные Польскіе паны живупъ: домъ съ ушра до вечера ходенемъ ходилъ ошъ вина, да ошъ пѣсень, и далече прохвашывала дрожъ крещенаго челоувѣка, когда онъ слышалъ раздававшіеся изъ лѣсу

крики. Хлопцы изъ дворни его по и дѣло что наѣздничали по хуторамъ, да обирали бѣдныхъ жителей. Эшого мало. Спали обворовываешь, да обдираешь Божьи церкви, и шакое дѣлали... врагъ съ ними! не хочу и говоришь, что шакое. Побить бы ихъ всѣхъ, добродію — шакъ нельзя, пошому, что дворни одной у нихъ было можеть съ полшоры сошни, да и на каждаго бердыши, самопалы и вся збруд рашная. Вошь и вызвался одинъ Дьяконъ — какъ уже его звали и изъ какого приходу онъ былъ, ей Богу, добродію, не знаю; — вызвался и пришелъ въ лѣсъ. Если бы шеперь не ночь, и не засыпало лисшѣмъ, шо я, можеть спашься, показалъ бы вамъ оспанки эшого дьявольскаго гнѣзда. На ту пору — шакъ видно самъ Богъ уже хоптъ — былъ у нихъ какой-шо окаанный праздинокъ. Дьяконъ шель уже напропало, сказалъ: Господи благослови и сколько доснавало духу, цюкнулся въ вороша, запертые шолнившимся народомъ. Цымбалы и бандуры бренчали и гудѣли, словно на свадьбѣ, а пьяные шаны и дворня изо всей силы опдирали краковякъ. Какъ шолько завидѣли Дьякона, шакъ, добродію, и закричали: «зачѣмъ сюда при-

несло попа?» а панъ говоритъ: «гей, хлопцы! налейше-ка попу водки: пусть его танцуетъ съ нами, добрыми Христианами, краковякъ, да подгондйше его хорошенко бапожьемъ!» Дьяконъ, исполнившись, видно, Свяшаго Духа, началъ предспавляшь нечеспивымъ весь грѣхъ беззаконнаго жипья ихъ, и какія на шомъ свѣщѣ будущъ имъ муки, и какъ будущъ они плясать въ пеклѣ (*), шолько не по своей волѣ, а подгоняемые горячими вилами чершей. — «А! шакъ шы еще и проповѣдь чипаешь! Гей, хлопцы! поднимите попа на крылось, а чтобъ не засшудиль горла, накиньше ему галспукъ на шею!» И шупъ же челядь съ нечеловѣчьимъ смѣхомъ и гикашьемъ вспащила несчастнаго Дьякона на шу самую сосну, мимо которой лежитъ намъ шупъ. Позвольше, добродію: шупъ-то и испорія: сосна эша какъ разъ спояла передъ хоромами, и какъ нарочно еще передъ самыми окошками панской свѣшлицы. Вошъ какъ ночь уже разогнала всѣхъ: кого на лавку, кого подъ лавку, пану нашему чудидися, что на него каплетъ что-шо хо-

(*) Въ адѣ.

лодное: «Что за нечистой!» подумалъ панъ, «ошъ чего это каплетъ?» Всмалъ съ поспели, глядишь: колючія възви сосны царапаюшя къ нему сквозь спѣну и будшо живыя, вышягиваюшя длиннѣе, длиннѣе и какъ разъ доспаюшъ до него. Перекреспился, можешъ бышь, въ первый разъ ошъ роду нашъ панъ, когда увидѣлъ, что изъ нихъ каплетъ человѣчья кровь, сначала холодная какъ ледъ, а попомъ жжешъ да и полько! Къ окну—шакъ и ноги подкосились: сосна вся посинѣла, какъ мерпвецъ, и спрашно киваетъ ему черною, всклокоченною бородою. Сначала было думалъ панъ, не хмель ли бродишь у него въ головѣ: шакъ на слѣдующую ночь поже диво, и вся дворня въ одинъ голосъ, что по лѣсу по и дѣло, что ошпѣваюшъ усопшаго шакимъ спрашнымъ голосомъ что всякаго морозъ драмъ по кожѣ и волосы щепиною поднимались на головѣ. Чего ужъ не дѣлали: и погребли съ чеспью шѣло Дьякона, и принимались было рубишь сосну—шакъ сѣкира не беретъ: что ни ударяшъ, шопоръ вызубрился, а дерево спонешъ, будшо дия некрещеное. Рѣшились наконецъ бросишь, это окаянное мѣсто.

Вошъ каждый день и соберётся вся челядь, осёдлаюшъ коней, заберушъ все съ собою и выѣдушъ, еще черпи не бьюшся на кулачки; ѣдушъ, ѣдушъ, до самаго вечера: кажись, Богъ знаетъ куда заѣхали! Оспановяшся ночевашъ — смошряшъ, знакомыя все мѣста: опять пошъ же дикой лѣсъ, шъ же хоромы, а прокляшяя сосна, пропигивая вѣшви, словно руки, хватаешъ пана и обдаешъ его кровавыми каплями, а черная, всклокоченная борода шакже жудко киваетъ ему...» Тушъ разскащикъ нашъ спремипельно ударилъ въ слушапеля огненными глазами своими, блиспавшими еще ярче посреди ночи, и казалось, не безъ удовольствія замѣшилъ въ немъ впечатлѣнiе, произведенное его разсказомъ. Дѣйспвипельно пупникъ нашъ не могъ не ощушишъ какого-шо пайно врывавшагося въ душу спраха, и съ беспокойствомъ посмашривалъ вокругъ. Въ эшо время поравнялись они съ съ сосной. Серебряный свѣшъ падалъ на печальныя вѣшви ея и ошбрасывавшіяся опъ нихъ шѣни, будшо продолженіе ихъ, переламливаясь о вшпрѣчныя деревья, ложились безконечною лѣспницею на землю. Вѣшерь слегка покачивалъ вершину и когда пуш-

никъ, немного проѣхавъ, оглянулся назадъ, по ему показалось, что какой нибудь непризненный духъ, принявъ дикій, величественный образъ, медленно слѣдовалъ за нимъ, печально покачивая угрюмою бородою и разкидывая шемнозеленія объѣпія свои, въ намѣреніи схватить его.

— «Что же далѣе случилось?» спросилъ онъ умолкшаго рассказчика, спараясь подавить невольную робость.

— «Что? крушо пришлось пану: разпустилъ всю свою дворню, спалъ схимникомъ, и какъ онправилъ пѣшдесѣть двѣ панихиды за упокой души дьякона, тогда шолько спихнуло чудо. Куда же дѣлся послѣ того схимникъ, этого никшо не скажешъ вамъ. Дня за три до купала, кашлешъ съ эшаго дерева день и ночь роса. Говоряшъ еще, что и сгубленная чья-шо душа паскаешся по лѣсу. Теща рассказывала года за чешыре, когда была еще при памяти, что встрѣшила однажды въ лѣсу дьявола въ красномъ жупанѣ, въ какомъ ходилъ и покойный панъ. — Цобъ, цобъ, цобе! гей! Вошъ мы, добродію, и пріѣхали.» Лапчинскій увидѣлъ дѣйствительно передъ собою низенькіе воропа, рѣдко убитые впоперегъ положен-

ными досками, какіе и шеперь можно видѣшь почти у каждаго Малороссійскаго поселенина. Лай собакъ залился по лѣсу и спарая женщина, въ накинутомъ на плеча пуплѣ, вышла опворить вороша. Глазамъ нашего пущника предспавился не большой дворикъ, обнесенный заборомъ изъ болошнаго проспника, нѣсколько сараевъ и хлѣвовъ, укрытыхъ шакимъ же проспникомъ, и обыкновенная Малороссійская хапа. На дворѣ навалецъ былъ ворохъ ульевъ, изъ копорыхъ многіе развѣшены были на деревьяхъ, нагибавшихъ совсѣхъ споронѣ любовышныя вѣшви свои во дворѣ, какъ будшо низкая буколическая жизнь его могла доспавить имъ, величественнымъ, занимапельное зрѣлище. Позади двора шянулось еще какое-шо спроеіе; копораго за шемношою нельзя было разпознашь. По всему можно было заключить, что имѣіе сіе принадлежало слишкомъ зашпичному Козаку: въ шогдашніа времена не у всякаго могло найшсь подобное великолѣіе. Пока хозяинъ занимался выгрузкою своего выюка, Лапчинскому было довольно времени разсмоирѣшь внушренность эшого обшпалища. Все въ немъ было почти шакже, какъ и

нынѣ у просполюдимовъ Малороссіи: прошивъ дверей нѣсколько оконъ, передъ ними споль, на кошоромъ замѣшилъ онъ ржаной хлѣбъ и соль, не снимавшіеся съ него никогда въ знакъ того, что гость во всякое время можешь найти радушный пріемъ себѣ. Всю комнату обходили липовыя широкія и узкія лавки; у дверей громадилась печь, съ отверспіемъ внизу, заслоненнымъ частою рѣшешкою, изъ-за кошорой выглядывали куры, гусы, индѣйки и домашніе кролики. Каждый изъ сихъ безсловесныхъ жильцовъ суешился по своему: пищаль, кудахпаль, гогопаль и даваль знашь что онъ ни мало не послѣднее изъ швореній. На полу мальчишка лѣпъ чешырехъ колопиль огромнымъ подсолнечникомъ опрокинутому горшку, между шѣмъ какъ другой, годомъ по спарѣе, душилъ за горло коша, напѣвая какую-то пѣсню, кошорую, вѣрно, опъ часпаго повшоренія его машери, заучиль навѣки. Передъ большимъ, окованнымъ сундукомъ, сидѣла дѣвочка лѣпъ одиннадцати, держа на рукахъ груднаго ребенка, плакавшаго изо-всѣхъ силъ, не смощря на то, что она, желая забавишь его, побрякивала огромнымъ замкомъ и спращала ма-

люпку вошедшимъ гостемъ. На спѣнѣхъ висѣли: серпъ, сабля, ружье, котораго замокъ былъ развинченъ и лежалъ близъ него на полкѣ, вѣроятно опложенный для подчинки, съкира, Турецкій пистолетъ, еще ружье, неопущенная коса и корошенькая нагайка — орудія, съ незапамятныхъ временъ вѣчно враждовавшія между собою и копорья непонятный человекъ заставляешъ мириться, не смотря на несходныя ихъ свойства.

— «Прошу непогнѣваться, добродію, что заставилъ васъ ждашь не много?» сказалъ вошедшій хозяинъ: «шакъ проклятая ярмарка ошеломила меня, что до сихъ поръ въ головѣ базаръ ходишь. Счасье еще, что спарухи моей нѣтъ дома; а шо бы она вымыла мнѣ голову. Дома шолько насъ: я да пеща.» При семъ словѣ вошла ша самая спаруха, копорая ошворяла вороша. Съ какимъ-шо грустнымъ чувствомъ разсмапривалъ ее пушникъ? казалось, передъ нимъ спояла жершва могилы, въ копорой сильная природа нарочно удерживала жизнь, чшобы показашъ человекъ всю ничшожность долгольшія, къ коему шакъ жадно спремяшся его желанія. Могильное равнодушіе разливалось на усьяиныхъ морщинами чер-

пахъ ея. Ни искры какой нибудь живоспи въ глазахъ! мушныя, они успрямлялись порой на него; но шопъ бы обманулся, кшо прочишалъ бы въ нихъ чшо нибудь похожее на любопытство. Они ни на чшо не глядѣли; имъ все казалось смупно, какъ не совсѣмъ проснувшемуся челоуѣку. Покамѣсь предавался онъ шакимъ чувспвамъ, старуха опправилаь на печь, всегдашнее свое жилище, весь мѣръ свой, копорый шакже казался ей проспоренъ и люденъ, какъ и всякой другой; а хозяйнъ обратился къ дѣшамъ своимъ. «Ай, да Федошъ!» говорилъ онъ, поднимая одною рукою подъ пополокъ мальчика съ подсолнечникомъ: «гдѣ ты взялъ шакой спрашннй сонечникъ (*)? да эшимъ ты какъ нибудь челоуѣка убьешь! Ты чшо шамъ дѣлаешь Карпо? коша душишь? какой же я шебъ госпинецъ привезъ! Спунай же, собачій сынъ! чшоужъ ты спонишь и рошъ разинулъ? Вошъ какъ видите, добродію, спо разъ шолкую, чшо я его башька: до спхъ поръ не вѣришь ледача дѣшина (**)! А ты плакса, долго будешь ревѣшь! А подайне мнѣ бапогъ! вошъ я

(*) Подсолнечникъ, по Малороссійскому прозвищенію.

(**) Негодный ребенокъ.

его! Давай его сюда, Маруся; я сей часъ за окошко: пущь тамъ съѣдашъ его волки, либо Ляхи

— «Тебя шаки, землякъ, Богъ надѣлилъ дѣшми?» сказалъ госпъ нашъ своему хозяину.

— «Да не безъ того, мосьпане! всѣхъ-то ихъ у меня семеро. Два уже поженился на чужой споронъ: только чорпъ знаешъ какое приданное взяли за невѣспами: по сажени земли, на кошорой ничего ни родишся, кромъ полыни и бурьяну. Чпожъ ты, Федотъ, не скажешъ спасибо? папъ даешъ пряникъ, а онъ и не поклонился. Не извольше цѣловать его! у него вся рожа выпачкана золою. Были мнѣ съ нимъ порядочныя хлопоты. Услышалъ, чпо тду на ярмарку: возьми и меня, папу! — Да куда я тебя дѣну? тамъ тебя задавшъ! — Пѣтъ не задавшъ! возьми, да и возьми! — Да тамъ шеперь сполько Цыгановъ, чпо еще украдушъ тебя, и шогда поминай какъ звали.—Возьми, да и шолько! — Чпо спанешъ дѣлать? плачу шакого нашворилъ, чпо Боже упаси. Насилу унялъ его обѣщаніемъ привезши медоваго коня съ золошой головою. Ну, Маруся, машери цезачѣмъ дожи-

дашься: давай-ка намъ вечеряшь, баба ужъ вѣрно спишь! Такъ до кого, добродію» продолжалъ онъ, вдругъ оборотясь къ госполю и садясь за столъ» говоришь ты, ѣдешь? уменя подь спаросшь голова какъ дырявое ведро: сколько ни лей воды въ него, все пусто; сколько ни полкуй умныхъ рѣчей, все позабудешь.»

— «Какъ, замлякъ? развъ я не сказалъ тебѣ, чшо до Глечика,» опвѣчалъ гость, немного удивленный шакою спранною забывчивосшью.

— «До Миргородскаго Полковника? шакъ нечего тебѣ и забираться шакъ далеко: не кшо другой, какъ онъ, сидишь передь шобою, мосьпане!»

Если бы въ это время пуля пролетѣла мимо ушей Лапчинскаго, онъ былъ бы мене удивленъ. Такъ внезапно, шакъ неожиданно напасшь на него въ разплохъ, когда всѣ мысли его разбрелись когда ншпъ! не можешъ бышь: онъ ослышался! И глаза его неподвижно устремились на хозяина, какъ бы желая удостовѣриться въ лживосши шого, о чемъ донесъ ему слухъ его.

1830.

О ПРЕПОДАВАНИИ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

О ПРЕПОДАВАНИИ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

=

I.

Всеобщая Исторія, въ истинномъ ея значеніи, не естъ собраніе частныхъ Исторій всѣхъ народовъ и Государствъ безъ общей связи, безъ общаго плана, безъ общей цѣли, куча произшествій безъ порядка, въ безжизненномъ и сухомъ видѣ, въ какомъ очень

*

часто ее представляють. Предметъ ея великъ: она должна обнять вдругъ и въ полной карпинѣ все человѣчество, какимъ образомъ оно изъ своего первоначальнаго, бѣднаго младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и наконецъ достигло нынѣшней эпохи. Покажутъ весь эпоху великій процессъ, который выдержалъ свободный духъ челоука кровавыми трудами, борясь опъ самой колыбели съ невѣжествомъ, природой и исполинскими препяшствіями: вопъ цѣль всеобщей Испоріи! Она должна собрать въ одно всѣ народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями, и соединить ихъ въ одно спройное цѣлое; изъ нихъ соспавитъ одну величественную полную поэму. Произшествіе, не произведшее вліянія на міръ, не имѣетъ права войти сюда. Всѣ событія міра должны бытъ пакъ тѣсно связаны между собою и цѣпляться одно за другое, какъ кольца въ цѣпи. Если одно кольцо будетъ вырвано, то цѣпь разрывается. Связь эту не должно принимать въ буквальный смыслъ. Она не есть та видимая, вещественная связь, копорою часто насильно связываютъ произшествія, или Система, создающаяся

въ головѣ независимо опъ фактовъ, и къ которой послѣ своевольно припягиваютъ событія міра. Связь эпа должна заключаться въ одной общей мысли: въ одной неразрывной Исторіи человѣчества, передъ которою и Государства и событія — временныя формы и образы! Міръ долженъ быть представленъ въ помъ же колоссальномъ величій, въ какомъ онъ являлся, проникнутый гъми же таинственными пушями Промысла, которые такъ непосредственно на немъ означались. Импересъ необходимо долженъ быть доведенъ до высочайшей степени, такъ, чшобы слушателя мучило желаніе узнать далѣе; чшобы онъ не въ состояніи былъ закрыть книгу, или не дослушать, но если бы и сдѣлалъ эшо, шо развѣ съ щемъ шолько, чшобы начать съизнова чтеніе; чшобы очевидно было, какъ одно событіе раждаетъ другое и какъ безъ первоначальнаго не было бы послѣдующаго. Только такимъ образомъ должна быть создана Исторія.

II.

Все, что ни являешся въ Исторіи: народы, событія — должны быть непременно живы и какъ бы находишься предъ глазами

слушашелей, или чипашелей, чшобъ каждый народъ, каждое Государство сохраняли свой мѣръ, свои краски, чшобы народъ со всѣми своими подвигами и вліяніемъ на мѣръ проносился ярко, въ шакомъ же почно видѣ и косшюмѣ, въ какомъ былъ онъ въ минувшія времена. Для шого нужно собрать не многія чершы, но пакія, копорыя бы высказывали много, чершы самыя оригинальныя, самыя рѣзкія, какія шолько имѣлъ изображаемый народъ. Для шого, чшобы извлечь эши чершы, нуженъ умъ, сильный схвашишь всѣ не замѣшныя для проспанаго глаза опшѣнки, нужно шерпѣніе перерышь множество иногда самыхъ неиншперсныхъ книгъ. Но что уже одинъ узналъ, шо другимъ передается легко; и цопому слушашели должны узнать эшо, не роясь въ архивахъ.

III.

Прешодаватель долженъ призвать въ шощь Географію, но не въ шомъ жалкомъ видѣ, въ какомъ ее часшо принимающъ, ш. е. для шого шолько, чшобы показашъ мѣшшо, гдѣ что происходило. Нѣшъ! Географія должна разгадашъ многое, безъ нее неизъяснимое въ Ишпоріи. Она должна пока-

зашь, какъ положеніе земли имѣло вліяніе на цѣлыя націи; какъ оно дало особенный характеръ имъ; какъ часто гора, вѣчная граница, взгроможденная Природою, дала другое направленіе событіямъ, измѣнила видъ міра, преградивъ великое разлічіе опустошительнаго народа, или заключивши въ неприсущной своей крѣпости народъ малочисленный, какъ это могучее положеніе земли дало одному народу всю дѣятельность жизни, между шѣмъ какъ другой осудило на неподвижность; какимъ образомъ оно имѣло вліяніе на нравы, обычаи, правленіе, законы. Здѣсь-то они должны увидѣть, какъ образуется Правленіе; что его не люди совершенно устанавлюють, но нечувствительно устанавливаетъ и развиваетъ самое положеніе земли; что формы его опъ шого священны, и измѣненіе ихъ неминуемо должно навлечь несчастіе на народъ.

IV.

Событія и эпохи великія, всемірныя, должны бышь означены ярко, сильно, должны выдвигашься на первомъ планѣ со всѣми своими слѣдствіями, измѣнившими міръ: не шакъ, какъ дѣлають иногда Преподаваше-

ли, копорые, сказавши, что шакое-шо про-
исшесшвіе еспъ великое, пѣмъ и опдѣлы-
ваюпся, или приводяптъ близорукія слѣд-
спвія въ видѣ опрубленныхъ вѣшвей, шо-
гда какъ должно развипъ его во' всемъ про-
спранспвѣ, вывеспъ наружу всѣ шайныя
причины его явленія и показапъ, какимъ
образомъ слѣдспвія опъ него, какъ широ-
кія вѣшви, распросшираюпся по грядущимъ
вѣкамъ, болѣе и болѣе развѣшвляюпся на
едва замѣшныя оппрыски, слабьюптъ и на-
конецъ совершенно исчезаюптъ, или глухо
опдаюпся даже въ нынѣшнія времена, по-
добно сильному звуку въ горномъ ущельи,
копорый вдругъ умираептъ послѣ рожденія,
но долго еще опзывается въ своемъ эхѣ.
Эши собышпія должно показапъ въ шакомъ
видѣ, чтообы всѣ видѣли ясно, что они ве-
ликіе маяки Всеобщей Испоріи; что на нихъ
она держипся, какъ земля держипся на
первозданныхъ гранипахъ, какъ живошное
на своемъ скелешѣ.

V.

Теперь объ образѣ преподаванія. Слогъ
Профессора долженъ быпъ увлекашельный,
огненный: Онъ долженъ въ высочайшей спеш-

пени овладѣть вниманіемъ слушателей. Если хопъ одинъ изъ нихъ можешь предаться во время лекціи постороннимъ мыслямъ, то вся вина падаетъ на Профессора: онъ не умѣлъ бышь пакъ занимашелень, чшобы покоришь своей волю даже мысли слушателей. Нельзя вообразить не испытавши, какое вредное вліяніе происходитъ отъ того, еели слогъ Профессора вяль, сухъ и не имѣетъ той живоспи, кошорая не даетъ мыслямъ ни на минушу разсыпашься. Тогда не спасетъ его самая ученость: его не будешь слушать; тогда никакія истины не произведешь на слушателей вліянія, пошому, чшо ихъ возрастъ естъ возрастъ энтузіазма и сильныхъ потрясеній: тогда происходитъ шо, чшо самыя ложныя мысли, слышимыя ими спороною, но выраженыя блестящимъ и привлекательнымъ языкомъ, мгновенно увлекають ихъ и дадешь имъ совершенно ложное направленіе. Чшо же тогда, когда Профессоръ еще сверхъ того облеченъ школьною методою, схоластическими мершвыми правилами, и не имѣетъ даже умшвенныхъ силъ доказашь ихъ; когда юный развершывающійся умъ слушателей, начинающая понимать уже выше его, приучается

презираешь его? Тогда даже справедливыя замѣчанія возбуждаютъ внушительнѣйшій смѣхъ и желаніе дѣйствовать и успѣвать наперекоръ; тогда самыя священныя слова въ устахъ его, какъ-то, преданность къ Религіи и привязанность къ Отечеству и Государю, превращаются для нихъ въ мнѣнія ничтожныя. Какія изъ этого бываютъ ужасныя слѣдствія, это видимъ къ сожалѣнію не рѣдко. И потому-то не должно упускать изъ вниманія, что возрастъ слушателей, есть возрастъ сильныхъ впечатлѣній; и потому нужно имѣть всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этою энтузіазмъ ихъ на прекрасное и благородное; чтобы разсказъ Профессора дышалъ самъ энтузіазмомъ. Его убѣжденія должны быть такъ сильны, такъ выведены изъ самой Природы, такъ естественны, чтобы слушатели сами увидѣли истину еще прежде, нежели онъ совершенно укажетъ на нее. Разсказъ Профессора долженъ дѣлаться по временамъ возвышенъ, долженъ сыпаться и возбуждать высокія мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть простъ и понятенъ для всякаго. Истинно высокое одѣло величественною простотою: гдѣ величіе, тамъ

и проспоша. Онъ не долженъ довольствоваться тѣмъ, что его нѣкоторые понимаютъ; его должны понимать всѣ. Чтобы дѣлаться доступнѣе; онъ не долженъ быть скупъ на сравненія. Какъ часто понятное еще болѣе поясняется сравненіемъ! и попому эти сравненія онъ долженъ всегда брать изъ предметовъ самыхъ знакомыхъ слушателямъ. Тогда и идеальное и ошвлеченное становится понятнымъ. Онъ не долженъ говорить слишкомъ много, попому, что этимъ упоминается вниманіе слушателей и попому, что многосложность и большое обиліе предметовъ не дадутъ возможности удерживать всего въ мысляхъ. Каждая лекція Профессора непременно должна имѣть цѣльность и казаться оконченною, чтобы въ умъ слушателей она представлялась стройною поэмою; чтобы они видѣли въ началѣ, что она должна заключать въ себѣ и что заключаетъ: чрезъ это они сами въ своемъ разсказѣ всегда будутъ соблюдать цѣль и цѣльность. А это необходимо всего въ Исторіи; гдѣ ни одно событіе не брошено безъ цѣли.

VI.

Планъ же для преподаванія, послѣ многихъ наблюдений, испытаній себя и слушателей, я полагаю лучшимъ слѣдующій:

Прежде всего почишаю необходимымъ предсавишь слушателямъ эскизъ всей Испоріи человѣчества, въ немногихъ, но сильныхъ словахъ и въ нераздѣльной связи, чшобы они вдругъ обняли все по, о чемъ будупъ слышатъ, иначе они не такъ скоро и не въ такой ясности постигнутъ весь механизмъ Испоріи. Все равно, какъ нельзя узнать совершенно городъ, исхидивши всѣ его улицы: для этого нужно взойти на возвышенное мѣсто, откуда бы онъ видѣнъ былъ весь, какъ на ладони. Я набрасываю здѣсь эскизъ для того, чшобы показанъ вмѣстѣ, въ какомъ видѣ и въ какой связи должна быть Испорія.

Прежде всего я долженъ предсавишь, какимъ образомъ человѣчество началось Воспокомъ. Я долженъ изобразишь Воспокъ съ его древними Папріархальными Царствами, съ Религіями, облеченными въ глубокую таинственность, такъ непонятную для проспаго народа, кромъ Религій Евревъ, между коими сохранилось чистое, перво-

бышное видѣніе истиннаго Бога; какъ эпи древнія Государства оградились другъ отъ друга, будто неприспущною стѣною, неприимостью и Кипайскою оспорожно-стью; какъ одинъ только народъ Финикійскій, первые мореплаватели Древняго Міра, приводилъ невольно своею промышленностью въ сообщеніе эпи почти неподвижныя Государства, и какимъ образомъ первый всемірный завоеватель, Киръ, съ свѣжимъ и сильнымъ народомъ, Персами, подвергъ весь Воспокъ своей власти и насильно соединилъ разнохарактерные народы; но нравы, Религія, формы правленія остались въ Государствахъ пѣже, Цари только обратились въ Самраповъ, и весь Воспокъ видѣлъ надъ собою одну верховную власть Царя Царей, Персидскаго Повелителя; — какъ постепенно отъ взаимнаго сообщенія эпи народы теряли свою особенность и національность, и вмѣстѣ съ своимъ Царемъ Царей, почти Богомъ не видимымъ для народа, поверглись въ Азіашскую роскошь. — Здѣсь я оспанавливаюсь и обращаюсь къ другой части Древняго Міра, къ Европѣ: Я долженъ изобразить, какъ возникъ въ ней эпитъ цвѣтъ его, народъ Греческій,

съ живымъ, любопытнымъ умомъ, республиканскимъ духомъ, совершенно противоположными формами правленія, Поэтической Религіей, ясными, живыми идеями, шакъ проповѣдывающими важной истинности Воспока; какъ развернулось у нихъ просвѣщеніе въ шакомъ не обыкновенномъ блескѣ, и какъ наконецъ одинъ честолюбивый Грекъ подвергъ ихъ своей Монархической власти, какъ эпошъ великій Грекъ задумалъ Гигантское дѣло: соединишь Воспокъ съ Европою, и разнесешь вездѣ Греческое просвѣщеніе. И вопшъ, чшобы связашъ пѣснье при часши свѣша, спроишся городъ Александрія; Герой умираешъ, Всешъшная Монархія падаешъ вмѣшъ съ нимъ. Но подвиги его живы, плоды зрѣющъ: наспаешъ знаменитый Александрійскій вѣкъ, когда весь Древній Міръ шолнишся у гавани Александрійской, когда Греческіе Ученые во всѣхъ городахъ, и національность ошашъ исчезаешъ, народы ошашъ смѣшивающся! А между пѣмъ въ Италіи, почши невидимо ошъ всѣхъ, созрѣваешъ желѣзная сила Римлянъ.

Я долженъ изобразить, какъ эпошъ суровый, воинственный народъ покоряешъ

одно за другимъ Государства, обогащаются награвленными богатствами, поглощаютъ весь Востокъ. Легіоны его проникають въ шь земли Европы, гдѣ владѣніе уже не доставляетъ ничего нужнаго для чловѣка. Уже Цезарь заноситъ ногу въ Бришаннію, Римскіе Орлы на скалахъ Албіона , между шьмъ невѣдомыя степи средней Азіи извергають полпу невѣдомыхъ народовъ, кошорые пѣснятъ и гонятъ предъ собою другихъ, вгоняють ихъ въ Европу, сами несущая по пятамъ ихъ, и грозно оспанавливаются на Сѣверъ, какъ зловѣщая кара, ожидающая обреченной жершвы, скрытые ошь Римлянъ Германскими лѣсами и непроходимыми болошами. А между шьмъ уже ни одного не оспается независимаго Царства. Весь міръ раздѣленъ на Римскія Провинціи. Римляне перенимають все у побѣжденныхъ народовъ, сначала пороки, потомъ просвѣщеніе. Все мѣшается опять. Всѣ дѣлаются Римлянами и ни одного настоящаго Римлянина! И когда разврашныѣ Имперашоры, своевольное войско, оппущенники и содержашели зрѣлищъ шпранспвуютъ надъ міромъ, — въ нѣдрахъ его непримѣпно совершается великое событіе: въ

вешхомъ міръ зарождается новый! воплощается не узанный міромъ Божественный Спаситель его; и вѣчное слово, непонятое власпелинами, раздаётся въ пемницахъ и пусшыняхъ, паинспвенно выжидая новыхъ народовъ. Наконецъ на весь древній міръ непоспижимо находишь лепаргическій сонъ, па спрашная неподвижность, по ужасное онѣмъніе жизни, когда просвѣщеніе не двигается ни впередъ, ни назадъ, сила и характеръ исчезають, все обращается въ мелкій, ничшожный эпикешъ, жалкую разврашную безхарактерность. А въ Азіи между шѣмъ новый полчокъ, какъ элекприческая искра, пробѣгаетъ по всей цѣпи: одинъ народъ пѣснитъ и гонитъ передъ собою другой, кошорый въ свою очередь сгоняетъ прешій, и самые крайніе появляются уже на Римскихъ границахъ, погда какъ жалкіе Побѣдители Міра упошребляють всѣ усилія спасши себя: сначала ошкупаються золошомъ, пошомъ изъ нихъ же соспавляють себѣ войско зашщипникомъ, пошомъ ошдають имъ одну за другою всѣ свои провинціи, наконецъ предають имъ Римъ, и шѣ, кошорые сохраняли еще слабые ошпашки познаній, бѣгутъ на Воспокъ,

прочі невѣжественные и слабые исчезають въ сильныхъ шолпахъ новаго народа.

Я долженъ изобразить, какъ начинается новая жизнь въ Европѣ; какъ основывающіяся и принимающія Крещеніе дикія Государства въ границахъ назначенныхъ Природою, съ феодалными правами, съ вассальными владѣніями, и какъ могущественный Папа, прежде шолько Римскій Первосвященникъ, дѣлается Государемъ, незамѣнно присоединяетъ къ своей сильной религіозной власпи свѣтскую. Между тѣмъ, на Воспокъ оспашки Римлянъ шѣснящаяся и покоряющіяся новымъ сильнымъ народомъ, мгновенно, какъ бы фаншаспически возродившимся на своемъ каменномъ Аравійскомъ полуостровѣ, подвигнутымъ до испуцленія Религіей, совершенно Воспочной, основанной полупомѣшаннымъ энпузіаспомъ Магомешомъ; какъ эшощъ народъ, съ Азіашской саблей въ рукахъ, распространяетъ Магомешанство на мѣсто прежнихъ оспашковъ Греческаго просвѣщенія, и какъ изумительно, быспро эшощъ чудесный народъ изъ завоевателей дѣлается пресвѣтителемъ, развершывающіяся во всемъ блескѣ, съ своей роскошной фаншазіей, глубокими мыслями и поэзіей жи-

зни, и какъ онъ вдругъ меркнетъ и затмѣвается выходцами изъ-за моря Каспійскаго, которыми оспавляется въ наслѣдство одно Магомешанство, какъ почти въ то же время въ Европѣ корсары сѣверныхъ морей, Норманны, съ неслыханною дерзостью, въ маломъ числѣ, грабятъ и овладѣваютъ цѣлыми Государствами, наконецъ перемѣняютъ дикую Религію свою на Христіанство и прибавляютъ Европѣ свою силу и нравы; а между тѣмъ Папа мало по малу дѣлается неограниченнымъ Монархомъ всей Европы, и самый Императоръ Нѣмецкій, котораго уважали всѣ народы, не смѣетъ прошивушать ему, и какъ по мановенію его цѣлые Народы, Вассалы, Короли, оспавляютъ свои земли, богатства, кладутъ пламенный Крестъ на рамена и спѣшатъ съ энтузіазмомъ въ Палестину; какъ вся Европа, двинувшись съ мѣстъ, валился въ Азію, Востокъ спѣбается съ Западомъ, и двѣ грозныя силы, Христіанство съ Магомешанствомъ; какъ это великое событіе поражаетъ Рыцарство, обнявшее всю Европу; какъ возникли Орденскія Общества, осудившія себя на безбрачную, одинокую жизнь, чтобы быть вѣрными одной цѣли, и про-

изошелъ самый сильнорелигіозный Христіанской вѣкъ; какъ энтузіазмъ къ вѣрѣ перешелъ попомъ границы, начерпанныя десницею Божественнаго Спасителя; и какъ въ то же время невидимо опъ всей Европы совершается великій эпизодъ Всемірной Истории: создается безпримѣрная по величинѣ Монархія Чингисханова, поглощившая всѣ Азіатскія земли, неизвѣстныя Европейцамъ. Въ Европѣ одни только монастыри имѣютъ землю и осѣдлость; все обратилось въ Рыцарство, все кочуетъ, все неспокойно: каждый вмѣстѣ и воинъ и Полковедъ, и Вассалъ и Повелитель, и слушается и не слушается, — вѣкъ величайшаго разбедненія и вмѣстѣ единства! Каждый управляетъ своей волей и между стѣмъ всѣ согласны въ одной цѣли и мысляхъ. Бѣдные поселяне вышерпѣвъ чашу бѣды, наконецъ рѣшаются соединиться независимо опъ своихъ повелителей въ города. Возникаетъ среднее сословіе Гражданъ, города начинаютъ богачѣть, и на Сѣверѣ Европы, въ оппоръ Рыцарямъ, образуется Ганзейскій Союзъ, связывающій всю Сѣверную Европу своей торговлей. Между стѣмъ на югѣ возникаетъ порожденіе Крестовыхъ похо-

*

довъ — спрашная поргговлею Венеція, эша Царица морей, эша чудная республика, съ такимъ замысловапымъ и необыкновенно успроеннымъ правленіемъ. Всъ богашспва Европы и Азіи невидимо перешли въ ея руки, и какъ Папа религіозною властью, шакъ Венеція непомърнымъ богашспвомъ повелъвала Европою. Духовный Деспотъ упошреблялъ всъ силы убипшь ея поргговлею, но все было напрасно — пока наконецъ Генуэзскій гражданинъ не убилъ ее опкрышіемъ Новаго Свѣша. Наконецъ я долженъ предста-вишь, какъ вдругъ разширился кругъ дѣй-сшвій; какъ пала поргговля Средиземнаго моря. Европейцы съ жадностью спѣшапшь въ Америку и вывозяпшь кучи золоша; Ашлан-шическій и Воспочный Океаны въ ихъ вла-спши; и въ тоже время Папскія Миссіи про-никаюпшь въ Сѣверовоспочную Азію и Аф-рику — и міръ опкрываешся почти вдругъ во всей своей обширности. Между шѣмъ въ Европъ по немногу сомнѣваюпшь въ справе-дливости Папской власти и, какъ прежде поргговлею Венеціи убцлъ бѣдный Генуэзецъ, шакъ власть Папы сокрушилъ Августин-скій Монахъ Люшеръ. Какъ образовалась эша мысль въ головъ смиреннаго монаха, какъ

сильно и упрямо защищалъ онъ свои положенія! Какъ, при паденіи своемъ, Папа спановился грознѣе и избрѣшашельнѣе: ввель ужасную Инквизицію и спрашный, невидимою силою Орденъ Іезуитскій, копорый вдругъ разсыпался по всему Свѣшу, проникъ во все, прошелъ вездѣ, и шайно общался между собою на двухъ розныхъ концахъ міра. — Но чѣмъ грознѣе спановился Папа, шѣмъ сильнѣе прошивъ него работаши шипографскіе спанки. Вся Европа раздѣлилась на двѣ паршіи, и эши паршіи наконецъ схвапились за оружіе, и война жестпокая внупри и внѣ Государствъ, долгая, обхвашила вдругъ всю Европу. Но уже не копьями и не спрѣлами производилась она. Нѣшъ! пушками, ядрами, громомъ и огнемъ, ужаснымъ и благодѣшельнымъ избрѣшеніемъ монаха-Алхимиспа разыгралась эша великая шяжба. Духовная влась нала. Государи спановяшся сильѣе. Я долженъ избразишь, какъ измѣнилась Европа послѣ эшихъ войнъ. Государства; народы, сливаюшся площнѣе въ нераздѣльные массы. Нѣшъ шого разъединенія власши, какъ въ Средніе вѣка. Она сосредопочиваешся болѣе въ одномъ лицѣ. И какъ опъ шого сильные ха-

ракшеры спановляшся виднѣе, кругъ Государей, Министровъ, Полководцевъ обширнѣе! Самъ собою, невольно завязываешся въ Европъ Политическій союзъ, полагающій защищать оружіемъ неприкосновенность каждаго Государства. А между тѣмъ, неупомимые купцы — Голландцы, вырвавшіе свою землю у моря, овладѣвають островами Воспочнога Океана, берутъ милліоны за разводимые на нихъ планшаци драгоцѣнныхъ расшѣній Юга и, какъ прежде Венеція, схватываютъ шорговлю всего міра, пока одинъ необыкновенный Государь не подрываетъ ее и не покушаешся на неприкосновенность Государства. Я долженъ изобразить блестящій вѣкъ, произведенный эшимъ Государемъ (Лудовикомъ XIV), когда Франція закипѣла издѣліями роскоши, фабриками, Писашелями, когда Парижъ сдѣлался всемірною столицею, куда съѣзжались со всей Европы, и Французскій языкъ, Французскіе нравы, Французскій эшикетъ и обычаи распространились по всей Европѣ. Но, нарушивши неприкосновенность чужихъ владѣній, эшопъ честшлюбивый Король хопя и разспроиваешъ шорговлю Голландцевъ, но вмѣстѣ разоряешъ свое Государство и

самъ убиваетъ свое величіе. Какъ быстро пользующся эшимъ оспровишяне Британскіе, кошорые до того медленно, но вѣрно близились къ своей цѣли, наконецъ очутились почши вдругъ обладашелями торговли всего міра: ворячашъ миллионами въ Индіи, собирающъ дань съ Америки, и гдѣ только море, тамъ Британскій флагъ. Имъ преграждаетъ пушь исполинъ XIX вѣка, Наполеонъ, и уже дѣйствуетъ другимъ Орудіемъ: совершенно военнымъ деспотизмомъ; своими быспрыми движеньями оглушаетъ Европу и налагаетъ на нее желѣзное свое прошекпорство. Напрасно гремитъ противъ него въ Англійскомъ Парламентѣ Питтъ и составляетъ спрашныя союзы. Ничто не имѣетъ духа ему противиться, пока онъ самъ не набѣгаетъ на гибель свою, вшоргнувшись въ Россію, гдѣ невѣдомыя ему просшранства, люшость климата, и войска, образованная Суворовскою шакшикою, погубляющъ его. И Россія, сокрушившая этого исполина о неприсшупныя швердыни свои, ошпанавливается въ грозномъ величій на своемъ огромномъ Сѣверовоспокъ. Освобожденная Государства получающъ прежній видъ и прежнія формы, ушвержда-

юшъ снова союзъ и неприкосновенность владѣній. Просвѣщеніе, не оспанавливаемое ничѣмъ, начинаешъ разливашься даже между низшимъ классомъ народа; паровыя машины доводяшъ мануфактурность до изумительнаго совершенства; будто невидимые духи помогающъ во всемъ человѣку и дѣлающъ силу его еще ужаснѣе и благодѣшительнѣе; и онъ, въ священномъ пррешѣ, видишъ, какъ Слово изъ Назарета обпекло наконецъ весь мѣръ.

Когда Исторія мѣра будетъ удержана въ шакомъ крашкомъ, по полномъ эскизѣ и происшествія будутъ шакъ связаны между собою, тогда ничшо не улепнишъ изъ головы слушапелей, и въ умѣ ихъ невольню соснавшся цѣлое. Наконецъ эпоцѣ эскизъ, развшвшсь въ великомъ объемѣ, соснавшшъ полную Историю человѣчества.

VII.

Послѣ изложенія полной Истории человѣчества, я долженъ разобрать опдѣльно Историю всѣхъ Государствъ и народовъ, составляющихъ великій механизмъ Всеобщей Истории. Напураально ша же полноша, ша же цѣлосшь должна бышь видна и здѣсь въ

обозрѣніи каждаго порознь. Я долженъ об-
няшь его вдругъ сначала до конца: какъ
оно основалось, когда было въ силѣ и блес-
къ, когда и опъ чего пало (если шолько па-
ло), и какимъ образомъ доспигло шого ви-
да, въ какомъ находишься нынѣ; если же
народъ сперся съ лица земли, шо какимъ
образомъ на мѣсто его образовался новый и
чно принялъ опъ прежняго.

VIII.

Чшобъ еще глубже все сказанное вошло
въ память, по окончаніи курса необходимы
повшорительные обзоры. Но чшобы повшо-
реніе было успѣшнѣе, нужно спараться да-
вать ему инпересъ и занимательность но-
визны. Послѣ Исторіи всего міра и опдѣль-
но каждой земли и народа, не мѣшаешь сдѣ-
лать обзоръ каждой части свѣта и шупъ
показать все опличіе какъ ихъ, шакъ и на-
родовъ, въ нихъ находящихся, чшобъ слу-
шатели сами могли вывести резульшанъ:

Во первыхъ объ Азіи, эшой обширной ко-
лыбели младенчеспвующаго человѣчеспва —
земль великихъ переворошовъ, гдѣ вдругъ
возрастають въ спрашномъ величій наро-
ды и вдругъ спираються другими; гдѣ

сполько націй невозвратно пронеслись, одна за другою, а между тѣмъ формы правленія, духъ народовъ одни и тѣ же, все шакже важень, шакже гордь Азіяшець, шакже быспро воспламеняешя и кишишь спрасшями, шакже скоро предаешя лъни и бездѣйственной роскоши. И вмѣстѣ съ симъ эпа часшь свѣша ешь земля разшпельныхъ прошивоположностей и какогшо великаго беспорядка: еще одинъ народъ кочуешъ беззаботно въ необозримомъ многлюдспвѣ съ необозримыми шабунами, а между тѣмъ на другомъ концѣ, гдѣ нибудъ въ пусшынѣ, испушленный изувѣрь, изнурая себя безконечнымъ поспомъ, замьшляешъ новую Религшю, копорая въ послѣдспвшн обхвашишь всю Азію, одънешъ народъ, какъ непроницаемой броней, своимъ испушленнымъ вдохновеніемъ и поведешъ его на разрушеніе; и шущъ же, можешъ бышь, не далеко ошъ него находишя народъ, уже перешедшій въ эши явленія и кризисы, уже погруженный въ роскошь, упомленный Азіашскимъ пресыщеніемъ. Только здѣсь можешъ находишя ша спранная прошивоположность, копорой дивимся въ деревѣ Юга, гдѣ на одной вѣшкѣ, въ одно время,

одинъ плодъ цвѣшетъ, между тѣмъ какъ другой наливается, прешій зрѣетъ, чешвершый переспѣлый валился на землю.

Помомъ о Европѣ, Исторія копорой означена совершенно прошивоположною характерношью, гдѣ сущеспствованіе народовъ, напрошивъ, долго и мощно; гдѣ все, напрошивъ, порядокъ и спройношшь: народы разомъ подвигающа шакшъ въ шакшъ, какъ регулярныя Европейскія войска; Государсшва всѣ почти въ одно время распушъ и совершенспвующа; при всѣхъ характерныхъ опличіяхъ націй, въ нихъ видно общее единспво и каждая изъ нихъ шакъ чудно запушана съ другими, чшо спановишса совершенно поняшною шолько въ соединеніи со всей Европою, и вся Европа кажешся однимъ Государспвомъ. И въ эшой небольшой часпи свѣша рѣшилась долгая шажба: человекъ спалъ выше Природы, а Природа обрашшлась въ Искусшво; самая бѣдношшь и скупосшшь ея вызвали наружу весь безграничный міръ, скрывавшійся въ человекѣ, дали ему почувспвовашь, во сколько онъ выше земнаго и преврашшили всю спрану въ вѣчную жизнь ума. Въ эшой одной шолько часпи свѣша могуцеспвенно

развился высокій геній Христіанства и необъяпная мысль, осьъненная небеснымъ знамениемъ Креста, витаешъ надъ нею, какъ надъ опчиною.

Попомъ объ Африкѣ, предспавляющей въ пропивоположностъ Европѣ смерпъ ума, гдѣ Природа всегда деспотически властвовала надъ челоѡкомъ; гдѣ она во всемъ своемъ царспвенномъ величїи и всегда почти возвращала его въ первобытное состояніе, въ жизнь чувспвенную; гдѣ ни одинъ коренной пуземной народъ не прожилъ мощною жизнью и не опбросилъ опъ себя яркихъ лучей на мїръ; гдѣ даже переселенцы съ другихъ земель напрасно вступали въ борьбу съ палящею Природою Африканскою; чѣмъ далѣе погружались они въ Африку, тѣмъ глубже повергались въ чувспвенностъ.

Наконецъ объ Америкѣ, эпохой всемірной колонїи, Вавилонскомъ смѣшенїи націй, гдѣ сполкнулись при прошивуръчашїа часпи свѣща, смѣшались, но еще не слились въ одно, и попому еще не имѣющей покамѣспъ никакого единспва, даже единспва Религїи; не взирая на часпную характерностъ не получившей общаго характера; не смо-

пря на огромную массу, все еще состоящей из первоначальных спихій, разложенных началъ; не смотря на независимыя Государства, все еще похожей на колонию.

Быстрый обзоръ Исторіи каждой части свѣта, во всей ея рѣзкой характерности, не поверхностный, но глубокий — результатъ вѣковъ и событій, пошому необходимо, что онъ наводитъ на мысли и заставляетъ слушателей думать. Умъ тогда быстрее развивается, когда самъ предлагаетъ себя великій и поэпическій вопросъ. Этотъ обзоръ каждой части шѣмъ больше еще необходимо, что показываетъ часто съ новой спороны шѣ же предметы. А для полнаго уразумѣнія нужно, что бы предметъ былъ освѣщенъ со всѣхъ споронъ. Только тогда вы знаете хорошо Исторію, говоритъ Шлецеръ, когда знаете ее и вдоль и поперекъ, и вкось, и во всѣхъ направленіяхъ.

IX.

И для того въ видѣ эпилога послѣ окончанія курса хорошо разсмотреть за однимъ разомъ весь міръ по шпольшіямъ. Тогда

Всеобщая Исторія предсавивъ у меня великую лѣспницу вѣковъ. Я долженъ непременно показашъ, чѣмъ ознаменовано начало, середина и конецъ каждаго сполѣшїя, попомъ духъ и опличительныя черпы его. Чтобы лучше опредѣлишь каждый вѣкъ и избѣгнушь моношонности числъ, я назову его именемъ шого народа, или лица, который спалъ въ немъ выше другихъ и ярче дѣйсшвовалъ на поприщѣ міра. Эша дѣспница сполѣшїй естъ лучшее средспво къ ушверженію въ памяши слушателей современности собышїй лицъ и явленій.

Х.

Мнѣ кажешся, что такой образъ преподаванїя будетъ дѣйсшвительнѣе и ближе къ истинѣ. По крайней мѣрѣ глубоко понимающїй величіе Исторїи увидишь, что онъ не произведеше мгновешней фаншазїи, но плодъ долгихъ соображеній и опыша; что ни одинъ эпитешъ, ни одно слово не брошено здѣсь для красоты и мишурнаго блеска, но ихъ породило долговременное чпеніе лѣшописей міра, что сосшавишь эскизъ общїй, полный Исторїи всего чело-вѣчештва, хоша даже споль крапшкїй, какъ

здѣсь, можно не иначе, какъ когда узнаешь и постигнешь самыя понкїя и запушанныя ниши Испорїи, и что одна любовь къ Наукѣ, составляющей для меня наслажденіе, понудила меня объявишь мои мысли; что цѣль моя — образовашь сердца юныхъ слушателей шой основательной опытноспью, копорую разверпываешъ Испорїя, понимаемая въ ея истинномъ величїи; сдѣлашь ихъ швердыми, мужеспвенными въ своихъ правилахъ, чшобы никакой легкомысленный фанашикъ и никакое минушное волненіе не могло поколебашъ ихъ; сдѣлашь ихъ кропками, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великаго Государя, чшобы ни въ счаспїи, ни въ несчаспїи, не измѣнили они своему долгу, своей вѣрь, своей благородной чеспїи и своей кляшвѣ — бышь вѣрными Ошеспву и Государю.

1832.

П О Р Т Р Е Т Ъ .

П О Р Т Р Е Т Ъ.

=

П О В Ъ С Т Ъ.

=

§ I.

Нигдѣ сполько неоспановливалось народа какъ передъ каршинною лавочкою на Щукинѣмъ дворѣ. Эша лавочка предспавляла почно самое разнородное собраніе диковинокъ: Каршины большею часпью были писаны масленными красками, покрышы шемнозеленымъ лакомъ, въ шемножелпыхъ мишурныхъ

рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, фламандскій мужикъ съ шрубкою и выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣпуха въ манжесахъ, нежели на челоуѣка — вопъ обыкновенные ихъ сюжесы. Къ этому нужно присокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: порпнешъ Хозрева-Мирзы въ бараньей шапкѣ, порпнешы какихъ-то генераловъ въ шреугольныхъ шляпахъ съ кривыми носами. — Двери шакой лавочки обыкновенно бывающъ увѣшаны связками пѣхъкаршинъ, копорья свидѣпельшвующъ самородное дарованіе Рускаго челоуѣка: На одной изъ нихъ была Царевна Миликсприса Кирбишьевна, на другой городъ Іерусалимъ, по домамъ и церквямъ копораго безъ церемоніи прокашилась красная краска, захвапнвшая часпъ земли и двухъ молящихся Рускихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Покупателей этихъ произведеній обыкновенно не много, но за то зрипелей куча: Какойнибудь забулдыга лакей уже вѣрно зѣваетъ передъ ними, держа въ рукъ судки съ обѣдомъ изъ прапшира для своего барина, копорый безъ сомнѣнія будешъ хлѣбанъ супъ неслишкомъ горячій. Передъ ними вѣрно уже споишъ

солдапъ, эпопъ кавалеръ полкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; шорговка изъ Охпы съ коробкою наполненною башмаками. Всякой восхищается по своему: Мужики обыкновенно шыкають пальцами; кавалеры разсмапривають сурьезно; лакеи-мальчишки и мальчишки-масперовые смъются и дразнятъ другъ друга нарисованными карикашурами; спарые лакеи въ фризovýchъ шинеляхъ смошрятъ попому полько, чшобы гдъ нибудъ позъвашъ; а шорговки, молодья Рускія бабы, спъшапъ по инспинкшу, чшобы послушашъ о чемъ калякаешъ народъ и посмошрѣшь на чшо онъ смошрипъ. — Въ эпо время невольню оспановилсѧ передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ Чертковъ. Спарая шинель и нещегольское плапье показывали въ немъ шого человекъ, кошорый съ самоопроверженіемъ преданъ былъ своему шруду и неимѣлъ времени забошпиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ шайнспвенную привлекапельность для молодѣжи. Онъ оспановилсѧ передъ лавкою и сперва внушрленно смѣлсѧ надъ эшими уродливыми карпинами; наконецъ невольню о владѣю имъ размышленіе: онъ спалъ думапъ о шомъ, кому бы нужны были эши

произведенія. Чпо Русской народъ заглядываешся на *Еруслановъ Лазаричей*, на *объядалъ* и *обпиваль*, на *Оому* и *Ерему* эшо ему неказалось удивительнымъ: изображенныя предметы были очень доспупны и поняшны народу; но гдѣ покупащели эшихъ песпрыхъ, грязныхъ, масляныхъ малеваній? кому нужны эши фламанскіе мужики, эши красныя и голубыя пейзажи, копорые показывающъ какое-шо припязаніе на нѣскольکو уже высшій шагъ искуспва, но въ копорыхъ выразилось все глубокое его униженіе. Если бы эшо были шруды ребенка, покоряющагося одному невольному желанію, если бы они совсѣмъ неимѣли никакой правильности, несохраняли даже первыхъ условій механическаго рисованія, если бы въ нихъ было все въ карикашурномъ видѣ, — но въ эшомъ карикашурномъ видѣ просвѣчивалось бы хопя какое нибудь спараніе, какой нибудь порывъ произвеспи подобное природѣ, — но ничего эшого нельзя было опыскашъ въ нихъ. Какое-шо шупоуміе спарости, какая-шо безсмысленная охоща, или лучше сказашъ неволя, водила рукою ихъ шворцевъ. Кшо шрудился надъ ними? И шрудился безъ сомнѣнія одинъ и пошъ же,

пошому, что пѣже краски, паже манера, паже набившаяся, пріобыкшая рука, принадлежавшая скорѣе грубо сдѣланному автомату, нежели человѣку. Онъ все также стоялъ передъ этими грязными карпинами и глядѣлъ на нихъ, но уже совершенно не глядя, между пѣмъ какъ содержашель этого живописнаго магазина, съринькой чловѣкъ, лѣтъ пѣпидесяти, во фризовой шинели, съ давно небришымъ подбородкомъ, рассказывалъ ему: что карпины *самой первой сортъ* и шолько-что получены съ биржи, еще и лакъ не высохъ и въ рамки не вставлены. *Смотрите сами, чество уагряю, что останется довольны.* Въ эти заманчивыя рѣчи лѣзли мимо ушей Черпкова. Наконецъ, чтобы немного ободришь хозяина, онъ поднялъ съ полу нѣсколько запылившихся карпинъ. Это были спарые фамильные поршрешы, копорыхъ пошомки вряд ли бы опыскались. Почпи машинально началъ онъ съ одного изъ нихъ спирашь пылъ. Легкая краска вспыхнула на лицѣ его, краска, копорая означаетъ шайное удовольствіе при чемъ нибудь неожиданнымъ. Онъ спалъ неперпѣливо шерешъ рукою и скоро увидѣлъ поршрешъ, на копоромъ ясно бы-

ла видна масперская кисть, хошя краски казались нѣсколько мушными и почернѣвшими. Эшо былъ спарикъ съ какимъ-шо безпокойнымъ и даже злобнымъ выраженіемъ лица; въ усахъ его была улыбка, рѣзкая, язвительная и вмѣстѣ какой-шо спрахъ; румянецъ болѣзни былъ понко разлишъ по лицу, исковерканному морщинами; глаза его были велики, черны, шусклы; но вмѣстѣ съ эшимъ въ нихъ была замѣшна какая-шо спранная живосшь. Казалось, эшошъ поршрешъ изображалъ какого нибудь скрягу, проведеншаго жизнь надъ сундукомъ, или одного изъ шѣхъ несчастныхъ, кошорыхъ всю жизнь мучишъ счастье другихъ. Лице вообще сохраняло яркій оппечашокъ южной физиогноміи. Смуглоша, черные, какъ смоль волосы, съ пробившеюся просѣдью — все эшо не попадаешся у жишелей сѣверныхъ губерній. Во всемъ поршрешъ была видна какая-шо неокончашельносшь; но если бы онъ приведенъ былъ въ совершенное исполненіе, шо знашокъ пошерялъ бы голову въ догадкахъ, какимъ образомъ совершеннѣйшее пвореніе Вандика очушилось въ Россіи и зашло въ лавочку на Щукинъ дворъ. Съ біоушимся сердцемъ, молодой художникъ, оппложив-

ши его въ спорону, началъ перебирать дру-
гге, не найдется ли еще чего подобнаго,
но все прочее соспавляло совершенно дру-
гой мѣръ и показывало шолько, что эпошъ
госпъ глупымъ счаспьемъ попалъ между
нихъ. Наконецъ Чершковъ спросилъ о цѣнѣ.
Пронырливый купецъ замѣпивъ по его вни-
манію, что портретъ чего нибудь стоилъ,
почесалъ за ухомъ и сказалъ: «Да что, въдъ
десять рублей будешъ за него маловато.»
Чершковъ прощянулъ руку въ карманъ.

«Я даю одиннадцашъ!» раздалось позади
его.

Онъ оборотился и увидѣлъ, что народу
собралась куча и что одинъ господинъ въ
плащѣ, долго, подобно ему, споялъ передъ
каршиною. Сердце у него сильно забилося
и губы шихо задрожали, какъ у человѣка,
кошорой чувствувешъ, что у него кошяпъ
опнпашъ предмешъ его исканій. Осмошрѣв-
ши внимашельно новаго покупщика, онъ нѣ-
сколько ушѣшился, замѣпивъ на немъ ко-
спюмъ, ни мало не успунавшій его соб-
спвенному, и произнесъ дрожащимъ голо-
сомъ: «я дамъ шебъ двѣнадцашъ рублей,
каршина моя.»

«Хозяинъ! картина за мною, вошь шебъ пятнадцашъ рублей!» произнесъ покупщикъ.

Лице Черпкова судорожно вздрогнуло, духъ захватился и онъ невольно выговорилъ: двадцашъ рублей.

Купецъ потиралъ руки опъ удовольствія, видя, чшо покупщики сами шоргуются въ его пользу. Народъ гуще обшупилъ покупающихъ, услышавъ носомъ, чшо обыкновенная продажа превратилась въ аукціонъ, всегда имѣющій сильный инпересъ, даже для поспороннихъ. Цѣну наконецъ набили до пятидесяти рублей. Почши опчаянно закричалъ Черпковъ: пятьдесяпъ, вспомнивши, чшо у него вся сумма въ 50 рубляхъ, изъ кошорыхъ онъ долженъ, хопя часпъ, заплашишь за кварширу и кромъ шого, купишь красокъ и еще кое-какихъ необходимыхъ вещей. Прошивникъ въ это время опспунился, сумма, казалось, превосходила шакже его сосшояніе и картина опшалась за Черпковымъ. Вынувши изъ кармана ассигнацію, онъ бросилъ ее въ лице купцу и ухватился съ жадноспью за картину, но вдругъ опскочилъ опъ нее пораженный спрахомъ. Темные, глаза нарисованнаго шпарика глядѣли шакъ живо и вмѣ-

спѣ мершвенно, что нельзя было не ощу-
пить испуга. Казалось въ нихъ неизъясни-
мо спранныю силою удержана была часть
жизни. Это были не нарисованные, это
были живые, это были человѣческіе глаза.
Они были неподвижны, но вѣрно не были
бы такъ ужасны, если бы двигались. Какое
то дикое чувство, не страхъ, но то не-
изъяснимое ощущение, которое мы чув-
ствуемъ при появленіи спранны, пред-
ставляющей безпорядокъ природы, или, луч-
ше сказать какое-то сумасшествіе приро-
ды, — это самое чувство заставило вскрик-
нуть почти всѣхъ. Съ шрепешомъ провелъ
Чершковъ рукою по полотну, но полотну бы-
ло гладко. Дѣйствіе, произведенное поршре-
помъ, было всеобщее: народъ съ какимъ-
то ужасомъ ошхлынулъ ошъ лавки; покуп-
щикъ, вошедшій съ нимъ въ соперничество,
боязливо удался. Сумерки въ это время
сгустились, казалось, для того, чтобы
сдѣлать еще болѣе ужаснымъ это непо-
стижимое явленіе. Чершковъ не въ силахъ
былъ оспаваться болѣе. Не смѣя и думать
о томъ, чтобы взять его съ собою, онъ
выбѣжалъ на улицу. Свѣжій воздухъ, громъ
мосшовой, говоръ народа, казалось на ми-

нушу освѣжилъ его, но душа была все еще жаша какимъ-шо пягоспнымъ чувспвомъ. Сколько ни обращалъ онъ глазъ по споронамъ на окружающіе предметы, но мысли его были заняты однимъ необыкновеннымъ явленіемъ. Чшо это? думалъ онъ самъ про себя, испускво, или сверхъестественное какое волшебспво, выглянувшее мимо законовъ природы? Какая спранная, какъ непоспжимая задача! или для чловѣка еспъ шакая черспа, до кошорой доводишь высшее познаніе, и чрезъ кошорую шагнувъ, онъ уже похищаеетъ несоздаваемое шрудомъ чловѣка, онъ вырываетъ чшо-шо живое изъ жизни опдушевляющей оригиналь. Опъ чего же этопъ переходъ за черспу, положенную границею для воображенія шакъ ужасень? или за воображеніемъ, за порывомъ, слѣдуетъ наконецъ дѣйспвительность, ша ужасная дѣйспвительность, на кошорую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-шо поспороннымъ шолчкомъ, ша ужасная дѣйспвительность, кошорая предспавляется жаждущему ее шогда, когда онъ желая поспигнуть прекраснаго чловѣка вооружаетъ ааномическимъ ножемъ, раскры-

ваешъ его внушренность и видишь отвращительнаго чловѣка. Непостижимо! такая пзумительная, такая ужасная живость! или черезъ чуръ близкое подражаніе природѣ также прищорно, какъ блюдо, имѣющее черезъ чуръ сладкій вкусъ. Съ такими мыслями вошелъ онъ въ свою маленькую комнашку въ небольшомъ деревянномъ домѣ на Васильевскомъ оспровѣ въ 15 линіи, въ которой лежали разбросанные во всѣхъ углахъ ученическіе его начашки, копіи съ аншиковъ, щщательныя, щщныя, показывавшія въ художникъ спараніе, постигнушь фундаментальныя законы и внушренній размѣръ природы. Долго разсматривалъ онъ ихъ и наконецъ мысли его попянулись одна за другою и спали выражались почти словами; такъ живо чувствовалъ онъ то, о чемъ размышлялъ!

И вопъ годъ, какъ я спужусь надъ эшимъ сухимъ, скелетнымъ спрудомъ! спараюсь всѣми силами узнать то, что такъ чудно дается великимъ шворцамъ и кажется плодомъ минушнаго быспраго вдохновенія. Только пронущъ они киспью и уже являешся у нихъ чловѣкъ вольный, свободный, таковъ, какимъ онъ созданъ Природою; дви-

женія его живы, непринужденны. Имъ эпо дано вдругъ, а мнѣ должно шрудиться всю жизнь; всю жизнь изслѣдывашь скучныя начала и спихив, всю жизнь опдашь бездвѣшной неопвѣчающей на чувства работъ. Вошь мои маранья! Они вѣрны, схожи съ оригиналами; но захоши я произвестъ свое — и у меня выйдеть совсѣмъ не по: нога не спанеть шакъ вѣрно и непринужденно; рука не подыметься шакъ легко и свободно; поворошь головы у меня вовѣки не будеть шакъ еспешвень, какъ у нихъ, а мысль, а шѣ невыразимыя явленія... Нѣшъ, я не буду никогда Великимъ Художникомъ!

Размышленія его прерваны были вошедшимъ его камердинеромъ, парнемъ лѣшь осьмнадцать въ Русской рубашкѣ, съ розовымъ лицомъ и рыжими волосами. Онъ безъ церемоніи началъ спягивашь съ Чершкова сапоги, копорый былъ погруженъ въ свои размышленія. Эпошъ парень, въ красной рубашкѣ, былъ его лакей, нашурщикъ, чистилъ ему сапоги, зѣвалъ въ маленькой его передней, шеръ краски и пачкалъ грязными ногами его полъ. Взявши сапоги, онъ бросилъ ему халашъ и выходилъ уже изъ комнаты, какъ вдругъ оборошилъ голову на-

заядь и произнесъ громко: баринъ, свѣчу зажигаешь, или нѣтъ? «Зажги» отвѣчалъ разсѣянно Чершковъ. «Да еще хозяинъ приходилъ» примолвилъ къшаши грязный камердинеръ, слѣдуя похвальному обычаю всѣхъ людей его званія, упоминаешь въ P. S. о шомъ, что поважнѣе. «хозяинъ приходилъ и сказалъ, что если не заплашите денегъ, то вышвернешъ всѣ ваши карпины за окошко вмѣстѣ съ кровашью.»

«Скажи хозяину, чтобы не беспокоился о деньгахъ» отвѣчалъ Чершковъ, «я достпалъ деньги.» При этомъ онъ обратился къ карману фрака, но вдругъ вспомнилъ, что всѣ деньги свои оставилъ за поршрешъ у лавочника. Мысленно началъ онъ укоряешь себя въ безразсудности, что выбѣжалъ безъ всякой причины изъ лавки, испугавшись ничпожнаго случая и не взялъ съ собою ни денегъ, ни поршреша. Завшра же рѣшился онъ ишши къ купцу и взялъ деньги, почи себя совершенно вправѣ опказаться опъ шакой покупки, шѣмъ болѣе, что его домашнѣе обшпояшельсшва не позволяли сдѣлашь никакой лишней издержки.

Свѣтъ луны, яркимъ, бѣлымъ окномъ ложился на его полъ, захвапывая часть кро-

вапи и оканчиваясь на спѣнѣ. Всѣ предме-
ты и картины, висѣвшія въ его комнатѣ,
какъ-то улыбались, захвашивши иногда кра-
ями своими часпъ эпого вѣчно-прекраснаго
сіянія. Въ эту минушу какъ-то нечаянно
онъ взглянулъ на спѣну и увидѣлъ на ней
попъ же самый спранный поршрешъ, шакъ
поразившій его въ лавкѣ. Легкая дрожъ не-
вольно пробѣжала по его шѣлу. Первымъ
дѣломъ его было позвашъ своего камердине-
ра и нашурщика и распросишъ, какимъ об-
разомъ и кпо принесть къ нему поршрешъ;
но камердинеръ-нашурщикъ клялся, чшо
никпо не приходилъ, выключая хозяина,
кошорый былъ еще поушру и кромѣ ключа,
ничего не имѣлъ въ своихъ рукахъ. Черш-
ковъ чувшсшвовалъ, чшо волосы его зашеве-
лились на головѣ. Сѣвши возлѣ окна, онъ
сился себя увѣришъ, чшо здѣсь не могло
ничего бышъ сверхъестшсшвеннаго, чшо
мальчикъ его могъ въ эпо время заснушъ,
чшо хозяинъ поршреша могъ его прислашъ
узнавши какимъ нибудь особеннымъ случа-
емъ его кварширу... Короче, онъ началъ
приводишъ всѣ шѣ плоскія изъясненія, ко-
шорыя мы упошребляемъ, когда хошимъ,
чшобы случившсеша, случилось непременно

такъ, какъ мы думаемъ. Онъ положилъ себѣ не смогрѣшь на порпрешъ, но голова его невольно къ нему обращалась и взглядъ, казалось, прикипалъ къ спранному изображенію. Неподвижный взглядъ спарика былъ несперпимъ; глаза совершенно свѣпились, вбирая въ себя лунный свѣпъ и живоспъ ихъ до шакой спепени была спрашна, чпо Черпковъ невольно закрылъ свои глаза рукою. Казалось слеза дрожала на рѣсницахъ спарика; свѣпные сумерки, въ кошорые владычица луна преврапила ночь, увеличивали дѣйспвіе; помолпно пропадало и спрашное лице спарика выдвинулось и глядѣло изъ рамъ, какъ будшо изъ окошка.

Приписывая это сверхъеспешвенное дѣйспвіе лунъ, чудесный свѣпъ кошорой имѣешъ въ себѣ шайное свойспво придавашъ предметамъ часпъ звуковъ и красокъ другаго міра; онъ приказалъ подашь скорѣе свѣчу, около кошорой копался его лакей, но выраженіе порпреша ничушь не уменьшилось: лунный свѣпъ слившисъ съ сіяніемъ свѣчи, придалъ ему еще болѣе непоспижимой и вѣспъ спранной живоспи. Схвапивши проспыню, онъ началъ закрывашъ порпрешъ; свернулъ ее впрое, чпобы онъ не могъ

сквозь нее просвѣчивашь, но при всемъ помъ, или эшо было слѣдспвіе сильно пошревоженного воображенія, или собспвенные глаза его, ушомленные сильнымъ напряженіемъ, получили какую-шо бѣглую, движущуюся снаровку, шолько ему долго казалось, что взоръ спарика сверкаль сквозь полошно. Наконецъ онъ рѣшилсь погасишь свѣчу и лечь въ поспель, кошорая была заспавлена ширмами, скрывавшими ошъ него поршрешъ. Напрасно ожидалъ онъ сна: мысли самыя неушъшишельныя прогоняли шо спокойное соспояніе, кошорое ведешъ за собою сонъ: Тоска, досада, хозяйнъ пребующій денегъ, недоконченныя каршины — созданія безсильныхъ порывовъ, бѣдность — все эшо двигалось передъ нимъ и смѣнялось одно другимъ. И, когда на минушу удавалось ему прогнашь ихъ, шо чудный поршрешъ власшпшельно впѣснялся въ его воображеніе и казалось сквозь щелку въ ширмахъ сверкали его убійспвенные глаза. Никогда не чувспвовалъ онъ на душъ своей такога тяжелаго гнѣша. Свѣшь луны, кошорой содержишь въ себѣ шполько музыки, когда вшоргаешся въ одинокую спальню поэта и проносишь младенчески очаровашель-

ные полусны надъ его изголовьемъ, эпошь свѣтъ луны не наводилъ на него музыкальныхъ мечпаній; его мечпанія были болѣзненны. Наконецъ впалъ онъ не въ сонъ, но въ какое-то полу-забвеніе, въ то шягоспное соспояніе, когда однимъ глазомъ видимъ приспуающіе грезы сновидѣній, а другимъ въ неясномъ облакъ окружающіе предметы. Онъ видѣлъ, какъ поверхность спарика ошдѣлялась и сходила съ поршреша, шакже, какъ снимается съ кипящей жидкости верхняя пѣна, подымалась на воздухъ и неслась къ нему ближе и ближе, наконецъ приближалась къ самой его кровати. Чершковъ чувшповалъ занимавшееся дыханіе, силился приподняшься — но руки его были неподвижны. Глаза спарика мушно горѣли и вперились въ него всего магнишною своею силою,

«Не бойся» говорилъ спранный спарикъ, и Чершковъ замѣпилъ у него на губахъ улыбку, кошорая, казалась, жалила его своимъ ослабленіемъ и яркою живосшью освѣшила шусклые морщины его лица. «Не бойся меня» говорило спранные явленіе, «мы съ шобою никогда не разлучимся. Ты задумалъ весьма глупое дѣло: что тебѣ за охоту»
*

па цѣлые вѣки корпѣшь за азбукою, когда ты давно можешь чипашь по верхамъ? Ты думаешь, что долгими усиліями можно поспигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь что нибудь — да ты получишь» при эпомъ лице его спранно исковеркалось и какой-то неподвижный смѣхъ выразился на всѣхъ его морщинахъ «ты получишь завидное право кинуться съ Исакиевского моста въ Неву, или завязавши шею плапкомъ повѣситься на первомъ попавшемся гвоздѣ; а пруды свои, первый маляръ, закупивши ихъ на рубль, замажетъ грунпомъ, чтобы нарисовать на немъ какую нибудь красную розу. Брось свою глупую мысль! Все дѣлаешь въ свѣтъ для пользы. Бери же скорѣе кисть и рисуй поршрешы со всего города! бери все, что ни закажутъ; но не влюбляйся въ свою работу, не сиди надъ нею дни и ночи; время лешипъ скоро и жизнь не останавливается. Чѣмъ болѣе смасперипъ ты въ день своихъ карпинъ, тѣмъ больше въ карманъ будетъ у тебя денегъ и славы. Брось эпомъ чердакъ и найми богатую кварширу. Я тебя люблю и поному даю тебѣ такіе совѣты; я тебѣ и денегъ дамъ, только приходи ко мнѣ.» При эпомъ

спарикъ опять выразилъ на лицѣ своемъ пошъ же неподвижный, спрашный смѣхъ.

Непостижимая дрожь проняла Черпкова и выпунила холоднымъ попомъ на его лицѣ. Сбравши всѣ свои усилія, онъ приподнялъ руку и наконецъ привспалъ съ кровати. Но образъ спарика сдѣлался шусклымъ, и онъ шолько замѣпилъ, какъ онъ ушелъ въ свои рамы. Черпковъ вспалъ съ безпокойшвомъ и началъ ходишь по комнатахъ. Чшобы немного освѣжишь себя, онъ приближился къ окну. Лунное сiяніе лежало все еще на крышахъ и бѣлыхъ спѣнахъ домовъ, хошя небольшія шучи спали чаще переходишь по небу. Все было шихо; изрѣдка долешало до слуха опдаленное дребезжаніе дрожекъ извощика, копорый гдѣ нибудь въ невидномъ переулкѣ спалъ, убаюкиваемый своею лѣнливою клячею, поджидавая запоздалаго сѣдока. Черпковъ увѣрился наконецъ, чшо воображеніе его слишкомъ разспроено и предспавило ему во снѣ швореніе его же возмущенныхъ мыслей. Онъ подошелъ еще разъ къ поршпру: Проспшняя его совершенно скривала опъ взоровъ и казалась шолько маленькая искра сквозила

изрѣдка сквозь нее. Наконецъ онъ заснулъ и проспалъ до самаго упра.

Проснувшись, онъ долго чувствовалъ въ себѣ по непріятное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ, послѣ угара: голова его непріятно болѣла. Въ комнатѣ было шускло, непріятная мокрота свѣлась въ воздухъ и проходила сквозь щели его оконъ, заспавленныхъ карпинами, или напшанушимъ грунпомъ. Скоро у дверей раздался спукъ и вошелъ хозяинъ съ Кваршальнымъ Надзирашелемъ, котораго появленіе для людей мѣлкихъ шакже непріятно, какъ для богашыхъ умилное лице просиделя. Хозяинъ небольшого дома, въ которомъ жилъ Чершковъ, былъ одно изъ шѣхъ швореній, какими обыкновенно бываюшъ владѣтели домовъ въ пшпнадашпой линіи Васильевскаго ошрова, на Пешербургской споронѣ, или въ ошдаленномъ углу Коломны; швореніе, какихъ очень много на Руси и которыхъ характеръ шакже шрудно опредѣлишь, какъ цвѣшъ изношеннаго сюршука. Въ молодоспи своей онъ былъ и капишанъ и крикунъ, упошреблялся и по шпашскимъ дѣламъ, машперъ былъ хорошо высѣчь, былъ и рас-

шоропень, и щеголь, и глупъ, но въ спароспи своей онъ слилъ въ себѣ всѣ эпи-рѣзкія особенноти въ какую-шо пусккую неопредѣленноти. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ опспавкѣ; уже не щеголялъ, не хваспалъ, не задирался; любилъ полько пишь чай и болшашъ за нимъ всякой вздоръ; ходилъ по своей комнашѣ, поправлялъ сальной огарокъ, аккуратноти по испеченіи каждаго мѣсяца навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами; выходилъ на улицу съ ключемъ въ рукѣ, для шого, чшобы посмошрѣшь на крышу своего дома; выгонялъ нѣсколькоти разъ дворника изъ его кануры, куда онъ запряшывался спать — однимъ словомъ, былъ человекъ въ опспавкѣ, которому послѣ всей забубенной жизни и шряски на перекладной, опспашающа одинъ пошлыя привычки.

«Извольте сами глядѣшь» сказалъ хозяинъ, обращаясь къ Кваршалъному и распспавляя руки «извольте распорядишься и объявишь ему.»

«Я долженъ вамъ объявишь» сказалъ Кваршалъный Надзирашель, заложивши руку за пешлю своего мундира, «чшо вы дол-

жны непременно заплашишь должныя вами уже за три мѣсяца кварширныя деньги.»

«Я бы радъ заплашишь, но что же дѣлать, когда нѣтъмъ» сказалъ хладнокровно Чершковъ.

«Въ шакомъ случаѣ, хозяинъ долженъ взять себѣ вашу движимосшь, равноспующую суммѣ кварширныхъ денегъ, а вамъ должно немедленно сегодня же выѣхать.»

«Берите все, что хошите» отвѣчалъ почти безчувственнно Чершковъ.

«Каршины многія не безъ искусства сдѣланы.» продолжалъ Кваршальный, перебирая изъ нихъ нѣкопорыя. «Жаль только, что некончены и краски-то не такъ живы. . . . Вѣрно недоспапокъ въ деньгахъ не позволялъ вамъ купить ихъ? А это что за каршина, завернутая въ холспину?» При этомъ Кваршальный безъ церемоніи подошедши къ каршинѣ, сдернулъ съ нее проспыню, пошому, что эти господа всегда позволяющъ себѣ маленькую вольносшь, шамъ, гдѣ видящъ совершенную беззащитносшь, или бѣдносшь. Поршрепъ, казалось, изумилъ его, пошому что необыкновенная живосшь глазъ производила на всѣхъ равное дѣйсшвіе. Разсмашривая каршину, онъ нѣсколько крѣп-

ко сжалъ ее рамы, и пакъ какъ руки у полицейскихъ служителей всегда нѣсколько опъзываюцца попорной рабошою, по рамка вдругъ лопнула; небольшая досчечка упала на полъ вмѣстѣ съ брякнувшимъ на землю свершкомъ золоша и нѣсколько блестящихъ кружковъ покашилось во всѣ спороны. Чершковъ съ жадношью бросился подбирать и вырвалъ изъ полицейскихъ рукъ нѣсколько поднашыхъ имъ червонцевъ.

«Какъ же вы говорите, что не имѣете чѣмъ заклашишь» замѣшилъ Кваршальный пріятно улыбаясь, «а между пѣмъ у васъ сполько золошой монены.»

«Эши деньги для меня священиы» вскричалъ Чершковъ, опасаясь искусныхъ рукъ полицейскаго. «Я долженъ ихъ хранишь, они ввѣрены мнѣ покойнымъ опцемъ, впрочемъ чпобъ васъ удовлетворить, вопъ вамъ за кварширу!» При эпомъ онъ бросилъ нѣсколько червонцевъ хозяину дома.

Физиогномія и пріемы въ одну минушу измѣнились у хозяина и доспойнаго блюспителя за нравами пьяныхъ извощиковъ.

Полицейскій спалъ извиняшьяся и увѣряшья, что онъ шолько исполнялъ предписанную форму, а впрочемъ никакъ не имѣлъ

права его принудишь, а чшобы болѣе въ эшомъ увѣришь Чершкова, онъ предложилъ ему призъ шабаку. Хозяинъ дома увѣрялъ, что онъ только пошупилъ, и увѣрялъ съ такою божбою и безсовѣстностію, съ какою обыкновенно увѣряетъ купецъ въ гошпнномъ дворѣ.

Но Чершковъ выбѣжалъ вонъ и не рѣшилъ болѣе оспаваться на прежней кварширѣ. Онъ не имѣлъ даже времени подумашъ о спранности эшого произшешвія. Осмотрѣвши свершокъ, онъ увидѣлъ въ немъ болѣе сонни червонцевъ. Первымъ дѣломъ его было наняшь щегольскую кварширу. Кваршира, попавшаяся ему, была какъ нарочно для него приготошлена: чешыре въ рядъ высокія комнашы, большіе окна, всѣ выгоды и удобствва для Художника! Лежа на Турецкомъ диванѣ и глядя въ цѣльные окна на распушія и мелькающія волны народа, онъ былъ погруженъ въ какое-шо самодвольное забвеніе и дивился самъ своей судьбѣ, еще вчера пресмыкавшейся съ нимъ на чердакѣ. Недоконченныя и оконченныя каршины развѣсились по спройнымъ колоссальнымъ спѣнамъ; между ними висѣлъ шѣиншвенный портретъ, который доспался ему

такимъ единственнѣмъ образомъ. Онъ опять спалъ думая о причинѣ необыкновенной живоспи его глазъ. Мысли его обратились къ видимому имъ полусновидѣнію, наконецъ къ чудному кладу, скрывавшемуся въ его рамкахъ. Все привело его къ тому, что такая нибудь исторія соединена съ существованіемъ порпшена и что даже, можетъ быть, его собственное бытіе связано съ этимъ порпшеномъ. Онъ вскочилъ съ своего дивана и началъ его внимательнѣе разсматривать: въ рамѣ находился ящикъ, прикрытый поненькой досчечкой, но такъ искусно задѣланной и заглаженной съ поверхностью, что никто бы не могъ узнать о его существованіи, если бы тяжельй палець Кваршальнаго не продавилъ досчечки. Онъ посмавилъ его на мѣсто и еще разъ на него посмопрѣлъ. Живоспъ глазъ уже не казалась ему такъ страшною среди яркаго свѣта, наполнявшаго его комнату сквозь огромные окна и многолюднаго шума улицы, громившаго его слухъ, но она заключала въ себѣ что-то непріятное, такъ что онъ постарался скорѣе отъ него отворопиться. Въ это время зазвенѣлъ звонокъ у дверей и вошла къ нему почтенная

дама пожилыхъ лѣтъ, съ шаліей въ рюмочку, въ сопровожденіи молоденькой, лѣтъ осьмнадцать; лакей въ богатой ливреѣ опворилъ имъ дверь и оспановился въ передней.

«Я къ вамъ съ просьбою» произнесла дама ласковымъ шономъ, съ какимъ обыкновенно они говорятъ съ художниками, Французскими парикмахерами и прочими людьми, рожденными для удовольствія другихъ. «Я слышала о вашихъ дарованіяхъ... (Чершковъ удивился шакой скорой своей славь). »Мнѣ хочется, чшобы вы сіяли поршпретъ съ моей дочери.» При эшомъ блѣдное личико дочери обратилось къ Художнику, кошорый если бы былъ знашокъ сердца, шо вдругъ бы прочелъ на немъ немногшмную испорію ея: Ребяческая спрасшъ къ баламъ, попка и скука продолжшпельнаго времени до обѣда и послѣ обѣда, желаніе побѣгашъ въ плашъ последней моды на многшмномъ гуляньи, непертѣливосшъ увидѣшъ свою пріятельницу для шого, чшобы ей сказашъ: ахъ, мшлая, какъ я скучала, или обьявшъ, какую мадамъ Сшхлеръ сдѣлала уборку къ ялашью Княгини Б... Вошъ все, чшо выражало лице молодой пошъшшпельницы, блѣд-

ное, почти безъ выраженія, съ ошпѣнкою какой-то болѣзненной желѣзны.

«Я бы желала чшобы вы шеперь же принялись за работу» продолжала дама «мы можемъ вамъ дать часъ.» Черпиковъ бросился къ краскамъ и кистямъ, взялъ уже гошовый напянушый 'грунтъ и успроился какъ слѣдуешъ.

«Я васъ должна нѣсколько предувѣдомить» говорила дама, насчетъ моей Апешъ, и эшимъ облегчить нѣсколько вашъ шрудъ: Въ глазахъ ея и даже во всѣхъ черпахъ лица всегда была замѣтна помношь; моя Апешъ очень чувствившельна и признаюшь, я никогда не даю ей чипашъ новыхъ романовъ! «Художникъ смошрѣлъ въ оба и незамѣпилъ ни какой помношни.» «Миъ бы хотѣлось чшобы вы изобразили ее просто въ семейномъ кругу, или еще лучше одну на чиспомъ воздухѣ въ зельной шѣни, чшобы ничшо непоказывало будшо она ѣдепъ на балъ. Наши балы, должно признашься, шакъ скучны и шакъ убиваютъ душу, чшо право я непонимаю удовольствія бывашъ на нихъ.» Но на лицѣ дочери и даже самой почшенной дамы было написано рѣзкими

чершми чшо онѣ непроускали ни одного бала.

Чершковъ былъ минушу въ размышленіи, какъ согласишь эши небольшія прошивуполжности; наконецъ рѣшился избрать благоразумную средину. При помѣ его прельщало желаніе побѣдишь прудности и воспоржеспивовашъ искусствомъ, согласишь двусмысленное выраженіе поршпреша. Кистъ бросила на полошно первый шуманъ, художническій хаосъ; изъ него начали дѣлиться и выходишь медленно образующіеся чершы. Онѣ приникъ весь къ своему оригиналу и уже началъ уловляшь шѣ неуловимыя чершы, кошорыя самому безцвѣшному оригиналу придаюшь въ правдивой кошѣ, какой шо характеръ, сосшавляющій высокое поржеспво истинны. Какой-шо сладкій шрепешъ началъ имъ одолѣвашъ, когда онѣ чувешповалъ, чшо наконецъ подмѣшилъ и можешъ бышь выразишь шо, чшо очень рѣдко удаешся выражашъ. Эшо наслажденіе неизъяснимое и прогрессивно возвышающееся извѣсно шолько шаланшу. Подъ кистью его лице поршпреша какъ будшо невольню пріобрѣшало шощъ колоритъ кошорый былъ для него самага внезапнымъ

открытием; но оригиналь началъ пакъ сильно вершѣться и зѣвать передъ нимъ, что художнику еще неопытному трудно было ловить урывками и многовеньями поспоянное его выраженіе.

«Мнѣ кажешся на первой разъ довольно.» произнесла почтенная дама.

Боже, какъ это ужасно! А душа и силы разохотились и хотѣли разгуляться. Повѣсивши голову и бросивши палистру споялъ онъ передъ своею каршиною.

«Мнѣ однакожь сказали, что вы въ два сеанса оканчиваете совершенно портретъ» произнесла дама подходя къ каршинѣ. «А увасъ до сихъ поръ еще шолько почти одинъ абрисъ, мы приѣдемъ къ вамъ завтра въ это же время.»

Молчаливо выпроводилъ своихъ гостей художникъ и осмался въ непріятномъ размышленіи. Въ его пѣсномъ чердакѣ никшо неперевивалъ ему, когда онъ сидѣлъ надъ своею незаказною рабошою: съ досадою оподвинулъ онъ начашый портретъ и хотѣлъ заняться другими недокончанными рабошами. Но какъ будшо можно мысль и чувства, проникнувшіе уже до души, замѣстипшь новыми, въ кошорые еще неустѣло

влюбись наше воображеніе. Бросивши кисть онъ вышелъ изъ дому.

Юношъ щаслива шѣмъ, что передъ нею бѣжишь множество разныхъ дорогъ, что ея живая, свѣжая душа доступна тысячи разныхъ наслажденій; — и пошому Чершковъ разсѣлся почти въ одну минушу. Нѣсколько червонцевъ въ карманъ — и что невласти исполненной силъ юноши. Пришомъ Русской человекъ, а особливо дворянинъ, или художникъ, имѣешь странное свойство: какъ только завелся у него въ карманъ грошъ — ему все шрынъ права и море по колъна. У него оставалось еще ошъ денегъ заплаченныхъ впередъ за кварширу около шридцати червонцевъ. И всѣ эти шридцать червонцевъ онъ спушилъ въ одинъ вечеръ. Прежде всего онъ приказалъ себѣ подать обѣдъ опличнѣйшій, выпилъ двѣ бушымки вина и не захошѣлъ взять сдачи, нанялъ щегольскую карешу, чтообы только съѣздишь въ театръ находившійся въ двухъ шагахъ ошъ его кварширы, угосшилъ въ кандиперской прехъ своихъ пріятелей, зашелъ еще кое - куда и возвратился домой безъ копѣйки въ карманъ. Бросившись въ кровать онъ уснулъ крѣпко, но сновидѣнія

его были также несвязны и грудь, какъ и въ первую ночь, сжималась, какъ будто чувствовала на себѣ что-то тяжелое; онъ увидѣлъ сквозь щелку своихъ ширмъ что изображеніе спарика опдѣлилось опгъ поломна и съ выраженіемъ безпокойства перещипывало кучи денегъ, золошо сыпалось изъ его рукъ... глаза Чершкова горѣли; казалось его чувства узнали въ золошѣ шу неизъяснимую прелесшъ, кошорая до шолъ ему небыла понятна. Спарикъ его манилъ пальцемъ и показывалъ ему цѣлую горру червонцевъ. Чершковъ судорожно пропянулъ руку и проснулся. Проснувшись онъ подошелъ къ поршрешу, прясъ его, изрѣзалъ ножемъ всѣ его рамы, но нигдѣ не находилъ запряпанныхъ денегъ; наконецъ махнулъ рукою и рѣшился работашъ, даль себѣ слово не сидѣшь долго и неувлекашься заманчивою кистью. Въ это время прѣехала вчерашняя дама съ своею блѣдною Анешою. Художникъ поспавилъ на спанокъ свой поршрешъ и на эшопъ разъ кисть его неслась быстрѣе. Солнечной день, ясное освѣщеніе дали какое-то особенное выраженіе оригиналу и опкрылось множесшво дошолъ незамѣченныхъ понкосшей. Душа его загорѣ

лась опять напряженіемъ. Онъ силдлся схватить мелчайшую почку, или чершу, даже самую желшизну и неровное измѣненіе колорипа въ лицѣ зѣвавшей и изнуренной красавицы съ шюю почноспію, съ копорюю позволяющъ себѣ неопышныя арпшпы, воображающіе чпо истинна можешъ нравипсья пакже и другимъ, какъ нравипсья имъ самимъ. Киспъ его шолько чпо хопѣла схватипсь одно общее выраженіе всего целаго, какъ досадное «довольно,» раздалось надъ его ушами и дама подошла къ его порпшрешу. «Ахъ, Боже мой! чпо эшо вы нарисовали?» вскрикнула она съ досадою: «Анешъ у васъ желша; у ней подъ глазами какія шю шемныя пшшна; она какъ будшо приняла нѣсколько склянокъ микспуры. Нѣшъ, ради Бога исправше вашъ порпшрешъ: эшо совсѣмъ не ея лице. Мы къ вамъ будемъ завшра въ эшо же время.»

Черпковъ съ досадою бросилъ киспъ; онъ проклиналъ и себя, и палишру, и ласковую даму, и дочь ея, и весь міръ. Голодный просидѣлъ онъ въ своей великолѣпной комнашѣ и не имѣлъ силъ приняпсья ни за одну каршину. На другой день вспавши рано, онъ схватилъ первую попавшюся ему рабо-

шу: эшо была давно начашая имъ Псишею, поспавилъ ее на спанокъ, съ намъреніемъ насильно продолжашъ; въ эшо время вошла вчерашняя дама.

«Ахъ, Анешъ, посмотри, посмотри сюда!» вскричала дама съ радоспнымъ видомъ. «Ахъ какъ похоже! прелеспъ! прелеспъ! и носъ, и рошъ, и брови! чъмъ васъ благодарипъ за эшошъ прекрасной сюрпризъ? Какъ эшо мило! Какъ хорошо чшо эша рука немного приподняша. Я вижу, чшо вы почно пошъ великій художникъ, о копоромъ мнѣ говорили.»

Черпковъ споялъ какъ опоропъльый, увидъвши, чшо дама приняла его Псишею за порпреншъ своей дочери. Съ заспънчивоспью новичка онъ началъ увѣряпъ, чшо эшимъ слабымъ эскизомъ хопълъ изобразипъ Псишею; но дочь приняла эшо себъ за комплеменшъ и довольно мило улыбнулась, улыбку раздѣлила мапъ. Адская мыслъ блеснула въ головѣ Художника, чувспво досады и злоспи подкрѣпили ее и онъ рѣшился эшимъ воспользовашъся.

«Позвольте мнѣ попросипъ васъ сего дня посидѣпъ немного подолъе» произнесъ онъ обрапшъ къ довольной на эшошъ разъ блон-

*

динкъ. «Вы видите, что плащя я еще не дѣлалъ вовсе, попому что хотѣлъ все съ большею точностію рисовать съ нашуры.» Быспро онъ одѣлъ свою Псишею въ костюмъ XIX вѣка; пронуль слегка глаза, губы, просвѣщлиль слегка волосы и опдалъ портретъ своимъ посѣщительницамъ. Пукъ ассигнацій и ласковая улыбка благодарности были ему наградою.

Но художникъ споялъ, какъ прикованный къ одному мѣсту. Его грызла совѣсь; имъ овладѣла ша разборчивая, мнишельная болзнь за свое непорочное имя, копорая чувспвуется юношею, носящимъ въ душѣ благородство шаланша, копорая заспавляетъ если не испреблять, шо по крайней мѣрѣ скрываетъ опъ свѣша шѣ произведенія, въ копорыхъ онъ самъ видитъ несовершенство, копорая заспавляетъ скорѣе выперитѣ презрѣніе всей толпы, нежели презрѣніе истиннаго цѣнишеля. Ему казалось, что уже спойшѣ передъ его каршиною грозный судія и, качая головою, укоряетъ его въ беспыдствѣ и бездарности. Чего бы онъ не далъ, чтобъ возврапитъ шолько ее назадъ. Уже онъ хотѣлъ бѣжать вслѣдъ за дамою, вырвать портретъ изъ рукъ ея,

разорвать и расплющить его ногами, но как это сделать? Куда идти? Онъ не зналъ даже фамиліи его постьшительницы.

Съ этого времени, однакожь произошла въ жизни его счастливая переменна. Онъ ожидалъ, что безславіе покроетъ его имя, но вышло совершенно напропихъ. Дама, заказывавшая портретъ, рассказала съ восторгомъ о необыкновенномъ художникѣ, и мастерская нашего Чершкова наполнилась постьшителями, желавшими удвоить и если можно удесятерить свое изображение. Но свѣжій, еще невинный, чувствующій въ душѣ недостойнымъ себя къ принятію такого подвига, Чершковъ, чтобы сколько нибудь загладить и искупить свое пресудленіе, рѣшился заняться со всевозможнымъ стараніемъ своею работою; рѣшился удвоить напряженіе своихъ силъ, которое одно производить чудеса. Но намѣренія его встрѣтили непредвидѣнные препятствія: Постшители его, съ которыхъ онъ рисовалъ портреты, были большею частію народъ неперпѣливый, занятой, шоропящійся и пошому едва шолько къ нему начинала шворить что нибудь не совсемъ обыкновенное, какъ уже вваливался новый пост-

шипель, переважно выспавлялъ свою голову, горя желаніемъ увидѣть ее скорѣе на помостѣ, и художникъ спѣшилъ скорѣе оканчивашъ свою работу. Время его наконецъ было такъ разобрано, что онъ ни на одну минушу не могъ предасться размышленію; и вдохновеніе, безпреспанно испребляемое при самомъ рожденіи своемъ, наконецъ ошвыкло навѣщаешь его. Наконецъ, чтобы ускорять свою работу, онъ началъ заключаться въ извѣсныя, опредѣленныя, однообразныя, давно изношенныя формы. Скоро поршрешы его были похожи на шѣ фамилныя изображенія спарыхъ художниковъ, копорыя такъ часпо можно вспрѣпшишь во всѣхъ краяхъ Европы и даже во всѣхъ углахъ міра, гдѣ дамы изображены съ сложенными на груди руками и держащими цвѣшокъ въ рукѣ, а кавалеры въ мундирѣ, съ заложеною за пуговицу рукою. Иногда желалъ онъ дашь новое, еще не избыное положеніе, опличавшееся бы оригинальностью и непринужденностью, — но увы! все непринужденное и легкое у поэта и художника, доспаешся слишкомъ принужденно, и ешь плодъ великихъ усилій. Для шого, чтобы дашь новое смѣлое выраженіе, постпгнущъ новую

пайну въ живописи, для этого нужно было ему долго думать, опшравивши глаза опъ всего окружающаго, унесшись опъ всего мїрскаго и жизни. Но на это у него не оставалось времени и припомъ онъ слишкомъ былъ изнуренъ дневною работою, чшобы бышь въ гошовности приняшь вдохновение; мїръ же, съ кошораго онъ рисоваль свои произведенія, былъ слишкомъ обыкновененъ и однообразенъ, чшобы вызвашь и возмутишь воображеніе. Глубоко размышляющее и вмѣспѣ неподвижное лице Дирекшора Депаршаментша, красивое, но вѣчно на одну мѣрку лице Уланскаго Ропмиспра, блѣдное, съ напянутою улыбкою Пепербургской красавицы и множесшво другихъ, уже черезъ чуръ обыкновенныхъ — вопъ все, чшо каждой день мѣнялось передъ нашимъ живописцемъ. Казалось, кисть его сама пріобрѣла наконецъ шу безцвѣшность и опсушшствіе энергїи, кошорою означались его оригиналы.

Безпреспанно мелькавшіе передъ нимъ асигнаціи и золошо, наконецъ усыпили дѣвсшвенныя движенія души его. Онъ беспшдно воспользовался слабосшью людей, кошорые за лишнюю чершу красосы, прибавленную Художникомъ къ ихъ изображеніямъ,

гоповы проспишь ему всѣ недоспашки, хотя бы эша красота была во вредь самому сходству.

Чершковъ наконецъ сдѣлался совершенно моднымъ живописцемъ. Вся споица обра-
щилась къ нему; его поршрешы видны бы-
ли во всѣхъ кабинешахъ, спальняхъ, го-
спинныхъ и будуарахъ. Испинные худож-
ники пожимали плечами, глядя на произве-
денія эшого баловня могущеспвеннаго слу-
чая. Напрасно силились они опыскашь въ
немъ хотя одну черцу вѣрной испины,
брошенную жаркимъ вдохновеніемъ; — эшо
были правильные лица, почши всегда недур-
ные собою, пошому чшо поняшіе красопы
удержалось еще въ Художникъ, но никако-
го знанія сердца, спрасшей, или хотя при-
вычекъ челоуѣка, ничего шакого, чшобы оп-
зывалось сильнымъ развишіемъ спонкаго-вку-
са. Ньюшорые же, знавшіе Чершкова, уди-
влялись эшому спранному собышію, пошо-
му чшо видѣли въ первыхъ его началахъ
присудспвіе паланша, и спарались разрѣ-
шишь непоспижимую загадку: какъ можешъ
дарованіе угаснушь въ цвѣшъ силъ, вмѣ-
сно шого, чшобы развишья въ полномъ
блескѣ.

Но эпихъ полковъ не слышалъ самодовольный Художникъ и величался всеобщемою славою, попряживая червонцами своими и начиная вѣришь, что все въ свѣтѣ обыкновенно и прости, что опкровенія свѣше въ мѣръ не сущесшвуешъ, и все необходимо должно бышь подведено подъ спрогій порядокъ аккуратности и однообразія. Уже жизнь его коснулася пѣхъ лѣпъ, когда все дышащее порывомъ сжимаешся въ человекъ, когда могущесшвенный смычекъ слабѣе доходишь до души и не обвиваешся пронзительными звуками около сердца, когда прикосновеніе красопы уже не превращаешъ дѣвспвенныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ опгорѣвшія чувсшва спановяшся доснушнѣ къ звуку золоша; вслушнвающся внимательнѣ въ его заманчивую музыку и, мало помалу, нечувсшвишельно позволяющъ ей совершенно усыпншь себя. Слава не можешъ насыпншь и дашь наслажденія шому, который укралъ ее, а не заслужилъ; она производишь пошоянный шрепешъ шолько въ досшойномъ ея. И пошому всѣ чувсшва и порывы его обрашнлись къ золошу. Золошно сдѣмалось его спрасшью, идеаломъ, спрахомъ, наслажденіемъ, цѣлно. Пуки ас-

сигнацій росли въ сундукахъ его. И какъ всякой, копорому доспаешся эпопѣ спрашной даръ, онъ началъ спановишься скучнымъ, недоспуннымъ ко всему и равнодушнымъ ко всему. Казалось онъ гошовъ былъ преврапишься въ одно изъ шѣхъ спранныхъ сущеспвъ, копорые иногда попадаюпся въ мѣръ, на копорыхъ съ ужасомъ глядишь исполненный энергѣи и спраспи человекъ и копорому они кажупся живыми шѣлами, заключающими въ себѣ мерпвеца. Но однако же одно собыпѣе сильно поспрасло его и дало совершенно другое направлѣнѣе его жизни.

Въ одинъ день онъ увидѣлъ на сполѣ своемъ записку, въ копорой Академѣя Художеспвъ просила его, какъ доспойнаго ея члена, прѣвхашъ дашь сужденѣе свое о новомъ присланномъ изъ Ипалѣи произведепнѣи, усовершенспвовавшагося шамъ Русскаго Художника. Эпопѣ Художникъ былъ одинъ изъ прежныхъ его шоварищѣй, копорый опъ раннихъ лѣтпъ носилъ въ себѣ спраспкъ къ искусству; съ пламенною силою спруженника поспрасъ въ немъ всею душою своею и для него опорвавшисъ опъ друзѣй, опъ родныхъ, опъ милыхъ привычекъ, бросился

безъ всякихъ пособій въ неизвѣстную землю; перпѣлъ бѣдность, униженіе, даже голодъ, но съ рѣдкимъ самоопроверженіемъ, презрѣвши все, былъ безчувственъ ко всему, кромѣ своего милаго искусства.

Вошедши въ залу нашелъ онъ толпу посѣпителей, собравшихся передъ картиною. Глубочайшее безмолвіе, какое рѣдко бываетъ между многлюдными цѣнишелями, на эпопѣ разъ царспвовало всюду. Черпковъ принявши значительную физиогномію знапока, приблизился къ картинѣ; но, Боже, что онъ увидѣлъ!

Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, спояло передъ нимъ произведеніе Художника. И хошь бы какое нибудь видно было въ немъ желаніе блеснуть, хошь бы даже извинишельное шщеславіе, хошь бы мысль о помѣ, чтобы показаться черни;— Никакой, никакихъ! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божешвенно, какъ шаманшъ, какъ геній. Изумишельно прекрасныя фигуры группировались не-принужденно, свободно, не касаясь полашна и, изумленныя сполькими усспремленными на нихъ взорами, казалось спыдыливо опустшили прекрасныя рѣсницы. Въ черпахъ

божественныхъ лицъ дышали тѣ тайныя явленія, копорыхъ душа не умѣешь, не знаешь пересказать другому; невыразимо выразимое покоилось на нихъ; — и все это было наброшено шакъ легко, шакъ скромно-свободно, что казалось было плодомъ минушнаго вдохновенія Художника, вдругъ остънившей его мысли. Вся картина была — мгновение; но это мгновение, къ которому вся жизнь человѣческая — есть одно приговореніе. Невольныя слезы гоповы были покапшсь по лицамъ посъспшпелей, окружившихъ картину. Казалось все вкусы, все дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію. Немодвижно, съ опверспымъ рпомъ стоялъ Чершковъ передъ картиною и наконецъ, когда мало по малу посъспшпели и знапоки зашумѣли и начали разсуждать о достоинствѣ произведенія, и когда наконецъ обратились къ нему съ просьбою объявить свои мысли, онъ пришелъ въ себя; хотѣлъ принять равнодушный обыкновенный видъ, хотѣлъ сказать обыкновенное пошлое сужденіе зачерспвѣлыхъ художниковъ: что произведеніе хорошо и въ художникъ видѣнь спаланшь,

но желашельно, чпобы во многихъ мѣспахъ лучше была выполнена мысль и ошдѣлка — но рѣчь умерла на устахъ его, слезы и рыданія неспройно вырвались въ ошвѣпъ и онъ какъ безумный выбѣжалъ изъ залы.

Съ минушу неподвижный и безчувспенный споялъ онъ посреди своей великолѣпной масперской. Весь соспавъ, вся жизнь его была разбужена въ одно мгновение, какъ будпо молодость возврапилась къ нему, какъ будпо попухшія искры паланша вспыхнули снова. Боже! и погубишь пакъ безжалосшно въ лучшіе годы своей юности, ишребишь, погасишь искру огня, можешъ бышь шеплѣвшася въ груди, можешъ бышь развившася бы шеперь въ величїи и красосъ, можешъ бышь пакже испоргнувшася бы слезы изумленїа и благодарности! И погубишь все эшо, погубишь безъ всякой жалоспи! Казалось какъ будпо въ эшу минушу ожили въ душъ его шѣ напряженїа и порывы, кошорые нѣкогда были ему знаками. Онъ схвашилъ кишъ и приблизился къ холспу. Пошъ усилїа проспунилъ на его лице, весь обрапился онъ въ одно желанїе и, можно сказашъ, загорѣлся одною мыслию: ему хопѣлось изобразишь ошпадшася Анге-

гела. Эша идея была болѣе всего согласна съ соспояніемъ его души. Но уввы! фигуры его, позы, группы, мысли, ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображеніе слишкомъ уже заключились въ одну мѣрку и безсильный порывъ пресупишь границы и оковы, имъ самимъ на себя наброшенныя, уже опзывался не-правильноспію и ошибкою. Онъ пренебрегъ упомишельную длинную лѣспницу посшепенныхъ свѣдѣній и первыхъ основныхъ законовъ будущаго великаго. Въ досадѣ онъ принялъ прочь изъ своей комнашы всѣ шруды свои, означенные мершвою блѣдноспію поверхностной моды, заперъ дверь, не велѣлъ никого впускашь къ себѣ и занялся, какъ жаркій юноша, своею работою. Но, уввы! на каждомъ шагу онъ былъ оспановливаемъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ спихій; простой, незначущій механизмъ охлаждалъ весь порывъ и споялъ неперескочимымъ порогомъ для воображенія. Иногда оспнялъ его внезапный призракъ великой мысли, воображеніе видѣло въ шемной перспективѣ, чпо-шо пакое, чпо схвапивши и бросивши на полошно можно было сдѣлать необыкновеннымъ и вмѣспѣ досшуп-

нымъ для всякой души, какая то звѣзда чудснаго, сверкала въ неясномъ шуманѣ его мыслей, пошому что онъ шочно носилъ въ себѣ призракъ шаланша; но Боже! какое нибудь незначущее условіе, знакомое ученику, анапомическое мершвое правило и мысль замирала, порывъ безсильнаго воображенія цѣпенѣлъ нерасказанный, неизображенный; кисть его невольню обращалась къ зашверженнымъ формамъ, руки складывались на одинъ заученный манерь, голова несмѣла сдѣлать необыкновеннаго повороша, даже самыя складки плашья опзывались вышверженнымъ и нехопѣли повиноваться и драпироваться на незнакомомъ положеніи шѣла. И онъ чувшповалъ, онъ чувшповалъ, и видѣлъ эшо самъ! Попѣ кашился съ него градомъ, губы дрожали и послѣ долгой паузы, во время кошпорой буншовали внушри его всѣ чувспва, онъ принимался снова, но въ шридцать слишкомъ лѣшъ шруднѣе изучать скучную лѣшницу шрудовъ правилъ и анапоміи, еще шруднѣе посшигнушь шо вдругъ, что развиваешся медленно и даешся за долгія усилія, за великія напряженія, за глубокое самоошверженіе. Наконецъ онъ узналъ шу ужасную муку, кошпорая какъ поразительное

исключеніе являешся иногда въ природѣ, когда паланшъ слабый силился выказаться въ превышающемъ его размѣрѣ и не можешъ выказаться, шу муку копорая въ юношѣ раждаешъ великое, но въ перешедшемъ за грань мечпаній обращается въ бесплодную жажду, шу спрашную муку, копорая дѣлаешъ чловѣка способнымъ на ужасныя злодѣнія. Имъ овладѣла ужасная зависть, зависть до бѣшенства. Желчь проспувала у него налицѣ, когда онъ видѣлъ произведеніе носившее печать паланша. Онъ скрежешалъ зубами и пожиралъ его взоромъ василиска. Наконецъ въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе, какое когда либо вивалъ чловѣкъ и съ бѣшеною силою бросился онъ приводить его въ исполненіе. Онъ началъ скупашъ все лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою цѣною, оспорожно приносилъ въ свою комнату и съ бѣшенствомъ шигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топшалъ ногами сопровождая ужаснымъ смѣхомъ адскаго наслажденія. Едва только появлялось гдѣ нибудь свѣжее произведеніе дышущее огнемъ новаго паланша онъ употреблялъ всѣ усилія купить его во что бы

то ни спало. Безчисленныя собранныя имъ богашства доставляли ему всѣ средства удовлетворяющаго этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои золотыя мѣшки и раскрылъ сундуки. Никогда ни одно чудовище невѣжества не испребило столько прекрасныхъ произведеній сколько испребилъ эпопъ свирѣпый мститель. Илюди, носившіе въ себѣ искру Божественнаго познанія, жадные одного великаго, были безжалостно, безчеловѣчно лишены тѣхъ священныхъ прекрасныхъ произведеній, въ копорыхъ великое искусство приподняло покровъ съ неба и показало человѣку часъ исполненнаго звуковъ и священныхъ тайнъ его же внутренняго міра. Нигдѣ, ни въ какомъ уголкѣ не могли они сокрыться отъ его хищной спраспи, незнавшей никакой пощады. Его зоркій, огненный глазъ проникалъ всюду и находилъ даже въ заброшенной пыли слѣдъ художественной кисти. На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякой заранѣе опчаялся въ пріобрѣтеніи художественнаго созданія. Казалось какъ будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ эпопъ ужасный бичъ желая опнять у него всю его гармонию. Эпа ужасная спраспъ набросила какой-то

спрашнѣй колоритъ на его лице: На немъ всегда почти была разлиша желчь; глаза сверкали почти безумно; нависнувшія брови и вѣчно перерезанный морщинами лобъ придавали ему какое-то дикое выраженіе и ошдѣляли его совершенно опъ спокойныхъ обитателей земли.

Къ счастью міра и искуспвъ пакая напряженная и насильспвенная жизнь не могла долго продолжаться; размъръ спраспей былъ слишкомъ неправиленъ и колосаленъ для слабыхъ силъ ея. Припадки бшенспва и безумія начали оказываться чаще и наконецъ все эпо обрапилося въ самую ужасную болѣзнь. Жестокая горячка, соединенная съ самою быстрою чахопкою овладѣли имъ пакъ свирѣпо, что въ при дня оспавалась опъ него одна пѣнь полько. Къ этому присоединились всѣ признаки безнадежнаго сумашеспвія. Иногда нѣсколько человекъ немогли удержашъ его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновеннаго порпреса и тогда бшенспво его было ужасно. Всѣ люди, окружавшіе его послель, казались ему ужасными порпрешами. Порпрешъ эпопъ двоился чешверился въ его глазахъ и наконецъ ему

чудилось, что все спяны были увѣшаны
эшими ужасными порпшепами, устремив-
шими на него свои неподвижные, живые
глаза. Спрашныя порпшепы глядѣли на не-
го съ пополка, съ волю и въ добавокъ онъ
видѣлъ, какъ комнаша разширялась и про-
должалась проспраннѣе чшобы болѣе вмѣ-
стипшь энихъ неподвижныхъ глазъ. Докторъ,
принявшій на себя обязанность его поль-
зовашь и уже нѣсколько насльшавшійся
о спранный его испоріи, спарался всеми си-
лами опыскашь пайное опношеніе между
грезившимися ему привидѣніями и произше-
спвіями его жизни, но ничего немогъ успѣшь.
Больной ничего непонималъ и нечувспвовалъ,
кромъ своихъ перзаній и пронзительнымъ
невыразимо-раздирающимъ голосомъ кричалъ
и молилъ чшобы приняли опъ него неопра-
зимый порпшепъ съ живыми глазами, ко-
шораго мѣспо онъ описывалъ съ спран-
ными для безумнаго подробностями. Напра-
сно уношребляли все спаранія чшобы опы-
скашь эшошъ чудный порпшепъ. Все было
перерыпо въ домъ, но порпшепъ неопыски-
вался. Тогда больной приподнимался съ без-
покойспвомъ и опяпшь начиналъ описывашь
его мѣспо съ шакою почностью, кошора
*

показывала присудствіе яснаго и проникающаго ума; но всѣ поиски были тщетны. Наконецъ Докпоръ заключилъ, что это было больше ничего кромѣ особенное явленіе безумія. Скоро жизнь его прервалась въ послѣднемъ, уже безгласномъ порывѣ спораданія. Трупъ его былъ спрашенъ. Ничего поже немогли найши опъ огромныхъ его богатствъ, но увидѣвши изрѣзанные куски штѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала миліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.

§ II.

Множество карешъ, дрожекъ и колясокъ спояло передъ подъездомъ дома, въ кошоромъ производилась аукціонная продажа вещей одного изъ шѣхъ богашыхъ любительей искусствъ, кошорые сладко продремали всю жизнь свою погруженные въ зефиры и амурь, кошорые невинно прослыли меценатами и просподушно издержали для эшаго

миліоны накопленныя ихъ основательными опцами, а часпо даже собственными прежними прудами. Длинная зала была наполнена самою пестрою шолною постышипелей налепѣвшихъ, какъ хищныя птицы, на неприбранное шѣло. Тушъ была цѣлая флотилія Русскихъ Купцовъ изъ госпиннаго двора и даже полкучаго рынка въ синихъ нѣмецкихъ сюрпукахъ. Видъ ихъ и физиогномія была здѣсь какъ-шо шверже, вольнѣе и неозначалась шюю припорною услужливостію, которая шакъ видна въ Русскомъ купцѣ. Они вовсе нечинились, не смощря на шо, что въ эпош же залъ находилось множество шѣхъ значительныхъ Аристократовъ, передъ кошорыми они въ другомъ мѣсцѣ гошовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здѣсь они были совершенно развязны, шунали безъ церемоніи книги и каршины жемая уанашъ доброту шовара и сѣло перебивали цѣну добавляемую Графами-знапками. Здѣсь были многіе необходимыя постышипеди аукціонеры, поспановившіе каждый день бываще въ немъ вмѣсто завпрака; Аристократы — знапки, почишающіе обязанностью неупущать случая умножить

свою коллекцію и не находившіе другаго занятія отъ 12 до 1-го часа; наконецъ шѣ благородные господа, копорыхъ плашья и карманы чрезвычайно худы, копорые являющяся ежедневно безъ всякой корысполубивой цѣли, но единспвенно чтобы посмошрѣшь чѣмъ чшо кончипся, кшо будетъ давань больше, кшо меньше, кшо кого пербѣспть и за кѣмъ чшо оспанешся. Множеспво каршинъ разбросано было совершенно безъ всякаго полку: Съ ними были перемѣшаны и мебели, и книги съ вензелями прежняго владѣшеля, копорый вѣрно немѣлъ похвальнаго любоцышспсва въ нихъ заглядывашь. Кипайскія вазы, мраморныя доски для споловъ, новыя и спаринныя мебели съ выгнушыми линиями, съ грифами сфинксами и львиными лапами, вызолоченныя и безъ позолопы, люспры, кенкеты—все было навалено и вовсе не въ шакомъ порядкѣ, какъ въ магазинахъ. Все предспавляло какой то хаосъ испуспвѣ. Вообще ощущаемое нами чувспво при видѣ аукціона спранно: въ немъ все опзывается чѣмъ то похожимъ на погребальную процессію. Заль, въ копоромъ онъ производипся всегда какъ то мраченъ; окна загроможденные мебельми

и карпинами, скупю изливающъ свѣтъ; без-
молвіе разлипое на лицахъ всѣхъ и голоса:
сто рублей, рубль и двадцать копѣекъ!
чешыреста рублей пшдесяпть копѣекъ, про-
шяжно вырывающіеся изъ успъ, какъ-шо
дики для слуха. Но еще болѣе производипъ
впечатлѣнія погребальнй голось Аукціо-
ниспа, поспукивающего молопкомъ и опщѣ-
вающего панихиду бѣднымъ, шакъ спранно
вспрѣпившимся здѣсь, искуспвамъ.

Однакоже аукціонъ еще не начинался; по-
сѣшпшели разсмашривали разнныя вещи, на-
бропанныя горою на полу. Между пѣмъ не-
болпшая шолпа ошпановилась передъ однимъ
поршрешомъ: на немъ былъ изображенъ
спарикъ съ шакою спранною живоспью
глазъ, что невольню приковалъ къ себѣ ихъ
вниманіе. Въ художникъ нельзя было непри-
знать истиннаго шаланша, произведепіе
хоща было неокончено, но однакоже носило
на себѣ рѣзкій признакъ могущеспвенной
кисши; но при всемъ шомъ эша сверхъ
еспешспвенная живоспъ глазъ возбуждала
какой-шо невольнй упрекъ художнику.
Они чувспвовали что эшо верхъ истинны,
что изобразипъ ее въ шакой спепени мо-
жешъ шолько геній, но что эшопъ геній уже

слишкомъ дерзко перешагнулъ границы воли человѣка. Вниманіе ихъ прервало внезапное восклицаніе одного, уже нѣсколько пожилыхъ лѣтъ постыпшеля. «Ахъ, эпо онъ!» вскрикнулъ онъ въ сильномъ движеніи и неподвижно вперилъ глаза на поршреть. Такое восклицаніе натурально зажгло во всѣхъ лубопышспво и нѣкопорые изъ разсмапривавшихъ никакъ неуперпѣли чпобы несказашь оборопившись къ нему: «Вамъ вѣрно извѣсно, чпонибудь обь эпомъ поршреть.»

«Вы неошиблись» опвѣчалъ сдѣлавшій невольное восклицаніе. Точно, мнѣ болѣе нежели кому другому извѣсна Испорія эпаго поршрета. Все увѣряешъ меня, чпо онъ долженъ бытъ шопъ самый, о кошоромъ я хочу говорить. Такъ какъ я замѣчаю чпо васъ всѣхъ иншересуешъ о немъ узнать, шо я шеперь же гоповъ нѣсколько удолепворить васъ.» «Постыпшели наклоненіемъ головы изъявили свою благодарностъ и съ большою внимашельностію пригошвились слушашь.

«Безъ сомнѣнія немногимъ изъ васъ» шакъ началъ онъ» извѣсна хорошо ша часшъ города, кошпорую называющъ Коломной. Характеристика ея опшичаешся рѣзкою осо-

бенноспью опть другихъ часпей города. Правы, занятія, сосполнія, привычки жишелей совершенно опличны опть прочихъ. Здѣсь ни что не похоже на споллицу, но вмѣспѣ съ эспимъ не похоже и на провинціальный городокъ пошому что раздробленность многоспоронней и если можно сказапъ цивилизованной жизни проникла и сюда, и оказа-лась въ шакихъ шонкихъ мелочахъ, какія можешъ шолько родишь многолюдная споллица. Тушъ совершенно другой свѣспъ; и въѣхавши въ уединенныя коломенскія улицы вы кажешся слышите какъ оспавляющъ васъ молодые желанія и порывы. Сюда незаглядываешъ живишельное, радужное будущее. Здѣсь все шишина и опспавка. Здѣсь все что оспло опть движенія споллицы. И въ самомъ дѣлѣ сюда перетъзжающъ опспавные чиновники, кошорыхъ пансіонъ непревышаешъ пяши сотъ рублей въ годъ; вдовы жившія прежде мужними шрудами; небогашые люди имѣющіе пріятное знакомство съ сенашомъ и пошому осудившіе себя здѣсь на цѣлую жизнь; высплужившіяся кухарки, шолкающіяся цѣлый день на рынкахъ, болшающія вздоръ съ мужикомъ въ мѣлочной лавкѣ и забирающія каждый день на 5 копеекъ

кофею и на 4 копейки сахару; наконецъ весь пошъ разрядъ людей, который я назову пепельнымъ, которые съ своимъ плашьемъ лицомъ, волосами имьютъ какую-то шусккую пепельную наружность. Они похожи на свринькой день, когда солнце несъпишъ своимъ яркимъ блескомъ, когда поже буря не свичешъ, сопровождаемая громомъ, дождемъ и градомъ, но просто когда на небъ бьваешъ ни се, ни по: съешся шуманъ и опни-маешъ всю рьзкость у предметовъ. Лица эшихъ людей бьваютъ какъ-то изъ красна-рьжеватые, волосы по же красноватые; глаза почти всегда безъ блеска; плашье ихъ поже совершенно маповое и представляешъ пошъ мушный цвѣшъ, который происхо-дишъ когда смѣшаешъ всѣ краски вмѣспѣ, и вообще вся ихъ наружность совершенно маповая. Къ этому разряду можно причислишъ опспавныхъ шеапральныхъ камель-динеровъ, уволенныхъ пѣшидесяпильпнихъ Типулярныхъ Совѣшниковъ; опспавныхъ пи-шомцевъ марса съ 200 рублевымъ пенсіономъ, выколошымъ глазомъ и раздушою губою. Эши люди во все безспрасшны: имъ все шрынъ-шрава: Идушъ они совершенно нео-брашала вниманія ни на какія предметы,

молчашъ — совершенно недумая ни о чемъ. Въ комнашъ ихъ шолько кровашъ и шпофъ чисшой, русской водки, кошорую они однообразно сосушъ весь день безъ всякаго смѣлаго прилива въ головъ, возбуждаемаго сильнымъ пріемомъ, какой обыкновенно любипшъ задавашъ себъ по воскреснымъ днямъ молодой Нѣмецкій ремесленникъ, эшошъ спуденшъ мѣщанской улицы, одинъ владьющій прошуаромъ за двѣнадцашъ часовъ ночи.

Жизнь въ Коломнѣ всегда однообразна: рѣдко гремитъ въ мирныхъ улицахъ кареша, кромѣ развѣ той, въ кошорой ѣздятъ актеры и кошорая звономъ, громомъ и бряканьемъ своимъ смущаешъ всеобщую шишину. — Здѣсь всѣ почти пѣшеходы. Извощикъ рѣдко, лѣниво, и почти всегда безъ сѣдока, волочипшя шаща вмѣшпъ съ собою сѣно для своей скромной клячи. Цѣна кварширѣ рѣдко доспигаетш тысячи рублей; ихъ больше ошъ 15 до 20 и 30 руб. въ мѣсяцъ, не счипая множесшва угловъ, кошорые ошдаюшся съ ошопленіемъ и кофіемъ за чешыре съ полшиною въ мѣсяцъ. Вдовы-чиновницы получающія пенсiонъ, самыя солидныя обипашельницы эпош часпи. Они ведутш себя очень хорошо, мешуш довольно чисшо свою комнашу и говоряшъ съ свои-

ми сосѣдками и пріятельницами о дороговизнѣ говядины, каршофеля и капусты; при нихъ находишься очень часто молоденькая дочь, молчаливое безгласное существо, впрочемъ иногда довольно миловидное; при нихъ находишься также довольно гадкая собаченка и спаринные часы съ печально поспукивающимъ маспникомъ. Эпи-шо чиновницы занимающъ лучшіе отдѣленія отъ двадцати до тридцати, а иногда и до сорока рублей. За ними слѣдуютъ актеры, кошорымъ жалованье не позволяеть выѣхать изъ Коломны. Это народъ свободный, какъ всѣ аршиспы живущіе для наслажденія: Они сидя въ своихъ халапахъ или выпочивающъ изъ кости какія нибудь бездѣлки, или починивающъ пистолепъ, или клеятъ изъ карпона какія нибудь полезныя для дома вещи, или играющъ съ пришедшимъ пріятелемъ въ шашки, или карпы и такъ проводятъ упрое; поже дѣлающъ ввечеру, примѣшивая къ этому часто пуншъ. Послѣ эшихъ шузовъ, эпого ариспокрапшва Коломны, слѣдуешъ необыкновенная дробь и мѣлочъ; и для наблюдателя также трудно сдѣлать перечень всѣмъ лицамъ, занимающимъ разные углы и закоулки одной комнапы, какъ поименовать

все помножество насѣкомыхъ, копорое зарождается въ спаромъ укусуъ. Какого народа вы шамъ не встрѣшите! Спарухи, копорыя моляшся, спарухи копорыя нынѣшвуютъ, спарухи, копорыя нынѣшвуютъ и моляшся вѣснѣ, спарухи, копорыя перебивающся непоспизжими средшвами, какъ муравьи шаскаютъ съ собою спарыя шрянья и бѣлье онъ Калинкина моспа до Толкучаго рынка съ шѣмъ, чшюбы продашь его шамъ за пянадацашь копѣекъ. Словомъ весь жалкй и несчастный осадокъ человѣчешва.

Еспешвенное дѣло, чшо эшопъ народъ нерпипъ иногда большой недоспашокъ, не дающй возможности веспи ихъ обыкновенную, бѣдную жизнь: Они должны часшо дѣлашь экспиренные займы, чшюбы выпушашъ изъ своихъ обспоящельствъ. Тогда находяшся между ними шакіе люди, кѣпорые носятъ громкое названіе каппшалисповъ и могущъ снабжашъ за разные проценшы, всегда почти непемѣрные, суммою опъ двадцапи до спа рублей. Эпи люди мало по малу сосшавляютъ сосшояніе, копорое позволяешъ завешпись иногда собшвеннымъ домикомъ. Но на эшихъ росшовщиковъ вовсе не было похоже одно спранное сущешво, носившее

фамилію Пешпромихали. Былъ ли онъ Грекъ, или Армянинъ, или Молдаванъ — эшого никшо не зналъ, но по крайней мѣрѣ черпты лица его были совершенно южные. Ходилъ онъ всегда въ широкомъ Азіатскомъ плашьѣ, былъ високаго роспа, лице его было шемно-оливковаго цвѣща, нависнувшія черныя съ просѣдью брови и шакіе же усыпридавали ему нѣсколько спрашнѣй видъ. Никакаго выраженія нельзя было замѣшитъ на его лицѣ: — оно всегда почти было неподвижно и предспавляло спраннѣй контрастъ своею южною рѣзкою физиогноміей съ пепельными обипашелями Коломны. Пешпромихали вовсе не былъ похожъ на помянурыхъ росповщиковъ эпош уединенной часпты города. Онъ могъ выдашь сумму какою бы шолько опъ него ни пошребовали, напурально что за шо и проценпты были шуже необыкновенны. Вешхій домъ его со множеспвомъ приспроекъ находидся на Козьемъ болотѣ. Онъ былъ бы не шакъ дряхлѣ, еспли бы владѣлецъ его сколько нибудь разорился на починку, но Пешпромихали не дѣлалъ рѣшишельно ни какихъ издержекъ. Всѣ комнапты его выключая небольшой лачужки, копорую онъ занималъ самъ, были холодныя кладовыя, въ кошорыхъ кучами были набро-

саны фарфоровыя, золопыя, яшмовыя вазы, всякой хламъ, даже мебели, кошорыя приносили ему въ залогъ разныхъ чиновъ и званій должники, пошому чшо Пешромихали не пренебрегалъ ничемъ, и не смошря на шо чшо давалъ по сотни тысячъ, онъ шакже гошовъ былъ служишь суммою непревышавшею рубля. Старое негодное бѣлье, изломанные спулья, даже изодранные сапоги — все гошовъ онъ былъ приняшь въ свои кладовыя, и нищій смѣло адресовался къ нему съ узелкомъ въ рукъ. Дорогія жемчуги, обвивавшіе можешъ бышь прелеспнѣйшую шею въ мірѣ, заключались въ его грязномъ желѣзномъ сундукъ, вмѣстѣ съ шаринною шабакеркою пятидесяти-лѣтней дамы, вмѣстѣ съ діадемою возвышавшеюся надъ алебаспровымъ лбомъ красавицы и бриліаншовымъ перспнемъ бѣднаго чиновника, получившаго его въ награду неушомимыхъ своихъ шрудовъ. Но нужно замѣпишь, что одна шолько слишкомъ крайняя пужда заставляла обращаться къ нему. Его условія были шакъ шягоспны, что ошбивали всякое желаніе. Но спраннѣе всего, что съ перваго разу проценшы казались не очень велики. Онъ посредшвомъ своихъ спранныхъ и необыкновенныхъ выкладокъ расположилъ

шакимъ непонятнымъ образомъ что они росли у него страшною прогрессіей и даже конспрольные чиновники не могли проникнуть эшаго непоспшижимаго правила, шѣмъ болѣе, что оно казалось основаннымъ на законахъ спрогой математической истины; они видѣли явно приувеличеніе ишога, но видѣли поже, что въ эшихъ вычетахъ нѣтъ никакой ошибки. Жалось, какъ и всѣ другія спраспи чувствующаго челоѣка, никогда недоспигама къ нему, и никакія молебны не могли преклонить его къ опсрочку или къ уменьшенію плашежа. Нѣсколько разъ находили у дверей его окоспѣнѣвшихъ опъ холода несчастныхъ спарухъ, кошорыхъ посинѣвшіе лица, замерзнувшіе члєпы и мерпвыя выпянушыя руки казалось и по смерти еще молили его о милоспи. Эпо возбуждало часто всеобщее негодование и полиція нѣсколько разъ хотѣла разобрать внимательнѣе поступки эшаго спраннаго челоѣка, но Кварпальные Надзирашєли всегда умѣли подѣ какими нибудь предлогами уклонить и предспавить дѣло въ другомъ видѣ, не смопря на то что они гроша не получали опъ него. Но богашство имѣеть шакую спранную силу, что ему вѣряшъ какъ

государственной ассигнаціи. Оно не показывалось можетъ невидимо двигать всѣми какъ раболѣпными слугами. Это спранные существо сидѣло поджавши подъ себя ноги на почернѣвшемъ диванѣ принимая недвижно просипелей, слегка полько мигнувши бровью въ знакъ поклона; и ничего невозможно было опъ него услышать лишняго или поспороняго. Носились однакожъ слухи, что будто бы онъ иногда давалъ деньги даромъ не требуя возврата, но полько такое предлагалъ условіе, что всѣ бѣжали опъ него съ ужасомъ и даже самыя болшливья хозяйки не имѣли силъ пошевелить губами, чтобы пересказать ихъ другимъ. Тѣ же, копорые имѣли духъ принявъ даваемые имъ деньги, желшѣли, чахли и умирали не смѣя опкрышь шайны.

Въ этой часпи города имѣлъ небольшой домикъ одинъ художникъ, славившійся въ погдашнее время своими дѣйспвишельно прекрасными произведеніями. Этопъ художникъ былъ опецъ мой. Я могу вамъ показать нѣсколько работъ его, выказывающихъ рѣшительный талантъ. Жизнь его была самая безмяшежная. Это былъ попъ скромный небожный живописецъ, какіе полько жили во

времена религиозныхъ среднихъ вѣковъ. Онъ могъ бы имѣть большую извѣстность и нажить большое состояніе, если бы рѣшился заняться множественномъ работъ, которыя предлагали ему со всѣхъ сторонъ; но онъ любилъ болѣе заниматься предметами религиозными и за небольшую цѣну взялся росписать весь иконостасъ приходской церкви. Часно случалось ему нуждаться въ деньгахъ, но никогда не рѣшался онъ прибѣгнуть къ ужасному росповщику, хотя имѣлъ всегда впереди возможность ухватить долгъ, потому что ему стоило только присѣсть и написать нѣсколько поршрешовъ — и деньги были бы въ его карманѣ. Но ему такъ жалко было опорваться опъ своихъ занятій, такъ грустно было разлучиться хотя на время съ любимой мыслью, что онъ лучше готовъ былъ нѣсколько дней просидѣть голоднымъ въ своей комнатѣ. И на что бы онъ всегда рѣшился, если бы не имѣлъ спрасивно любимой имъ жены и двухъ дѣтей, изъ которыхъ одного вы видите теперь передъ собою. Однако же одинъ разъ крайность его такъ увеличилась, что онъ готовъ уже былъ итти къ Греку, какъ вдругъ внезапно распространилась вѣсть, что ужасной росповщикъ нахо-

*

дился при смерти. Это происшествіе его поразило и онъ уже готовъ былъ приписать его нарочно посланнымъ свыше для воспрепятствованія его намѣренію, какъ встрѣтилъ въ сѣняхъ своихъ запыхавшуюся спаруху, исправлявшую при ростовщикѣ при разныхъ должностяхъ : кухарки, дворника и камердинера. Спаруха совершенно отвыкшая говорить находясь при своемъ спраннымъ господинѣ, глухо пробормотала нѣсколько несвязныхъ опривисныхъ словъ, изъ которыхъ опецъ мой могъ только узнать, что господинъ ся имѣетъ въ немъ крайнюю нужду и просилъ его взять съ собою краски и кисти. Опецъ мой не могъ придумать на что бы онъ могъ быть ему нуженъ въ такое время и при томъ еще съ красками и кистями, но побуждаемый любопытствомъ схватилъ свой ящикъ съ живописнымъ приборомъ и отправился за спарухою.

Онъ насилу могъ продраться сквозь толпу нищихъ обспупившихъ жилище умирающаго ростовщика и липавшихъ себя надеждою, что авось либо наконецъ передъ смертію раскается энопъ грѣшникъ и раздастъ малую часть изъ безчисленнаго своего богатства. Онъ вошелъ въ небольшую комнату и уви-

дѣлъ пропянувшееся почти во всю длину ея шло Азіапца которое онъ принялъ было за умершее, шакъ оно выпянулось и было неподвижно. Наконецъ высохшая голова его приподнялась и глаза его шакъ спрашно устремились, что опецъ мой задрожалъ. Пепромихали сдѣлалъ глухое восклицаніе и наконецъ произнесъ: «Нарисуй съ меня поршрепъ!» Опецъ мой изумился шакому спранному желанію; онъ началъ представлять ему, что шеперь уже не время объ эшомъ думашъ, что онъ долженъ опвергнушь всякое земное желаніе, что уже немного минушь оспалось жипъ ему и потому пора помыслишь о прежнихъ своихъ дѣлахъ и принесши покаяніе Всевышнему. «Я не хочу ничего; нарисуй съ меня поршрепъ!» произнесъ швердымъ голосомъ Пепромихали; при чемъ лице его покрылось такими конвульсіями, что опецъ мой вѣрно бы ущелъ ешли бы чувспво весьма извинительное въ художникъ, пораженномъ необыкновеннымъ предметомъ для кисти не оставило его: Лице росповщика именно было одно изъ шѣхъ, которые соспавляютъ кладъ для аршиспа. Со спрахомъ и вмѣспъ съ какимъ-шо шайнымъ желаніемъ посшавилъ онъ холспъ за немѣніемъ спанка къ себѣ на ко-

лѣни и началъ рисовать. Мысль упростить послѣ эпо лице въ своей картинѣ, гдѣ хотѣлъ онъ изобразить одержимаго бѣсами, копорыхъ изгоняешь могущественное слово Спасителя, эта мысль заставила его усилить свое рвеніе. Съ поспѣшностію набросалъ онъ абрисъ и первыя пѣни, опасаясь каждую минушу, что жизнь росповщика вдругъ перервется, потому что смерть уже казалась носилась на устахъ его. Изрѣдка только онъ издавалъ хрипяніе и съ беспокойствомъ устремлялъ спрашный взглядъ свой на картину; наконецъ что-то подобное радости мелькнуло въ его глазахъ, при видѣ какъ черныя его ложились на полотно. Опасаясь ежеминутно за жизнь его, отецъ мой прежде всего рѣшился заняться окончательною опдѣлкою глазъ. Это былъ предметъ самый трудный, потому что чувство въ нихъ изображавшееся было совершенно необыкновенно и невыразимо. Около часу трудился онъ возлѣ нихъ и наконецъ совершенно схватилъ пошъ огонь, копорый уже пошухалъ въ его оригиналъ. Съ пайнымъ удовольствіемъ онъ опошелъ немного подалѣе отъ картины, чтобы лучше разсмотрѣть ее, и съ ужасомъ опскочилъ отъ нее увидѣвъ живые глядящія

на него глаза. Непоспѣжимый спрахъ овладѣлъ имъ въ шакой спешени, что онъ швырнувъ палистру и краски, бросился къ дверямъ; но страшное, ночни полумертвое шло респовщика приподнялось съ своей кровати и схватило его пощею рукою приказывая про должашъ работу. Опець мой клялся и крещился, что не станешъ продолжашъ. Тогда это ужасное существо повалилось съ своей кровати, шакъ, что его кости заспучали, собрало всѣ свои силы, глаза его блеснули живостью, руки обхватили ноги моего опца и онъ ползая цѣловалъ полы его плашья и умолялъ дорисовашъ порспреть. Но опець былъ неумолимъ и дивился шолько силъ его воли перемогшей самое приближеніе смерти. Наконецъ опчаянный Першомихали выдвинулъ съ необыкновенною силою изъ подъ кровати сундукъ и спрашная куча золоша грянула къ ногамъ моего опца; видя и шупшь его переклонносшь, онъ повалился ему въ ноги и цѣлой пошокъ заклинаній полился изъ его молчаливыхъ дошолъ успшь. Невозможно было нечувшвовашъ какого-шо ужаснаго, и даже если можно сказашъ опврашительнаго соспраданія. «Добрый человекъ! Божій человекъ! Хрисповъ человекъ!» говорилъ съ вы-

раженіемъ опчаянія эптошь живоу скелешъ.
«Заклинаю шеба маленькими дѣшьями швоими, прекрасною женоу, гробомъ опца швоего, кончи поршрешъ съ меня! еще одинъ часъ полько посиди за нимъ! Слушай я шебъ объявлю одну шайну.» При эпомъ смершная блѣднось начала сильнѣе просшупашъ на лицъ его. «Но шайны эшой никому не объявляй ни женъ, ни дѣшьямъ швоимъ, а не шо и шы умрешъ и они умрушъ и всѣ вы будеше несчастны. Слушай, если шы шеперь не сжалишся, шо уже больше не спану просишъ. Послѣ смерши я долженъ ишши къ шому къ кошорому бы я не хошѣлъ ишши. Тамъ я долженъ вышперѣшъ муки, о какнхъ шебъ и во снѣ не слышалось; но я могу долго еще не ишши къ нему, до шѣхъ поръ покуда стоишъ земля наша, ешъли шы шолько докончишъ поршрешъ мой. Я узналъ чшо половина жизни моей перейдешъ въ мой поршрешъ, ешъли шолько онъ будешъ сдѣлацъ искуснымъ живописцемъ. Ты видишъ чшо уже въ глазахъ ошпалась часъ жизни; она будешъ и вовсѣхъ чершахъ, когда шы докончишъ. И хошя шѣло мое згибнешъ, но половина жизни моей ошпанешся на землѣ и я убѣгу на долго еще опъ мукъ. Дорисуй! дорисуй! дорисуй!»... крича-

ло раздирающимъ и умирающимъ голосомъ эпо спранные существо. Ужась еще болѣе овладѣлъ моимъ опцомъ. Онъ слышалъ какъ поднялись его волоса опъ эпой ужасной шайны и выронилъ киспъ, копорую было уже поднйялъ пронушый его мольбами. «А, пакъ пы не хочешь дорисовать меня?» произнесъ хрипящимъ голосомъ Пепромихали. «Такъ возьми же себъ порпретпъ мой: я шебъ его дарю.» При сихъ словахъ чшо-по въ родъ спрашнаго смѣха выразилось на устахъ его; жизнь казалась еще разъ блеснула въ его черпахъ и чрезъ минушу предъ нимъ оспался синій прупъ. Опецъ не хотѣлъ припронушья къ киспямъ и краскамъ рисовавшимъ эши богоошспунныя черпы и выбѣжалъ изъ комнаты.

Чшобы развлечъ непрйяпныя мысли панесенныя эшимъ происшеспвиемъ онъ долго ходилъ по городу и ввечеру возвратился домой. Первый предметъ попавшійся ему въ масперской его былъ писанный имъ порпретпъ ростповщика. Онъ обратился къ женѣ, къ женщицъ прислуживавшей на кухнѣ, къ дворнику, но всѣ дали рѣшипельный ошвѣштъ, что никпо не приносилъ порпретпа и даже не приходилъ во время его ошсупспвйя. Эшо

заспавило его минушу задумашься. Онъ приблизился къ поршрешу и невольню отвращилъ глаза свои проникнушый отвращеніемъ къ собспвенной работѣ. Онъ приказаль его сняшь и вынесшь на чердакъ, но при всемъ шомъ чувспвоваль какую-шо спранную шягосшь, присущспствіе такихъ мыслей, кошорыхъ самъ пугался. Но болѣе всего поразило его когда уже онъ легъ въ постелю, слѣдующее, почти невѣрояшное происшесствіе: онъ видѣль ясно какъ вошелъ въ его комнату Пешпромихали и ошановился передъ его кровашью. Долго глядѣль онъ на него своими живыми глазами, наконецъ началъ предлагашъ ему шакія ужасныя предложенія, шакое адское направленіе хотѣль дашь его искусству, что опецъ мой съ болѣзненнымъ спономъ схвалился съ кроваши проникнушый холоднымъ пошомъ, неспернимою шяжесшью на душѣ и вмѣспъ самымъ пламеннымъ негодованіемъ. Онъ видѣль какъ чудное изображеніе умершаго Пешпромихали ушло въ раму попреша, кошорый висѣль снова передъ нимъ на спѣнѣ. Онъ рѣшился въ шомъ же день сжечь это прокляшое произведеніе рукъ своихъ. Какъ шолько запопленъ былъ каминъ, онъ бросилъ его въ разгорѣвшійся огонь

и съ шайнымъ наслажденіемъ видѣлъ какъ лопались рамы на копорыхъ напянутъ былъ холстъ, какъ шипѣли еще не высохшія краски; наконецъ куча золы одна шолько оспалась опъ его сущестпованія. И когда начала она улешашъ легкою пылью въ шрубу, казалось какъ будшо неясный образъ Пешромихали улешѣлъ вмѣспѣ съ нею. Онъ почувспвовалъ на душѣ какое-то облегченіе. Съ чувспвомъ выздоровѣвшаго опъ продолжительной болѣзни оборопился онъ къ углу комнашы, гдѣ висѣлъ писанный имъ Образъ, чшобы принесѣть чпсное покаяніе и съ ужасомъ увидѣлъ, чшо передъ нимъ споялъ шощъ же порптрешъ Пешромихали, копорого глаза казалось еще болѣе получили живоспи, шакъ чшо даже дѣши испуспили крикъ взглянувши на нето. Эшо чрезвычайно поразило моего опца. Онъ рѣшилса опкрыпѣся во всемъ священнику нашего прихода и просипѣ у него совѣша, какъ спспупипѣ въ эшомъ необыкновенномъ дѣлѣ. Священникъ былъ разсудительной человекъ и кромѣ шого преданный съ шеплою любовію своей должноспи. Онъ немедленно явился по первому призыву къ моему опцу, копорого уважалъ какъ досшойнѣйшаго прихожанина. Опецъ не счишалъ

даже нужнымъ опводишь его въ спорону и рѣшился пушь же при мапери моеи и дѣняхъ расказаць ему эшо непоспижимое проишесствіе. Но едва шолько произнесъ онъ первое слово, какъ машь моя вдругъ глухо вскрикнула и упала безъ чувствъ на полъ. Лице ея покрылось спрашною блѣдноспью, успа ошались неподвижны опкрышы и всѣ черпы ея исковеркались судорогами. Опець и священникъ подбѣжали къ ней и съ ужасомъ увидѣли, что она нечаянно проглотила десяшокъ иголокъ, копорыя держала во ршу. Пришедшій докпоръ объявилъ что эшо было неизлѣчимо: иголки ошановились у нее въ горлъ, другіе прошли въ желудокъ и во внутренность и машь моя скончалась ужасною смерпью.

Эшо произшесствіе произвело сильное вліяніе на всю жизнь моего опца. Съ эшаго времени какая-то мрачность овладѣла его душею. Рѣдко онъ чемъ-нибудь занимался, всегда почти оспавался безмолвнымъ и убѣгалъ всякаго сообщесства. Но между шѣмъ ужасной образъ Пепромихали съ его живыми глазами спалъ преслѣдовалъ его неоплучнѣе и часто опець мой чувспвовалъ приливъ шакихъ опчаянныхъ свирѣпыхъ мыслей, ко-

порыхъ невольно содрогался самъ. Все что чпо улегаешся, какъ черный осадокъ во глубинѣ челоуѣка испребляешся и выгоняешся воспишаніемъ, благородными подвигами и лицезрѣніемъ прекраснаго, все эпо онъ чувспвовалъ возмущавшимся и безпреспанно силившимся выйши въ наружу и развипься во всемъ своемъ порочномъ совершенспвѣ. Мрачное сосполніе души его именно было паково чпобы заспавипь его ухвашипься за эпоу черную спорону челоуѣка. Но я долженъ замѣшпипь чпо сила характера опца моего была безпримѣрна; власпъ, копорую онъ бралъ надъ собою и надъ спраспями была непоспшпжима, его убѣжденія были шверже граниша и чѣмъ сильнѣе было испушеніе шѣмъ онъ болѣе рвался прошивуспавипь ему несокрушпмую силу души своей. Наконецъ обезсплѣвъ опъ эпой боръбы онъ рѣшплся излпшъ и обнажпшъ всего себя въ изображеніи всей повѣспп своихъ спраданий пому же спященнику, копорый всегда почпш доспавлялъ ему испѣленіе размышляющпми спонми рѣчами. Эпо было въ началѣ осепи; день былъ прекрасный; солнце сіяло какпмъ-то свѣжпмъ осепнимъ свѣпомъ; окна нашихъ комнашъ были опворены; опецъ мой

сидѣлъ съ доспойнымъ священникомъ въ мастерской; мы играли съ брапомъ въ комнату, которая была рядомъ съ нею. Обѣ эпикомпапы были во впоромъ эшажѣ соспавлявшемъ анпресоли нашего маленькаго дома. Дверь въ мастерской была нѣсколько распворена; я какъ то нечаянно заглянулъ въ опверспіе, видѣлъ что опецъ мой придвинулся ближе къ священнику и услышалъ даже какъ онъ сказалъ ему: наконецъ я опкрою всю эту шайну... Вдругъ мгновеинный крикъ заспавилъ меня оборошиться: брапа моего не было. Я подошелъ къ окну и — Боже! я никогда не могу забыть эшаго происшесшвія: на мостовой лежалъ облишый кровью шрупъ моего брапа. Играя онъ вѣрно какъ нибудь неоспорожно перегнулса чрезъ окошко и упалъ безъ сомнѣія головою внизъ, пошому что она вся была размозжена. Я никогда не позабуду эшаго ужаснаго случая. Опецъ мой споялъ неподвиженъ передъ окномъ, сложа накреспъ руки и поднйвъ глаза къ небу. Священникъ былъ проникнушъ спрахомъ, вспомнивъ объ ужасной смерши моей мапери и самъ пребовалъ опъ опца моего, что бы онъ хранилъ эту ужасную шайну.

Послѣ эшаго опецъ мой опдалъ меня въ

Корпусъ, гдѣ я провелъ все время своего воспитанія, а самъ удалился въ монастырь одного уединеннаго городка, окруженнаго пушпынею, гдѣ бѣдный съверъ уже предсавлялъ полько дикую природу, и шоржешвенно принялъ санъ монашескій. Всъ пляжкія обязанности эшаго званія онъ несъ съ шакою покорностью и смиреніемъ, всю шруженическую жизнь свою онъ велъ съ шакимъ смиреніемъ соединеннымъ съ энпузіазмомъ и пламенемъ Въры, чшо повидимому прешупное не имѣло воли коснуться къ нему. Но спрашный имъ же начерпанный образъ съ живыми глазами преслѣдовалъ его и въ эшомъ почши гробовомъ уединеніи. Игумень узнавши о необыкновенномъ шаланшѣ опца моего въ живописи, поручилъ ему украсишь церковь нѣкопорыми образами. Нужно было видѣшь съ какимъ высокимъ религіознымъ смиреніемъ шрудился онъ надъ своею работою въ шпрогомъ посшѣ и молпшвѣ въ глупкомъ размышленіи и уединеніи души приугошавлялся онъ къ своему подвигу. Неоплучно проводилъ ночи надъ своими священными изображеніями и опъ шого можешъ бышь рѣдко найдеше вы произведеній даже значительныхъ художниковъ ко-

порые носили бы на себѣ печать такихъ истинно Христіанскихъ чувствъ и мыслей. Въ его праведникахъ было такое небесное спокойствіе, въ его кающихся такое душевное сокрушеніе, какія я очень рѣдко встрѣчалъ даже въ карпинахъ извѣстныхъ Художниковъ. Наконецъ всѣ мысли и желаніе его устремились къ тому, чтобы изобразить божественную маперь, крошко проспирающую руки надъ молящимся народомъ. Надъ эшимъ произведеніемъ прудился онъ съ такимъ самоотверженіемъ и съ такимъ забвеніемъ себя и всего міра, что часъ спокойствія, разлишаго его кистью въ чертахъ божественной покровительницы міра, казалось перешла въ собственную его душу. По крайней мѣрѣ спрашнй образъ расповщика пересталъ навѣщать его и порпурешъ пропалъ неизвѣстно куда.

Между тѣмъ воспішаніе мое въ Корпусѣ окончилось. Я былъ выпущенъ офицеромъ, но къ величайшему сожалѣнію обстоятельство не позволили мнѣ видѣть моего отца. Намъ опправили тогда же въ дѣйствующую армію, копорая по поводу объявленной войны Турками находилась на границѣ. Не буду надѣдаться вамъ разсказами о жизни проведен-

ной мною среди походовъ, бивакъ и жаркихъ схватокъ ; довольно сказать, что пруды опасности и жаркй климатъ измѣнили меня совершенно. Такъ, что знавшіе меня прежде, не узнавали вовсе. Загорѣвшее лицо, огромные усы, и хриплый крикливый голосъ придали мнѣ совершенно другую физиогномію. Я былъ весельчакъ, не думалъ о завпрешнемъ, любилъ выпорожнишь лишнюю бупылку съ шоварищемъ, болшашъ вздоръ съ смазливенькими дѣвчонками, опшущишь съ проспа глупость, словомъ былъ военный безпечный человекъ. Однако жъ какъ только окончилась кампанія, я почелъ первымъ долгомъ навѣсшишь отца.

... Когда подъѣхалъ я къ уединенному монастырю, мною овладѣло странное чувство, какого прежде я никогда не испытывалъ, я чувствовалъ, что я еще связанъ съ однимъ существомъ, что есть еще что-то неполное въ моемъ состояніи. Уединенный монастырь посреди природы, блѣдной, обнаженной, навелъ на меня какое-то пиническое забвене и далъ странное, неопредѣленное направленіе моимъ мыслямъ. Какое обыкновенно мы чувствуемъ въ глубокую осень, когда листья шумяшь подъ нашими ногами, надъ

головами ни листа, черныя вѣшви сквозящъ рѣдкою стѣпью, вороны каркающъ въ далекой вышинѣ и мы невольно ускоряемъ свой шагъ какъ бы спараясь собрать разсѣявшіяся мысли. Множество деревянныхъ почернѣвшихъ приспоекъ окружали каменное строеніе. Я вспунилъ подѣ длинныя мѣспами прогнившія, позелѣнѣвшія мохомъ галлерей, находившіяся вокругъ келій, и спросилъ монаха опца Григорія. Это было имя которое опецъ мой принялъ по вспувленіи въ монашеское званіе. Мнѣ указали его келью. Никогда не позабуду произведеннаго имъ на меня впечатлѣнія. Я увидѣлъ спарца, на блѣдномъ изнуренномъ лицѣ котораго не присушествовало казалось ни одной черпты, ни одной мысли о земномъ. Глаза его привыкшіе бытъ успремленными къ небу получили пощѣ безспрасный, проникнушій не здѣшнимъ огнемъ видѣ, который въ минушу полько вдохновенія осѣняешъ художника. Онъ сидѣлъ передомною неподвижно какъ свяшой, глядящій съ полопна, на который перенесла его рука художника, на молящійся народъ; онъ казалось вовсе не замѣшилъ меня, хотя глаза его были обращены къ шой споронѣ ошкуда я вошелъ къ нему. Я не хошѣлъ еще оп-

крышья и пошому попросилъ у него просто благословенія какъ пупешествующій молеельщикъ, но каково было мое удивленіе, когда онъ произнесъ: «Здравствуй, сынъ мой, Леонъ!» Меня эшо изумило: я десяти лѣтъ еще распался съ нимъ; припомъ меня не узнавали даже шѣ, кошорые меня видѣли не шакъ давно. «Я зналъ чшо ты ко мнѣ прибудешъ» продолжалъ онъ. «Я просилъ объ эшомъ Пречисную Дѣву и Св. Угодника и ожидалъ шебя съ часу на часъ, пошому чшо чувствую близкую кончину и хочу шебѣ опкрышь важную шайну. Пойдемъ, сынъ мой, со мною и прежде помолимся!» Мы вошли въ церковь и онъ подвелъ меня къ большой каршинѣ изображавшей Божию Машерь благословляющую народъ. Я былъ пораженъ глубокимъ выраженіемъ божесшвенности въ Ея лицѣ. Долго лежалъ онъ повергшись передъ изображеніемъ и наконецъ послѣ долгаго молчанія и размышленія вышелъ вмѣстѣ со мною.

Послѣ шого ошець мой рассказалъ мнѣ все шо чшо вы сейчасъ опъ меня слышали. Въ истинну его я вѣрилъ пошому, чшо самъ былъ свидѣтелемъ многихъ печальныхъ случаевъ нашей жизни. «Теперь я расскажу шебѣ сынъ мой» прибавилъ онъ послѣ эшой

исторіи «то, что мнѣ открылъ видѣнный мною святой, неузнанный среди многолюднаго народа никѣмъ кромѣ меня, копорато милосердый Создатель сподобилъ такой неизглаголанной своей благости.» При этомъ опецъ мой сложилъ руки и устремилъ глаза къ небу, весь опданный Ему всеѣмъ своимъ бытіемъ. И я наконецъ услышалъ то, что сей часъ гоповлюсь разсказать вамъ. Вы не должны удивляться спраанности его рѣчей: я увидѣлъ, что онъ находился въ томъ состояніи души, копорое овладѣваетъ человекомъ, когда онъ испытываетъ сильныя вестершимья несчастія; когда желая собрать всю силу, всю желѣзную силу души и не находя еѣ довольно мощною, весь повергается въ Религію; и чѣмъ сильнѣе гнѣтъ его несчастій, тѣмъ пламеннѣе его духовныя созерцанія и молитвы. Онъ уже не походитъ на того шихаго размышляющаго опшельника, копорый какъ къ желанной приспани причалилъ къ своей пустыни съ желаніемъ опдохнуть опъ жизни и съ Христіанскимъ смиреніемъ молишья Тому, къ Копорому онъ спалъ ближе и доступнѣе; напросивъ того онъ спановишья чѣмъ по исполнскимъ. Въ немъ не угаснулъ пылъ души, но напросивъ

спремился и вырывается съ большею силою. Онъ тогда весь обратился въ религіозный пламень. Его голова вѣчно наполнена чудными снами. Онъ видишь на каждомъ шагу видѣнія и слышишь опкровенія; мысли его раскалены; глазъ его уже не видишь ничего принадлежащаго землѣ; всѣ движенія, слѣдствія вѣчнаго усуремленія къ одному, исполнены энтузіазма. Я съ перваго раза замѣпилъ въ немъ эшо соспоянiе и упоминаю о немъ пошому, чшобы вамъ неказалисьслишкомъ удивительными нѣ рѣчи, кошорыя я опъ него услышалъ. «Сынъ мой» сказалъ онъ мнѣ послѣ долгаго, почти неподвижнаго усуремленія глазъ своихъ къ небу. «Уже скоро, скоро приблизися шо время, когда искуситель рода человѣческаго, Аншихристъ, на родися въ мiръ. Ужасно будешь эшо время: оно будешь передъ концемъ мiра. Онъ промчися на конѣ гигантѣ и великія потерпятъ муки нѣ, кошорыя оспанушся вѣрными Христу. Слушай сынъ мой: уже давно хочешь народиться Аншихристъ, но не можешь, пошому чшо долженъ родиться сверхестешественнымъ образомъ; а въ мiръ нашемъ все усурено Всемогущимъ пакъ, чшо совершаешся все въ ешешественномъ порядкѣ и

пошому ему никакія силы, сынъ мой, не по-
могунъ прорвашься въ міръ. Но земля наша
прахъ предъ Создашелемъ. Она по Его зако-
намъ должна разрушашься и съ каждымъ
днемъ законы природы будунъ становишься
слабѣе и опъ шого границы удерживающія
сверхъестественное присупнѣе. Онъ уже и
шеперь нарождаешься, но шолько нѣкопорая
часъ его порываешься показашься въ міръ.
Онъ избираешъ для себя жилищемъ самаго
человѣка и показываешься въ шѣхъ людяхъ,
опъ копорыхъ уже кажешься при самомъ ро-
жденіи опшашнулъ ангелъ и они заклеише-
ны спрашною ненавистью къ людямъ и ко
всему, чшо ешъ созданіе Творца. Таковъ-шо
былъ шопъ дивный росповщикъ, копорого
дерзнулъ я окаянный изобразишь преступ-
ною своею кистью. Эшо онъ, сынъ мой, эшо
былъ самъ Аншихристъ. Если бы моя пре-
ступная рука не дерзнула его изобразишь,
онъ бы удалился и исчезнулъ, пошому чшо
не могъ жишь долѣе шого шѣла въ копо-
ромъ заключилъ себя. Въ эшихъ опвраши-
пельныхъ живыхъ глазахъ удержалось бѣ-
совское чувствво. Дивись сынъ мой ужасно-
му могуществу бѣса. Онъ во все силишься
проникнушь: въ наши дѣла, въ наши мысли

и даже въ самое вдохновеніе художника. Безчисленны будутъ жертвы эшаго адскаго духа, живущаго невидимо безъ образа на землѣ. Эпо шопъ черный духъ, кошорый врываешся къ намъ даже въ минушу самыхъ чистыхъ и свяшыхъ помышленій. О если бы моя киспъ не оспановила своей адской рабобы, онъ бы еще болѣе надѣлалъ зла и нѣпъ силъ человѣческихъ прошивуспашъ ему. Пошому, что онъ именно выбираешъ шо время, когда величайшія несчастія поспигаютъ насъ. Горе, сынъ мой, бѣдному человѣчешву! Но слушай, что мнѣ ошкрыла въ часъ свашаго видѣнія Сама Божія Машерь. Когда я шрудился надъ изображеніемъ пречисшаго лика Дѣвы Маріи, лилъ слезы покаянія о моей прошекшей жизни, и долго пребывалъ въ поспѣ и моливѣ чшобы быпъ dospойнѣе изобразипъ божешвенныя черпы ея, я былъ пощщенъ, сынъ мой, вдохновеніемъ, я чувешвовалъ, что высшая сила ошнила меня и ангелъ возносилъ мою грѣшную руку, я чувешвовалъ какъ шевелились на мнѣ волоса мои и душа вся шрепешала. О сынъ мой! за эшу минушу я бы шысячи взялъ мукъ на себя. И я самъ дивился шому что изобразила киспъ моя. Тогда же предспалъ мнѣ

во снѣ Пречиспый ликъ Дѣвы — и я узналъ чпо въ награду моихъ трудовъ и моливъ сверхъестественное существованіе эшаго демона въ поршрешъ будешъ не вѣчно, чпо если кто поржественно объявишь его исторію по испеченіи пиапидесяпи лѣтъ въ первое новолуніе, по сила его погаснешъ и развешся яко прахъ и чпо я могу тебѣ передашь эшо передъ моею смершію. Уже тридцашъ лѣтъ, какъ онъ съ шого времени живешъ; двадцашъ впереди, помолимся сынъ мой!» При эшомъ онъ повергнулся на колѣни и весь преврашилъ въ молишву. Признаюсь, я внушренно всѣ эши слова приписывалъ распаленному его воображенію, воздвигнутому безпреспаннымъ посшомъ и моливвами и пошому изъ уваженія не хошѣлъ дѣлашь какого нибудъ замѣчанія, или соображенія. Но когда я увидѣлъ какъ онъ поднялъ къ небу изсохшія свои руки, съ какимъ глубокимъ сокрушеніемъ молчалъ онъ уничтоженный въ себѣ самомъ, съ какимъ невыразимымъ умиленіемъ молилъ о шѣхъ, которыя не въ силахъ были пропивишься адскому обольспишелю и погубили все возвышенное души своей, съ какою пламенною скорбію просперся онъ, и по лицу его лились гово-

рація слезы, и во всѣхъ чертахъ его выразилось одно безмолвное рыданіе, — о! тогда я не въ силахъ былъ предасться холодному размышленію и разбирасть слова его. Нѣсколько лѣтъ прошло послѣ его смерти. Я не вѣрилъ этой исторіи и даже мало думалъ о ней; но никогда не могъ ее никому пересказать. Я не знаю опъ чего это было, но только я чувствовалъ всегда что-то удерживавшее меня опъ того. Сегодня безъ всякой цѣли зашелъ я на аукціонъ и въ первой разъ рассказалъ исторію эшаго необыкновеннаго портрета — шакъ что я невольно начинаю думать не сегодня ли по новолуніе, о кошоромъ говорилъ отецъ мой, потому что дѣйствительно съ того времени прошло уже 20 лѣтъ.

Тутъ рассказывавшій остановился и слушатели, внимавшіе ему съ неразвлекаемымъ участіемъ, невольно обратили глаза свои къ странному портрету и къ удивленію своему замѣтили, что глаза его вовсе не сохраняли той странной живости, кошорая шакъ поразила ихъ сначала. Удивленіе еще болѣе увеличилось, когда черты страннаго изображенія почти нечувствительно начали исчезать, какъ исчезаетъ дыханіе съ чистой спа-

ли. Чшо-шо мушное оспалось на полошнѣ. И когда подошли къ нему ближе, шо увидѣли какой-шо незначищій пейзажъ. Такъ, чшо носъшпштели уже уходя долго недоумѣвали дѣйсшвительшо ли они видѣли шайнспвенный портрешъ, или эшо была мечта и предспавилась мгновенно глазамъ ушпружденнымъ долгимъ разсмашриваніемъ спаринныхъ каршинъ.

ВЗГЛЯДЪ

НА СОСТАВЛЕНІЕ МАЛОРОССІИ.

ВЗГЛЯДЪ

НА СОСТАВЛЕНІЕ МАЛОРОССІИ. (*)

=

І. Какое ужасно-ничтожное время представляешь для Россій XIII вѣкъ! Сопни мелкихъ Государствъ единовѣрныхъ, одно-

(*) Эскизъ этотъ составлялъ введеніе къ Исторіи Малороссіи; но такъ какъ вся первая часть Исторіи Малороссіи передѣлана вовсе, то онъ остался заштатнымъ и помѣщается здѣсь какъ совершенно отдѣльная статья. —

племенныхъ, одноязычныхъ, означенныхъ однимъ общимъ характеромъ, и копорыхъ казалось противъ воли соединяло родство — эти мелкія Государства такъ были между собою разъединены, какъ рѣдко случается съ разнохарактерными народами. Они были разъединены не нависью, сильныя спраши не досягали сюда, ни постоянной Полишикою — съдѣлвемъ непреклоннаго ума и познанія жизни. Это былъ хаосъ браней за временное, за минушное, браней разрушительныхъ, потому что онъ мало по малу извѣли народный характеръ, едва начинавшій принимашъ опличительную Физиогномію при сильныхъ Норманскихъ Князяхъ. Религія, копорая болѣе всего связываетъ и образуетъ народы, мало на нихъ дѣйствовала. Религія не срослась тогда тѣсно съ законами, съ жизнью. Монахи, Наспоятели, даже Миспрополишы были схимники, удалившіеся въ свои кельи и закрывшіе глаза для міра; молившіеся за всѣхъ, но не знавшіе, какъ схватить съ помощью своего сильнаго оружія, Вѣры, власть надъ народомъ и возжечь этой Вѣрой пламень и ревность до энтузіазма, копорый одинъ способенъ соединить младенчающуюся народы

и наспроишь ихъ къ великому. Здѣсь была совершенная противоположность Западу, гдѣ самодержавный Папа, какъ будио невидимую наушиною опушалъ всю Европу своею религіозною властью, гдѣ его могущественное слово прекращало брань, или возжигало ее, гдѣ угроза спрашнаго проклятія обуздывала спраспи и полудикіе народы. Здѣсь монашпыри были убѣжищемъ шѣхъ людей, кошорые кропосью и незлобіемъ соспавляли исключеніе изъ общаго характера и вѣка. Изрѣдка Паспыри изъ пещеръ и монашпырей увѣщали Удѣльныхъ Князей; но ихъ увѣщанія были напрасны: Князья умѣли шолько посшишься и спроишь церкви, думая, что исполняютъ эшимъ всѣ обязанности Христіанской Религіи, а не умѣли счишашъ ее закономъ и покоряшъ ея велѣніямъ. Самыя ничшожныя причины раждали между ими безконечныя войны. Эшо были не споры Королей съ Вассалами, или Вассаловъ съ Вассалами: — нѣшъ! эшо были брани между родспвенниками, между родными брашьями, между ошцемъ и дѣшьями. Не ненависть, не сильная спраспь воздымала ихъ: — нѣшъ! брашъ браша рѣзалъ за клочекъ земли, или проспо, чтобы показашъ

удальство. Примѣръ ужасный для народа! Родство рушилось, пошому чшо жипели двухъ сосѣднихъ Удѣловъ, родспвенники между собою, гошovy были каждую минушу возезнашь другъ прошивъ друга съ ярспью волковъ. Ихъ не подвигала на эпо наслѣдспвенчая вражда, пошому чшо кшо былъ сегодня другъ, пошъ завтра дѣлался непришлемъ. Народъ приобрѣлъ хладнокровное звѣрство, пошому чшо онъ рѣзалъ, самъ не зная за чшо. Его не разжигало ни одно сильное чувспво, ни Фанашизмъ, ни суевѣрие, ни даже предрасудокъ. Опъ шого казалось умерля въ немъ почти всѣ чѣловѣческія сильныя благородныя спрасши, и если бы авился какой нибудь Геній, кошорый бы захопѣлъ шогда съ эшимъ народомъ совершпшь великое, онъ бы не нашелъ въ немъ ни одной спруны, за кошорую бы могъ ухапшпсья и пошряспи безчувспвенной соспавъ его, выключая развъ Физической, желѣзной силы. Тогда Испорія, казалось, заспхла и преврашплась въ Географію: однообразная жизнь, шевелившаяся въ часпяхъ и неподвижная въ цѣломъ, могла почеспься географическою принадлежностью спраны.

II. Тогда случилось дивное происшествіе.

Изъ Азіи, изъ середины ея, изъ степей, выбросившихъ сколько народовъ въ Европу, поднялся самый страшный, самый многочисленный, совершившій сколько завоеваній, сколько до него не производилъ никто. Ужасные Монголы, съ многочисленными, никогда дошолъ не виданными Европою шабунами, кочевыми кибитками, хлынули на Россію, освѣтивши пущь свой пламенемъ и пожарами — прямо Азіашскимъ буйнымъ наслажденіемъ. Это нашествіе наложило на Россію двухъ-вѣковое рабство и скрыло ее отъ Европы. Было ли оно спасеніемъ для нее, сберегши ее для независимости, пошому что Удельные Князья не сохранили бы ее отъ Литовскихъ завоевателей, или оно было наказаніемъ за шь непрерывныя брани: какъ бы шо ни было, но это страшное событіе произвело великія слѣдствія: оно наложило иго на сѣверныя и среднія Русскія Княженія, но дало между шьмъ происхожденіе новому Славянскому поколѣнію въ Южной Россіи, котораго вся жизнь была борьба и котораго Исторію я взялся представить.

III. Южная Россія болѣе всего поспрадала отъ Ташаръ. Выжженные города и степи, обгорѣлые лѣса, древній, разрушенный Кіевъ,

безлюдье и пущыня — вопшь чшо представляла эта несчастная спрана! Испуганные жипели разбѣжались или въ Польшу, или въ Липву; множество Бояръ и Князей выѣхало въ Сѣверную Россію. Еще прежде народонаселеніе начало замѣтно уменьшаться въ этой споронѣ. Кіевъ давно уже не былъ столицей; значительныя владѣнія были гораздо сѣвернѣе. Народъ, какъ бы понимая самъ свою ничтожность, оставлялъ шѣ мѣста, гдѣ разнообразная Природа начинаешъ становиться изобрѣпательницею; гдѣ она раскинула степи прекрасныя, вольныя, съ безчисленнымъ множествомъ шравъ почвы гигантскаго роста, часто неожиданно среди нихъ опрокинула косогоръ, убранный дикими вишнями, черешнями, или обрушила рышвину всю въ цвѣпахъ и по всѣмъ вьющимся лешамъ рѣкъ разбросала очаровательныя виды, пропшнула во всю длину Днѣпръ съ ненасытными порогами, съ величественными гориспыми берегами и неизмѣримыми лугами, и все это согрѣла умѣреннымъ дыханіемъ Юга. Онъ оставлялъ эти мѣста и сполпался въ шой части Россіи, гдѣ мѣстоположеніе, однообразно-гладкое и ровное, вездѣ почвы болошисное, испыканное печаль-

ными елками и соснами, показывало не жизнь живую, исполненную движенья, но какое-то прозябаніе, поражающее душу мыслящаго. — Какъ будто бы эшимъ подтвердилось правило, что только народъ сильный жизнью и характеромъ ищетъ мощныхъ мѣстоположеній или что только смѣлая и поразительная мѣстоположенія образуютъ смѣлый, предприимчивый, характерный народъ.

IV. Когда первый страхъ прошелъ, тогда мало по малу выходцы изъ Польши, Липвы, Россіи начали селиться въ этой землѣ, насплощей опчизнѣ Славянъ, землѣ древнихъ Полянъ, Сѣверянъ, чистыхъ Славянскихъ племенъ, копорыя въ Великой Россіи начинали уже смѣшиваться съ народами Финскими, но здѣсь сохранялись въ прежней чуждонности со всеми языческими повѣрьями, дѣтскими предразсудками, пѣснями, сказками, Славянской Мифологіей, такъ протсподушно у нихъ смѣшавшейся съ Христіанствомъ. Возвращавшіеся на свои мѣста прежніе жители привели по слѣдамъ своимъ и выходцевъ изъ другихъ земель, съ копорыми опъ долговременнаго пребыванія составили связи. Это населеніе производилось боязненно и робко, потому что ужасный кочевой народъ

былъ не за горами: ихъ раздѣляли, или лучше сказать, соединяли однѣ степи. Не смотря на пестроту населенія, здѣсь не было нѣхъ браней междоусобныхъ, копорыя не пересѣвали во глубинѣ Россіи: опасность со всѣхъ сторонъ не давала возможности заняться ими. Кіевъ — древняя мать городовъ Русскихъ — сильно разрушенный спрашными обладателями пабуновъ, долго оставался бѣденъ и едва ли могъ сравниться со многими, даже не слишкомъ значительными городами Сѣверной Россіи. Всѣ оставили его, даже Монахи-Лѣтописцы, для копорыхъ онъ всегда былъ священъ. Извѣстія о немъ разомъ прервались, и не смотря на то, что нѣмъ оставалась еще опрасть Князей Русскихъ, ничто не спасло его отъ полувѣковаго забвенія. Изрѣдка только, какъ будто сквозь сонъ, говорятъ Лѣтописцы, что онъ былъ спрашно разоренъ, что въ немъ были Ханскіе Баскаки, — и потомъ онъ отъ нихъ задернулся, какъ бы непроницаемою завѣсою.

V. Между нѣмъ какъ Россія была повергнута Ташарами въ бездѣйствіе и оцепененіе, великій язычникъ Гедининъ вывелъ на сцену тогдашней Исторіи новый народъ, на-

родъ бѣдный и жизнью и средствами для жизни, населявшій дикіе сосновые лѣса нынѣшней Бѣлоруссїи, еще носившій звѣриную кожу вмѣсто одежды, еще боготворившій Перуна и поклонявшійся древнему огню въ нешроганныхъ шопоромъ рощахъ, плашившій прежде дань Русскимъ Князьямъ, извѣстный подъ именемъ Липовцевъ. И эякогъ народъ при своемъ Князѣ Гедиминѣ сдѣлался самымъ виднымъ на огромномъ Сѣверовостокѣ Европы! Тогда города, Княжества и народы на Западѣ Россїи были какіе-то опривки, обрѣзки, оставшіеся за гранью Татарскаго порабощенїя. Они не сознавали ничего цѣлаго, и пошому Липовскїй завоеватель пошн однимъ движенїемъ лзыческихъ войскъ своихъ, совершенно созданныхъ имъ, подвергъ своей власнн весь промежутокъ между Польшей и Татарской Россїей. Попомъ двинулъ опъ войска свои на Югъ, во владѣнїя Волынскихъ Князей. Весьма еспешвенно, что успѣхъ сопровождалъ его вездѣ. Въ Луцкѣ однакожъ Князь Левъ сильно сопрошнвался, но не въ силахъ былъ опшсоятъ земель своихъ. Гедиминъ, назначивъ Спароснъ и начальниковъ, щелъ далѣе на Югъ, къ самому сердцу Южной Россїи, къ Киеву. Убѣжавшій

Лудкій Князь Левъ успѣлъ кое-какъ угово-
ришь Кіевскаго Князя Спанислава выйти
съ своими немногочисленными дружинами на
вспрѣчу грозному побѣдителю: дружины бы-
ли усилены союзниками Ташарами; но все бѣ-
жало передъ мощнымъ Лишовцемъ. Геди-
минъ, сильно поразивъ ихъ, при рѣкѣ Ирпе-
ни, вслушалъ съ доржесствомъ въ Кіевъ,
носившій на себѣ свѣжую печать Ташар-
скаго посвященія, и поспановилъ въ немъ
правителемъ Князя Миндова Ольшанскаго,
принявшаго Греческую Вѣру. И такъ Ли-
шовскій завоеватель у самыхъ Ташаръ вы-
рвалъ почти передъ глазами ихъ находив-
шуюся землю! Это должно бы, казалось,
возбудить борьбу между двумя народами, но
Гедининъ былъ человекъ ума крѣпкаго, былъ
Полишикъ, не смотря на видимую свою ди-
кось и свое невѣжесшвенное время. Онъ
умѣлъ сохранить дружбу съ Ташарами, вла-
дѣя опятавшими у нихъ землями и не платя
никакой дани. Этого дикій Полишикъ, не
знавшій письма и поклонявшійся языческому
богу, ни у одного изъ покоренныхъ имъ на-
народовъ не измѣнилъ обычаевъ и древняго
правленія; все оставилъ по прежнему, под-
твердилъ все привилегіи и сшарщинамъ

строга приказалъ уважать народныя права; нигдѣ даже не означилъ пуши своего опущеніемъ. Совершенная ничтожность окружавшихъ его народовъ и прямо историческихъ лицъ придають ему какой-то исполинской размѣръ. Онъ умеръ въ 1340 году; мертвый былъ посаженъ на коня съ своимъ оруженосцемъ, съ окопничьими собаками, соколами, и сожженъ по языческому обычаю Липовцевъ. Вслѣдъ за нимъ такіе же два сильные характера, Ольгердъ и Ягайло, вознесли Липву, употребляя ту же самую Полишску съ присоединенными народами.

VI. И вопль Южная Россія, подъ могущественнымъ покровительствомъ Липовскихъ Князей, совершенно отдѣлилась отъ Сѣверной. Всякая связь между ими разорвалась; сославились два Государства, называвшіяся одинакимъ именемъ — Русью. Одно подъ Татарскимъ игомъ, другое подъ однимъ скипетромъ съ Липовцами. Но уже сношеній между ими не было. Другіе законы, другіе обычаи, другая цѣль, другія связи, другіе подвиги сославили на время два совершенно различные характера. Какимъ образомъ это произошло, сославление цѣль нашей Исторіи. Но прежде всего нужно

бросишь взглядъ на географическое положеніе этой страны: что непременно должно предшествоватьъ всему, ибо опъ вида земли зависишь образъ жизни и даже характеръ народа. Многое въ Испоріи разрешаетъ Географія.

Эта земля, получившая послѣ названіе Украинны, простирающаяся на Сѣверъ не далѣе 50° Широты, болѣе ровна, нежели гориста. Небольшія возвышенности встречаются очень часто, но ни одной гористой цѣпи. Сѣверная ея часть перемежается лѣсами, содержащими прежде въ себѣ цѣлыя стаи медвѣдей и дикихъ кабановъ; южная вся опкрыта, вся изъ сщепей, кипѣвшихъ плодородіемъ, но только изрѣдка засѣвавшихся хлѣбомъ. Дѣвственная и могучая почва ихъ своевольно произращала безчисленное множество травъ. Эти сщепи кипѣли стадами сайгъ, оленей и дикихъ лошадей, бродившихъ стадами. Съ Сѣвера на Югъ проходитъ великій Днѣпръ, опушанный вѣтвями впадающихъ въ него рѣкъ. Правой берегъ его гористъ и представляетъ цѣлистые и вмѣстѣ дерзкія мѣстоположенія; лѣвый весь изъ луговъ, покрытыхъ рощами, попопывающимися водою. Дѣвнадцать

пороговъ — выросшихъ изъ дна рѣки скалъ, не далеко отъ впаденія его въ море, преграждающъ печеніе и дѣлающъ плаваніе по немъ чрезвычайно опаснымъ. Около пороговъ водился родъ дикихъ козъ *Сугакъ*, съ бѣлыми, лоснящимися рогами, съ мягкою, пласною шерстью. Прежде воды въ Днѣпръ были выше, разливался онъ шире и далѣе пощоплялъ луга свои. Когда воды начинаютъ опадать, тогда видъ поразителенъ: всѣ возвышенности выходятъ и кажутся безчисленными зелеными островами среди необозримаго океана воды. Въ Днѣпръ впадаетъ только одна судоходная рѣка, Десна, проходящая въ Сѣверной Украинѣ, съ лѣвистыми берегами, почши съ обѣихъ сторонъ пощопляемыми водою; но и эта рѣка только въ вѣкошорыхъ мѣстахъ судоходна. Кромѣ того на Сѣверѣ Осперъ и часпъ Сейма, на Югѣ Сула, Пселъ, съ цѣною видовъ, Хороль и другія; но ни одна изъ нихъ не судоходна. Сообщенія никакого нѣтъ; произведенія не могли взаимно размѣниваться — и пощому здѣсь не могъ и возникнуть торговый народъ. Всѣ рѣки развѣтвляющъ по серединѣ; ни одна изъ нихъ не протекла на рубежѣ и не служила ещеспешен-

ною гранью съ сосѣдственными народами. Къ Сѣверу ли съ Россіей, къ Воспоку ли съ Кипчакскими Ташарами, къ Югу ли съ Крымскими, къ Западу ли съ Польшей — вездѣ она граничила полемъ, вездѣ равнина, со всѣхъ сторонъ открытое мѣсто. Будь хотя съ одной стороны естественная граница изъ горъ или моря — и народъ, поселившійся здѣсь, удержалъ бы полишическое бытіе свое, сославилъ бы отдѣльное Государство. Но беззащитная, открытая земля эта была землей опустошеній и набѣговъ, мѣстомъ, гдѣ сшибались при враждующихъ націяхъ, унавожена косями, ушучена кровью. Одинъ Ташарскій набѣздъ разрушалъ весь нрудъ земледѣльца: луга и нивы были выпашываемы конями и выжигаемы, легкія жилища сносимы до основанія, обитатели разгоняемы или угоняемы въ плѣнь вмѣстѣ съ скотомъ. Это была земля страха; и потому въ ней могъ образоваться только народъ воинственный, сильный своимъ соединеніемъ, народъ ошчаянный, кошораго вся жизнь была бы повиша и взлелеяна войною. И вошь выходцы вольные и невольные, бездомные, швъ, кошорымъ нечего было шепрять, кошорымъ жизнь + копейка, кошо-

рыхъ буйная воля не могла пертътъ законовъ и власпи, копорымъ вездъ грозила вистълица, расположились и выбрали самое опасное мѣсто въ виду Азіатскихъ завоевателей — Татарь и Турковъ. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила цѣлый народъ, набросившій свой характеръ и, можно сказать, коморитъ на всю Украину, сдѣлавшій чудо — превратившій мирныя Славянскія поколѣнія въ воинственныя; превспный подъ именемъ Казаковъ, народъ, составляющій одно изъ замѣчательныхъ явленій Европейской Истори, копорое, можетъ быть, одно сдержало это опустошительное различіе двухъ Магометанскихъ народовъ, грозившихъ поглотить Европу.

VII. Если не къ концу XIII, то къ началу XIV вѣка можно опнеспи подвѣненіе Казачества, къ шѣмъ вѣкамъ, когда свѣтлая, сильная ревность къ Религии еще не остыла въ Европѣ, когда почти вдругъ во всѣхъ концахъ безпрестанно образовывались Брагствва и Ордена Рыцарскіе, составлявшіе странную противоположность съ тогдашнимъ разъединеніемъ и съ изумительнымъ самоотверженіемъ разрушившіе и отверг-

нущіе условія обыкновенной жизни, безбрачныя, суровыя, неопразимыя, соглядатаи дѣтъ міра, желѣзные поборники Вѣры Христовой. Чѣмъ слабѣе была связь погдашнихъ Государствъ, тѣмъ сильнѣе росла ужасная сила эпитихъ Обществъ. Разлипіе Могометанства и Магометанскихъ новыхъ сильныхъ народовъ, уже врывавшихся въ Европу, увеличивало ихъ еще болѣе. Духъ эпитихъ Брашствъ распространился вездѣ и не между Рыцарями и не для подобныхъ предназначеній. Въ это время явился близъ пороговъ городокъ или оспрогъ Черкасы, построенный удалыми выходцами, имя котораго звучитъ общинашелями Кавказа, котораго даже построеніе многіе приписываютъ имъ и гдѣ было главное сборище и мѣстопребываніе Казаковъ. Въ началѣ частыя нападенія Тапаръ на сѣверную часть Украины заставляли жителей спасаться бѣгствомъ, приспавать къ Казакамъ и увеличивать ихъ общество. Это было неспроее сборище самыхъ опчаянныхъ людей пограничныхъ націй. Дикій Горецъ, ограбленный Россіянинъ, убѣжавшій отъ деспотизма Пановъ Польскій холопъ, даже бѣглець Исламизма Тапаринъ, можешь

быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днѣпра, въ послѣдствіи постановившему цѣлью, подобно Орденскимъ Рыцарямъ, вѣчную войну съ Невѣрными. Это скопище людей не имѣло никакихъ укрѣпленій, ни одного замка. Землянки, пещеры и пайники въ Днѣпровскихъ упесахъ, часпо подь водою, на Днѣпровскихъ оспровахъ, въ гущѣ спешной травы, служили имъ укрьшіемъ для себя и для награбленньхъ богапшшвъ. Гнѣздо эшихъ хищниковъ было невидимо; они налешали внезапно и, схвапивиши добычу, возвращались назадъ. Они поворопили прошивъ Ташаръ ихъ же образъ войны, шъ же Азіатскіе набѣги. Какъ жизнь ихъ опредѣлена была на вѣчный спрахъ, шакъ шочно съ своей стороны они рѣшились бышь спрахомъ для сосѣдей. Ташары и Турки должны были всякой часъ ожидать эшихъ неумолимыхъ обипашелей пороговъ. Магомспанскій сосѣдъ не зналъ, какъ назвапъ эшопъ ненависпный народъ. Если кто хопѣлъ къ кому выразишь величайшее презрѣніе, то называлъ его Казакомъ.

VIII. Большая часть этого общества состояла однакожь изъ первобыпныхъ, ко-

ренныхъ обитателей Южной Россіи. Доказательство въ языкѣ, который, не смотря на принятіе множества Татарскихъ и Польскихъ словъ, имѣлъ всегда число Славянскую южную физиономію, приближавшую его къ тогдашнему Русскому, и въ Вѣрь, которая всегда была Греческая. Всякой имѣлъ полную волю приспавать къ этому обществу, но онъ долженъ былъ непременно принять Греческую Религію. Это общество сохраняло всѣ тѣ черты, которыми рисуютъ шайку разбойниковъ; но, бросивши взглядъ глубже, можно было увидѣть въ немъ зародышъ полиинческаго племени, основаніе характернаго народа, уже въ началѣ имѣвшаго одну главную цѣль — воевать съ Невѣрными и сохранять чистоту Религіи своей. Это однакожь не были строгіе Рыцари Капюлическіе: они не налагали на себя никакихъ обѣщаній, никакихъ постовъ; не обуздывали себя воздержаніемъ и умерщвленіемъ плоти; были неукротимы, какъ ихъ Дибровскіе пороги, и въ своихъ неистовыхъ пиршестввахъ и бражничествѣхъ забывали весь міръ. То же тѣсное братство, которое сохраняется въ разбойничьихъ шайкахъ, связывало

ихъ между собою. Все было у нихъ общее — вино, цехины, жилища. Вѣчный страхъ, вѣчная онасность внушали имъ какое-то презрѣніе къ жизни. Казакъ больше заботился о доброй мѣрѣ вина, нежели о своей участи. Но въ нападеніяхъ видна была вся гибкость, вся смѣливость ума, все умѣнье пользоваться обстоятельствомъ. Нужно было видѣть этого обитателя пароговъ въ полупашарскомъ, полупольскомъ костюмѣ, на кошоромъ шакъ рѣзко оппечашалась пограничность земли, Азіатски мчавшагося на конѣ, пропадавшаго въ густой травѣ, бросающагося съ быспрошою шигра изъ непримѣтныхъ пайниковъ своихъ, или вытѣзавшаго внезапно изъ рѣки или болопа, обвѣшаннаго шиною и грязью, казавшагося спрашилищемъ бѣгущему Ташарину. Эпощъ же самой Казакъ послѣ набѣга, когда гулялъ и бражничалъ съ своими шоварищами, сорилъ и разбрасывалъ награбленныя сокровища, былъ безсмысленно пьянъ и безпеченъ до новаго набѣга, если только не предупреждали ихъ Ташары, не разгощали ихъ пьяныхъ и безпечныхъ и не разрывали до основанія городка ихъ, коццо-

рый, какъ будто чудомъ, спроился вновь, и опустошительный ужасный набѣгъ былъ опмщеніемъ. Послѣ чего снова ша же безпечность, ша же разгульная жизнь.

IX. Казалось, существованіе этого народа было вѣчно. Онъ никогда не уменьшался: выбывшіе, убитые, попонувшіе замѣнились новыми. Такая разгульная жизнь приманивала всякаго. Тогда было шо поэтическое время, когда все добывалось саблею; когда каждый въ свою очередь спремился бытъ дѣйствующимъ лицомъ, а не зритель-лемъ. Это скопленіе мало по малу получило совершенно одинъ общій характеръ и національность, и чѣмъ ближе къ концу XV вѣка, шѣмъ болѣе увеличивалось приходившими вновь. Наконецъ цѣлыя деревни и села начали поселяться съ домами и семействами около этого грознаго оплоша, чтобы пользоваться его защитою, съ условіемъ за шо нѣкопрыхъ повинностей. И такимъ образомъ мѣста около Кіева начали пущѣть, а между шѣмъ по шу сторону Днѣпра люднѣли. Семейные и женашье мало по малу опъ обращенія и сношенія съ ними получали шопъ же воинственннй характеръ. Сабля и плугъ сдружились между

собою и были у всякаго селянина. Между пѣмъ разгульные холоспяки вмѣстѣ съ червонцами, цехинами и лошадьми спали похищашь Ташарскихъ женъ и дочерей и женишья на нихъ. Опъ этого смѣшенія черпы лица ихъ, въ началѣ разнохарактерныя получили одну общую физиогномію, болѣе Азіатскую. И вопъ соспавился народъ, по Въръ и мѣспу жипельспва принадлежавшій Европъ, но между пѣмъ по образу жизни, обычаямъ, костюму совершенно Азіатскій, народъ, въ копоромъ пакъ спранно сполкнулись двѣ прошивоположныя Часпи Свѣпа, двѣ разнохарактерныя спихіи: Европейская оспорожность и Азіатская безпечность, просподушіе и хипроспъ, сильная дьяшельность и величайшая лѣнь и нѣга, спремленіе къ развипію и усовершенспвованію—и между пѣмъ желаніе казашья пре небрегающимъ всякое усовершенспвованіе.

0

U Y M K U U U.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О

ПУШКИНѢ.

=

При имени Пушкина шопчасъ осплелтъ мысль о Русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэповъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назвашься національнымъ; это право рѣшишельно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ будто въ

лексиконъ заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное; и можетъ быть единственное явленіе Русскаго духа: Это русской человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ можетъ быть явился чрезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русской языкъ, русской характеръ отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптического стекла.

Самая его жизнь, совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому иногда позабывшись спремился Русской и которое всегда нравилось свѣжей русской молодежи, отразились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ. — Судьба какъ нарочно забросила его туда, гдѣ границы Россіи отличаются резкою, величавою характерностью; гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи прерывается подъблочными горами и обвѣивается югомъ. исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ среди знойныхъ до-

линъ, поразилъ его; онъ можно сказать вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, копорыя еще шягошѣли на свободныхъ мысляхъ. Его плѣнила вольная поэтическая жизнь дерзкихъ горцевъ, ихъ схвашки, ихъ быспрые, неопразимые набѣги; и съ энихъ поръ кисть его приобрѣла шопъ широкій размахъ, шу быспрошу и смѣлосшь, копорая шакъ дивила и поражала шолько чшо начинавшую чипашъ Россію. Рисуешъ ли онъ боевую схвашку Чеченца съ Казакомъ — слогъ его молнія; онъ шакъ же блещешъ, какъ сверкающія сабли, и дешешъ быспрѣ самой бипвы. Онъ одинъ шолько пѣвецъ Кавказа: онъ влюбленъ въ него всего душою и чувспвами; онъ проникнушъ и напишанъ его чудными окресниоспиями, Южнымъ Небомъ, долинами прекрасной Грузіи и великолѣпными Крымскими ночами и садами. Можешъ бышъ онъ шого и въ своихъ швореніяхъ онъ жарче и пла, менше шамъ, гдѣ душа его коснулася Юга. На нихъ онъ невольно означилъ всю силу свою и ошъ шого произведенія его напишанные Кавказомъ, волею Черкесской жизни и ночами кырма имѣли чудную магическую силу: имъ изумлялись даже шѣ, копорыя

неимѣли сколько вкуса и развитія душевныхъ способностей чтобы быть въ силахъ понимать его. Смѣлое болѣе всего доступно, сильнѣе и просторнѣе раздвигаетъ душу а особливо юности, которая вся еще жаждетъ одного необыкновеннаго. Ни одинъ поэтъ въ Россіи не имѣлъ такой завидной участи, какъ Пушкинъ. Ничья слава не распространялась такъ быстро. Всѣ къ спашу и не къ спашу считали обязанностію проговорить а иногда исковеркать какіе нибудь ярко сверкающіе опрыски его поэмъ. Его имя уже имѣло въ себѣ что-то электрическое и спало только кому нибудь изъ досужихъ марашелей выпавши его на своемъ швореніи, уже оно расходилось повсюду. (*)

Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ націоналенъ, потому что истинная націо-

(*) Подъ именемъ Пушкина разсѣвалось множество самыхъ нелѣпыхъ стиховъ. Это обыкновенная участь таланта, пользующагося сильною извѣстностью. — Это въ началѣ смѣшить, но послѣ бываетъ досадно, когда наконецъ выходишь изъ молодости и видишь эти глупости неприкращающимися. Такимъ образомъ начали наконецъ Пушкину приписывать: Лѣкарство отъ холеры, Первую ночь и тому подобныя.

нальность соспоишь не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можешь бышь и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно споронній міръ, но глядишь на него глазами своей національной спихіи, глазами всего народа, когда чувствуюешь и говоришь пакъ, что соощечспвенникамъ его кажешся будпо эшо чувствуюють и говоряшь они сами. Если должно сказашь, о пѣхъ dospoинспвахъ, копорые соспавляютъ принадлежность Пушкина, опличающую его опъ другихъ поэшовъ, шо они заключающся въ чрезвычайной быспропъ описанія и въ необыкновенномъ искусствѣ не многими черпами означить весь предметъ. Его эпипешъ пакъ опщечспшь и смѣль, что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе; кпспъ его летаетъ. Его небольшая піеса всегда споипъ цѣлой поэмы. Врядъ или о комъ изъ поэшовъ можно сказашь, чтообы у него въ коропинькой піесѣ вмѣщалось сполько величія, проспопы и силы, сколько у Пушкина.

Но послѣднія его поэмы, писанныя имъ въ шо время, когда Кавказъ скрылся опъ него со всѣмъ своимъ грознымъ величіемъ и дер-

жавно - возносящуюся изъ за облакъ вершиною, и онъ погрузился въ сердце Россіи, въ ея обыкновенныя равнины, предался глубже изслѣдованію жизни и нравовъ своихъ соотечественниковъ и захопѣлъ бышь вполне національнымъ поэтомъ, — его поэмы уже не всѣхъ поразили шою яркостью и ослѣпительной смѣлостью, какими дышетъ у него все, гдѣ ни являющся Эльбрусъ, Горцы, Крымъ и Грузія.

Явленіе это кажется не шакъ шрудно разрѣшишь: Будучи пораженъ смѣлостью его кисти и волшебствомъ кисти, всѣ чинашели его образованные и необразованные шребовали на перерывъ, чшобы опечесшвенныя и историческія произшествія сдѣлались предметомъ его поэзіи, позабывая чшо не лзя шѣми же красками, копорыми рисуюшся горы Кавказа и его вольные обинашели изобразить болѣе спокойный и гораздо менѣ исполненный спрасшей бышь Русской. Масса публики, предспавляющая въ лицѣ своемъ націю очень спранна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: изобрази насъ шакъ какъ мы ешь, въ совершенной истиннѣ, предспавь дѣла нашихъ предковъ въ шакомъ видѣ, какъ они были.

Но попробуй поэшь послушный ея веленію изобразишь все въ совершенной истиннѣ и такъ какъ было, она пошчасъ заговоришь: эшо вяло, эшо слабо. эшо не хорошо, эшо ни мало не похоже на шо, чшо было. Масса народа похожа въ эшомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя поршреть совершенно похожій, но горе ему ешшли онъ не умѣлъ скрышь всѣхъ ея недосшатковъ. Русская Исторія шолько со времени послѣдняго ея направленія при Императорахъ пріобрѣшаетъ яркую живосшь; до шого, характеръ народа большею часшію былъ безцвѣшенъ; разнообразіе шрасшей ему мало было извѣшно. Поэшь не виновашъ; но и въ народѣ поже весьма извинительное чувствво придашь большій размѣръ дѣламъ своихъ предковъ. Поэшу ошавалось два средшва: или нашнянущь сколько можно выше свой слогъ, дашь силу безсильному. говоришь съ жаромъ о шомъ, чшо само въ себѣ не сохраняетъ сильнаго жара, шогда шолпа почишашелей, шолпа народа на его шпорошъ а вмѣшъ съ нимъ и деньги; или бышь вѣрну одной истиннѣ, бышь высокимъ шамъ, гдѣ высокъ предметъ, бышь рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно

рѣзкое и смѣлое бышь спокойнымъ и шихимъ, гдѣ не кипитъ происшествіе. Но въ эпомъ случаѣ прощай полпа! её не будетъ у него, развѣ когда самый предметъ, изображаемый имъ, уже шакъ великъ и рѣзокъ, что не можетъ не произвестъ всеобщаго энтузіазма. Перваго средства не избралъ поэтъ, пошому что хотѣлъ оспахъся поэмомъ и пошому, что у всякаго, кшо шолько чувствуетъ въ себѣ искру святаго призванія, еспъ понкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой талантъ шакимъ средствомъ. Никто не спанетъ спорить что дикій Горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный какъ воля, самъ себѣ и судія и господинъ, гораздо ярче какого нибудь засѣдателя и не смотря на то, что онъ зарызалъ своего врага припаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однакоже онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ испершомъ фракѣ запачканномъ шабакомъ, копорый невиннымъ образомъ посредствомъ справокъ и выправокъ пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпосшныхъ и свободныхъ душъ. — Но поэтъ и другой они оба явленія принадлежащія къ нашему міру:

они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хопя по естественной причинѣ по чпо мы рѣже видимъ всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, и предпочесть необыкновенному обыкновенное еспь больше ничего кромѣ не расчешъ поэта; нерасчешъ передъ его многочисленною публикою, а не передъ собою. Онъ ни чупь не перяетъ своего достоинства, даже можетъ быть еще болѣе пріобрѣщаетъ его, но только въ глазахъ не многихъ истинныхъ цѣнителей. Мнѣ пришло на память одно происшествіе изъ моего дѣтства: Я всегда чувствовалъ маленькую симпатію къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ копораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знакомы и суды мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ взглянувши на картину покачалъ головою и сказалъ: хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на копоромъ бы и листья были свѣжіе, хорошо распушее, а не сухое. Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость: знаешь чпо нравится и чпо не

наравился полкъ. Сочиненія Пушкина гдѣ дышесть у него Русская природа, также пики и безпорывны какъ Русская природа. Ихъ только можесть совершенно понимасть поэтъ, чья душа носить въ себѣ число Русскіе элемены, кому Россія родина, чья душа шакъ нѣжно организована и развилась въ чувствахъ, что способна понять не блестящія съ виду Русскія пѣсни и Русскій духъ. Поэтому что чемъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно бысть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было между прочимъ совершенная истина. По справедливости ли оцѣнены послѣднія его Поэмы? Опредѣлилъ, ли понялъ ли кто Бориса Годунова, это высокое, глубокое произведение заключенное во внутренній неприспущной Поэзіи, опвергнувшее всякое грубое простое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа?—по крайній мѣрѣ печально нигдѣ произнеслась имъ вѣрная оцѣнка и ни оспались до нынѣ не проноушы.

Въ мелкихъ своихъ сочиненіяхъ — этой прелестной антологіи, Пушкинъ разноспоренъ необыкновенно и являесть еще обширнѣе, виднѣе, нежели въ поэмахъ. Нѣкошо-

рые изъ эсихъ мелкихъ сочиненій такъ рѣзко - ослѣпительны чшо ихъ способень понимаешь всякой, но за то большая часть изъ нихъ и припомъ самыхъ лучшихъ кажешся обыкновенною для многочисленной толпы. Чшобы бышь доступну понимаешь ихъ нужно имѣшь слишкомъ шонкое обоняніе. Нужень вкусъ выше шого, кошорый можешъ понимаешь шолько однѣ слишкомъ рѣзкія и крупныя чершы. Для эшаго нужно бышь въ нѣкошоромъ опношеніи сибаритомъ, кошорый уже давно присышился грубыми и шяжелыми яспвами, кошорый еспъ пшичку не болѣе наперсшка и улаждаешся шакимъ блюдомъ, кошораго вкусъ кажешся совсѣмъ неопредѣленнымъ, спраннымъ, безъ всякой пріятности привыкшему глошашъ издѣлія крѣпосшнаго повара Эшо собраніе его мягкихъ спихошвореній — рядъсамыхъ ослѣпительныхъ каршинъ. Эшо пошъ ясный міръ, кошорый такъ дышешъ чершами знакомыми однимъ древнимъ, въ кошоромъ природа выражаешся шакже живо, какъ въ спруѣ какой нибудь серебрянной рѣки, въ кошоромъ быспро и ярко мелькаюшъ ослѣпительныя плечи, или бѣлыя руки, или алебаспровая шея, обсыпанная ночью шемныхъ кудрей,

или прозрачныя гроздія винограда, или мир-
шы и древесная стѣнь, созданныя для жизни.
Тупшъ все: и наслажденіе и проспоба и
мгновенная высокоспъ мысли, вдругъ объ-
емлющая священнымъ холодомъ вдохно-
венія чипашеля. Здѣсь нѣшпъ этого ка-
скада краснорѣчія, увлекающаго полько
многословіемъ, въ которомъ каждая фраза
попому полько сильна, что соединяется
съ другими, и оглушаетъ паденіемъ всей
массы, но еспли опдѣлишь ее, она спано-
вится слабою и безсильною. Здѣсь нѣшпъ
краснорѣчія, здѣсь одна поэзія; никакого
наружнаго блеска, все просто, все прилично.
все исполнено внутренняго блеска, копо-
рый раскрывается невдругъ; все лаконизмъ
какимъ всегда бываетъ чиспая поэзія. Словъ
не много, но они шакъ почны, что обозна-
чаютъ все. Въ каждомъ словѣ бездна про-
спранства; каждое слово необьяпно, какъ
поэшъ. Опсюда происходитъ то, что эпи-
мѣлкіе сочиненія перечипываетъ нѣсколко
разъ, шогда какъ достоинства этого
не имѣетъ сочиненіе, въ которомъ слиш-
комъ просвѣчиваетъ одна главная идея.

Мнѣ всегда было спранно слышатъ суж-
денія объ нихъ многихъ, слывающихъ знапо-

ками и липперапорамн, копорымъ я болѣе доврѣялъ покамѣсь еще не слышалъ ихъ полковъ объ этомъ предмѣшъ. Эпи мелкія сочиненія можно назвашъ пробнымъ камнемъ да копоромъ можно испышывашъ вкусъ и ещепиическое чувствво разбирающаго ихъ крипника. Непоснижимое дѣло! казалось какъ бы пмъ, не бышь доступными всѣмъ! Они такъ проспо-возвышенны, такъ ярки, такъ пламенны, такъ сладоспрасшны и вмѣспъ такъ дѣшски чисны. Какъ бы не понимашь ихъ! Но увы! это неопразимая истина: что чемъ болѣе поэшъ спановишся поэшомъ, чемъ болѣе изображаешъ онъ чувспва знакомые поэшамъ, тѣмъ замѣшнѣй уменьшаешся кругъ обспунившей его толпы и наконецъ шакъ спановишся шѣсенъ, что онъ можешъ перечесшъ по пальцамъ всѣхъ своихъ испинныхъ цѣнишелей.

ОБЪ АРХИТЕКТУРѢ.

★

ОБЪ АРХИТЕКТУРЪ

НЫНЪШНЯГО ВРЕМЕНИ.

=

Мнѣ всегда становился грустно, когда я гляжу на новыя зданія, непрерывно строящіяся, на кошорыя брошены миліоны, и изъ кошорыхъ рѣдкіе оспанавливають изумленный глазъ величеспвомъ рисунка, или своевольною дерзостью во-

ображенія, или даже роскошью и ослѣпительною пестрою украшеній. Невольно всплываетъ мысль: неужели прошелъ невозвратимо вѣкъ архипекшуры? Неужели величіе и геніальность больше не посѣпятъ насъ, или они принадлежность народовъ юныхъ, полныхъ одного энтузіазма и энергіи и чуждыхъ усыпляющей безспасной образованности? Опъ чего же шъ народы, передъ копорыми мы шакъ самодовольно гордимся, копорымъ едва даемъ мѣсто въ исторіи міра, опъ чего же они шакъ возвышающся передъ нами созданіями своего шемнаго, неосвѣщеннаго дробью познаній, ума? Опъ чего же колосальные памяшники Индусовъ шакъ величавы и неизмѣримы, опъ чего Аравійскіе шакъ роскошны и очаровательны? опъ чего у насъ въ Европѣ въ средніе вѣка шакъ много воздвиглось ихъ въ изумительномъ величіи?

Нехотѣлось бы убѣдиться въ этой грустной мысли, но все говоритъ что она истинна. Они прошли, шъ вѣка, когда вѣра, пламенная, жаркая вѣра успремляла всѣ мысли, всѣ умы, всѣ дѣйствія къ одному, когда художникъ выше и выше спремился вознести созданіе свое къ небу, къ

нему одному рвался и предъ нимъ, почти въ виду его, благоговѣнно подымалъ молящуюся свою руку. Зданіе его лептло къ небу; узкія окна, столпы, своды шпанулись нескончаемо въ вышину; прозрачный, почти кружевной шпигъ, какъ дымъ сквозилъ надъ ними и величественный храмъ, шакъ бывалъ великъ, какъ велики пребыванія души нашей передъ пребываніями шѣла.

Была архипектура необыкновенная, Христіанская, національная для Европы — и мы ее оставили; забыли: какъ будто чужую, пренебрегли какъ неуклюжую и варварскую. Не удивительншли что при вѣка прошекло и Европа, копорая жадно бросалась на все, алчно перенимала все чужое, удивлялась чудесамъ древнимъ, Римскимъ и Византійскимъ, или уродовала ихъ по своимъ формамъ, Европа незнала что среди ее находяшся чуда, передъ копорыми было ни что все ею видѣнное, что въ нѣдрѣ ея находяшся Миланскій и Кельнскій Соборы и еще до нынѣ чернѣющъ кирпичи недоконченной башни Спразбургскаго Мюнстера.

Готическая архипектура, ша Готиче-

ская архитектура, которая образовалась предъ окончаніемъ среднихъ вѣковъ есть явленіе такое, какого еще никогда не производилъ вкусъ и воображеніе чловѣка. Ее напрасно производяшъ опъ Арабской: идеи энихъ двухъ родовъ совершенно расходяся: изъ Арабской она заимствовала только одно искусство сообщать тяжелой массѣ зданія, роскошь украшеній и легкость; но самая эта роскошь украшеній вылилась у ней совершенно въ другую форму. — Она обширна и возвышенна какъ Христіанство. Въ ней все соединено вмѣстѣ: эпошъ спройной и высоко возносящейся надъ головою лѣсъ сводовъ, окна огромныя, узкіе съ безчисленными измѣненіями и переплешами, присоединеніе къ эпошъ ужасающей колоссальности массы самыхъ мѣлкихъ, песпрыхъ украшеній, эпошъ легкая паушина рѣзбы, опушывающая его своею съпью, обвивающая его опъ подножія до конца шпнца и улешающая вмѣстѣ съ нимъ на Небо; величіе и вмѣстѣ красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это такіе достоинства, которыхъ никогда кромѣ эпошъ времени не вмѣщала въ себя архитектура. Вспуная въ

священный мракъ эшаго храма, сквозь который фантасмически глядишь разноцвѣтный цвѣтъ оконъ, поднявши глаза къ верху, гдѣ перяются пересѣкаясь спрѣмъ-чашные своды одинъ надъ другимъ, одинъ надъ другимъ, и имъ конца нѣтъ — весьма естественнао ощутишь въ душѣ невольный ужасъ присудствія святыни, копорой несмѣешь и коснуться дерзновенный умъ человѣка.

Но она исчезла эта прекрасная Архитектура! Какъ только энтузіазмъ среднихъ вѣковъ угасъ и мысль человѣка раздробилась и успремилась на множество разныхъ цѣлей, какъ только единство и цѣлоспъ одного исчезло — вмѣстѣ съ нѣмъ исчезло и величіе. Силы его раздробившіе сдѣлались малыи; онъ произвелъ вдругъ во всѣхъ родахъ множество удивительныхъ вещей но истинно великаго, исполинскаго уже небыло. Византійцы убѣжавши изъ своей развращной Сполицы занятой мусульманами перепоршили вкусъ Европейцевъ и колосальную ихъ Архитектуру. Византійцы давно уже неимѣли древняго Ашическаго вкуса; они уже неимѣли и первоначальнаго Византійскаго и принесли только

испорченные оспашки его. Они языческія, круглыя, пльнителныя, сладоспращныя формы куполовъ и колонъ шцились примѣнись къ Хрисіанспву и примѣнили шакже неудачно, какъ неудачно привили Хрисіанспво къ своей языческой жизни дряхлой, лишенной свѣжести. Куполь выпянулся въ верхъ и сдѣлался почти угловатымъ, спройныя линіи, фронтшоны, какъ шо спранно изломались и произвели ничтожныя формы. Въ шакомъ видѣ получили эту архитектуру Европейцы, копорые съ своей спороны измѣнили ее еще болѣе, пошому чшо въ душѣ своей еще носили первоначальный образъ Готической и мысль совершенно пропивоположную разслабленной многоспоронности Грековъ. Тогда произошли шяжелые дворцы съ колонами, полуколонами безъ всякой цѣли. Все это было робко, мѣлко. Это была не роскошь но искаженность проспощи. Множество мифологическихъ головъ и украшеній безъ смысла, облѣпивъ шяжелую массу, не придали ей никакой легкости, не смягчили крѣпкихъ чершъ ея нѣжными и не выразили никакой идеи. Спремленіе въ высоту, сообщавшее величіе и легкость самымъ шяже-

лыхъ массамъ исчезло; вмѣсто того они разѣхались въ ширину.

Но церкви, спроенныя въ XVII и началъ XVIII вѣка еще менѣе выражаютъ идею своего назначенія. Глядя на нихъ кажется чувствуешь поже, какъ если бы человекъ грубый началъ пощдѣльваться подъ свѣтскую ушонченность. Въ нихъ прямая линія безъ всякаго условія вкуса соединялась съ выгнутою и кривою; при полугопической формѣ всей массы, они ничего не имѣють въ себѣ Гопического, окна мѣлкіе, сбишые въ кучу, или раскиданные безъ всякой гармоніи, пиляспры нешпанувшіяся во всю длину зданія, но приклеенныя иногда вверху подъ куполомъ, иногда на серединѣ, корошенькія, не уключія, сверхъ кошорыхъ часпо находился другой эшажъ шакихъ же колонъ, маленькихъ, некрасивыхъ, крыша изъ ломанныхъ линій, при эшомъ часпо удерживался и гопической шпиць, но уже не шощъ легкой и прозрачный, кошорый подъ рукою художника среднихъ вѣковъ принималъ шакую воздушность, но шяжелый, массивный, кошорый уже вовсе не лештъль къ Небу. Все что шолько опшывалось высокими, ушпреленными къ верху гопическими Дешай-

лями, было оставлено какъ безъ вкуса.

Хотя въ продолженіи XVIII вѣка вкусъ нѣсколько улучшился, но изъ этого не выиграли мы ровно ничего: онъ улучшился въ веригахъ чужихъ формъ. Тяжестъ готическая была справедливо изгнана совершенно, пошому что она въ Греческой формѣ была уже до не возможности безобразна. Тогда еще съ большимъ рвеніемъ спали изучающіе древнія формы, но изучали какъ робкіе ученики, копирующіе съ поспешностью мѣлочныя подробности оригинала и позабывающіе объ идеѣ цѣлаго. Брали частіи и съ необыкновеннымъ излишествомъ лѣпили въ огромную массу, показавшую еще никогда дошолъ не бывалое разъединеніе въ цѣломъ. Колонны и куполь, больше всего прельстившіе насъ, начали приспавлять къ зданію безъ всякой мысли и во всякомъ мѣстѣ: Они уже не были главною идеею спроектія а только частями, или лучше украшеніями его. Размѣръ самаго спроектія мы увеличили гораздо болѣе, а размѣръ купола въ отношеніи къ спроектію уменьшили. Мы не посмотрили въ увеличительное стекло на спроектіе, которое избрали мо-

делью ; не взглянули на него опошедши на известное разстояніе , но смотрѣли вблизи. Куполь сдѣлался ничтожнымъ , малымъ. Видя его пусыннось и одиночество на верху зданія , прибавили къ нему нѣсколько другихъ , возвысили для эшого надъ ними башни — и куполы спали походить на грибы. И куполь эшо лучшее прелестнѣйшее швореніе вкуса, сладоспастный, воздушно-выпуклый, который долженъ былъ обнявшъ все строеніе и роскошно опдыхашъ на всей его массѣ бѣлою, облачною своею поверхносною, исчезъ совершенно. Я люблю куполь, пошъ прекрасный, огромный легко-выпуклый, куполь который возродилъ роскошный вкусъ Грековъ въ Александрійскій вѣкъ и позже, въ вѣкъ наслажденный и эгоизма, вѣкъ ушонченнаго раздробленія жизни, вѣкъ Анпологиі легкой, душистой, дышащей сладоспастіемъ, лѣнью и роскошью, когда каждый принадлежалъ себѣ, жилъ для себя а не для общешва, когда на великолѣпныхъ роскошныхъ баняхъ, вездѣ былъ видѣнъ эшошъ смѣло выпуклый какъ небесный сводъ куполь. Ничшо не можешъ шакъ сладоспастно, шакъ плѣнительно украсить Массу

домовъ какъ шакой куполь. Но для этого онъ долженъ бытъ помѣщенъ только на помъ зданія, которое не измѣримо своєю шириною и какъ можно болѣе захватываетъ пространство; онъ долженъ лечь на всей обширной его платформѣ; онъ долженъ бытъ свѣплѣ самаго зданія и лучше если онъ весь бѣлый. Ослѣпительная бѣлизна сообщаетъ неизяснимую очаровательность и полношу его легко вышукать формѣ, — онъ тогда лучше, роскошнѣе и облачнѣе круглился на небѣ. И до нынѣ города Сирийскіе и Антіохійскіе имѣютъ необыкновенную прелесть черезъ то, что удержали нѣкоторое подобіе этихъ куполовъ; и до нынѣ на Воспокѣ можно встрѣпить ихъ въ величавомъ и огромномъ видѣ.

Портикъ съ колонами, это ясное произведение Аппинического стройнаго вкуса, который не перемѣлъ надъ собою ни какихъ надстроекъ у насъ то же пропало: Ему не догадались дать колоссальнаго размѣра, раздвинуть во всю ширину зданія, возвысить во всю вышину его. Его не развили, не увеличили, но спали употреблять въ обыкновенномъ видѣ. Удивительно ли что зданія копорья требовались огромныя, каза-

лись пущы, пошому чшо фронтонны съ колонами лѣпилися шолько надъ крыльцами ихъ. Громоздимыя надъ ними въ церквахъ дворцахъ башни и массы, вовсе ему не опъчавшія, подавили и унищожили его совершенно. Такимъ самымъ образомъ поэтъ не имѣющій обширнаго Генія, всегда не доволенъ однимъ проспымъ сюжетомъ и вмѣсто того, чшобы развишь его и сдѣлашь огромнымъ, онъ привязываетъ къ нему множество другихъ; ею поэма обременяется песнорошою разныхъ предметовъ, но не имѣетъ одной господствующей мысли и не выражаетъ одного цѣлаго.

Въ началѣ XIX столѣтія вдругъ распространилась мысль объ Ашпической простотѣ и шакже какъ обыкновенно бываетъ обратилась въ моду и опразилось вдругъ на всемъ начиная съ дамскихъ костюмовъ, преобразовавшихся въ небрежное, легкое одѣяніе Гесперь. Казалось еще ближе присмотрѣлись къ древнимъ; еще глубже изучили ихъ духъ; но все чшо ни сприли по ихъ образцу, все носило оппечашокъ мелкости и миніашюрности: узнали искусство болѣе связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства да-

вашь величіе всему цѣлому и опредѣлишь ему размѣръ способный вызвать изумленіе. Эпо новое спремленіе рѣшишельно было издержано на мѣлочныя бесѣдки павильоны въ садахъ и подобныя, небольшія игрушки. Они носили въ себѣ много Апшпическаго, но ихъ нужно было разсмапривапы въ микроскопъ. Въ огромныхъ же публичныхъ зданіяхъ не считали за пужное ими руководспивовашься: они сдѣлались наконецъ проспы до плоскости. Самое вредное направленіе Архитекпуръвнушила мысль о соразмѣрности, не о шой соразмѣрности, которая должна бышь въ спросеніи въ опношеніи къ нему самому, но проспо о соразмѣрности въ опношеніи къ окружающимъ его зданіямъ. Эпо все равно еспыли бы геній спалъ удерживашься опъ оригинальнаго и необыкновеннаго, пошому шолько, что передъ нимъ будупъ слишкомъ уже низки и ничпожны обыкновенные люди. Эпа соразмѣрность, соспоыла еще въ шомъ, чтобы спроеніе, какъ бы велико ни было въ своемъ объемъ но непременно что бы казалось малымъ. Его спали уединяпы и помѣщашь на шакой огромной и обширной площади, что оно казалось еще болъе ничпожнымъ. Какъ будпо бы спара-

лись нарочно внушить мысль: что великое съемъ невелико, какъ будто бы на- сильно старались испребишь въ душѣ благоговѣніе и сдѣлашь чловѣка равнодушнымъ ко всему.

Всѣмъ спроеніямъ Городскимъ спали да- вать совершенно плоскую, просную фор- му. Дома старались дѣлашь какъ можно болѣе похожими одинъ на другаго; но они болѣе были похожи на сараи, или казармы, нежели на веселыя жилища людей. Совер- шенно гладкая ихъ форма ни чуть непри- нимала живости опъ маленькихъ правиль- ныхъ оконъ, кошорыя въ оппошеніи ко всему спроенію были похожи на зажмурен- ные глаза. И эшою архитектурою мы еще недавно щеславились, какъ совер- шенствомъ вкуса и наспроили цѣлые го- рода въ ея духъ! Осмѣлился бы кпо нибудь даже шеперь, среди эшой гладко-однообраз- ной кучи, вздвигнушь зданіе, носившее бы на себѣ печать особенной, рѣзкой архитекту- ры, осмѣлился бы кпо нибудь возмъ спрое- нія въ Ашшическомъ вкусѣ непосредствен- но вздвигнушь Гошическое — Его бы соч- ли едвали не сумасшедшимъ. Опъ шого новые города неимьюшъ никакого вида:

Они шакъ правильны, шакъ гладки, шакъ моношонны, чшо прошедши одну улицу уже чувствувешъ скуку и отшказываешся отъ желанія заглянуть въ другую. Эшо рядъ спѣвъ и больше ничего. Напрасно ищешъ взглядъ, чшо бы одна изъ эшихъ непрерывныхъ спѣвъ въ какомъ нибудь мѣстѣ вдругъ возрсла и выбросилаоъ на воздухъ смѣлымъ переломленнымъ сводомъ, или изверглась какою нибудь башней-гиганшомъ. Спаринной Германской городокъ съ узинькими улицами съ песпрыми домиками и высокими колокольнями имѣешъ видъ несравненно болѣе говорящій нашему воображенію. Даже видъ какаго нибудь восшочнаго города съ высокими шонками Минарешами съ восшочными песпрыми куполами пошонувшими въ садахъ имѣешъ болѣе характера, болѣе дышешъ поэзіей и воображеніемъ нежели наши Европейскіе города позднѣйшей архишекшурѣ.

Башни огромныя, колосальныя необходимы въ городъ, неговоря уже о важности ихъ назначенія для Хришшанскихъ Церквей. Кромъ шого чшо они сосшавляютъ видъ и украшеніе, они нужны для сообщенія городу рѣзкихъ примѣшъ, чшобы слу-

жить маякомъ указывавшимъ бы пущь всякому недопуская сбиться съ пущи. Они еще болѣе нужны въ столицахъ для наблюденія надъ окрестностями. Унасъ обыкновенно ограничиваются высокою дающею возможность обглядѣть одинъ только городъ. Между тѣмъ какъ для столицы необходимо видѣть по крайней мѣрѣ на полпоросна вершѣ во всѣ стороны и для этого можетъ быть одинъ только, или два эшажа лишнихъ — и все измѣнялся. Объемъ кругозора по мѣрѣ возвышенія разспространяется необыкновенною прогресіей. Столица получаетъ существенную выгоду обозрѣвая провинціи и заранѣе предвидя все; зданіе сдѣлавшись немного выше обыкновеннаго, уже пріобрѣтаетъ величіе; художникъ выигрываетъ, будучи болѣе напряженъ колоссальностію зданія къ вдохновенію и сильнѣе чувствуя въ себѣ напряженіе.

Это направленіе архитектурны спаралось какъ будто нарочно скрываетъ свое величіе, вмѣсто того, чтобы какъ можно болѣе выказывать его пространство. Нѣтъ, непаковъ законъ великаго: Строеніе должно неизмѣримо возвышаться почти надъ

головою зришеля; чшобы онъ спалъ пораженный внезапнымъ удивленіемъ, едва будучи въ соспоаніи окинуть глазами его вершину. И пошому спроеіе всегда лучше если спонпъ на пшъсной площади. Къ нему можепъ иппи улица, показывающая его въ перспективѣ, издали, но оно должно имѣпъ поражающее величіе вблизи: Чшобы дорога проходила мимо его! Чшобы кареты гремѣли у самаго его подножія! Чшобы люди лѣпились подъ нимъ и своею малоспью увеличивали его величіе! Дайте человѣку большое распояніе — и онъ уже будепъ глядѣпъ выше, гордо на находящіяся предъ нимъ предметы; ему покажется все малымъ. Мы шакъ неопетижимо усшроеены, наши нервы шакъ спранно связаны, чшо шолько внезапное, оглушающее съ перваго взгляда, производипъ на насъ попрясеніе. И пошому вышину спроеіия подымайте въ соразмѣрности съ площадью, на которой оно спонипъ. Еспьли оно съ послѣдняго края площади кажется малымъ, и зришель не ощущаетъ изумленія, но долженъ для эшого близко подходить къ нему, шо зданіе пропало а вмѣспъ съ нимъ пропали шруды

и издержки употребленные на сооружение его. —

Но возвращаюсь къ проспекту архипещуры, которая заразила нашъ XIX вѣкъ. Сами Греки чувствовали, что однѣ прямыя линіи, и совершенная простота спроеній будущъ казаться уже черезъ чуръ плоскими, особливо есшли множество такого рода спроеній соединялся вмѣстѣ. Они чувствовали, что спрогая правильность и гладкость спроенія должна непременно имѣть возлѣ себя какую нибудь прошивоположность, чтобы бытъ болѣе оригинальною и замѣшною. И поэтому проспектировали надъ ними навѣсъ древесный. Близна прямолинейной стѣны или спройнаго съ колонами фронтона, выказываясь изъ за темной гущи зелени дѣйствительно хороша, потому что составляетъ контрастъ съ облачнымъ расположеніемъ дерева, почвы всегда неправильно, но красиво раскидывающаго свои вѣтви. Какъ только зданіе ихъ окружалось другими и находилось среди города, они чувствовали излишнюю простоту его и старались придашь сколько можно болѣе игры. Мысль о деревѣ и о природѣ

прежде всего приходила имъ въ голову. Но въ городѣ дерево драгоцѣнность; тогда они чаще начали употреблять не гладкія Дорическія колоны, но большею частію Коринфскіе съ капителью изъ зависшихъ листьевъ. Вообще убирають спроечія листьями, вѣющими гроздьями винограда, или украшеніями носящими неясный образъ вѣшвей дерева, было инстинктомъ у всѣхъ народовъ. Они невольно, слѣпо слѣдовали пайному внушенію своего вкуса. Въ Гошической архитектурѣ болѣе всего замѣненъ оппечашокъ, хотя неясный шѣсно сплешеннаго лѣса, мрачнаго, величественнаго, гдѣ попоръ незвучаль опъ вѣка. Эпи спремяціяся нескончаемыми линиями украшенія и сѣши сквозной рѣзбы ничшо другое, какъ темное воспоминаніе о спволѣ, вѣшвахъ и листьяхъ древесныхъ. И попому смѣло возлъ Гошическаго спроечія спавше Греческое, исполненное спройности и проспоты: оно будешъ спояшь между ними, какъ между величественными, прекрасными деревьями. И Гошическое и Греческое получають опъ эшаго двойную прелешъ. Истинный эффектъ заключенъ въ рѣзкой

противоположности; красота никогда не бываетъ такъ ярка и видна какъ въ контрастѣ. Контрастѣ тогда только бываетъ дуренъ, когда располагаешься грубымъ вкусомъ, или лучше сказать совершеннымъ опсудсвиемъ вкуса, но находясь во власти тонкаго, высокаго вкуса, онъ первое условіе всего и дѣйствуетъ ровно на всѣхъ. Разныя части его гармонируютъ между собою по тѣмъ же законамъ, по которымъ цвѣтъ палевый гармонируетъ съ синимъ, бѣлый съ голубымъ-розовымъ съ зеленымъ и такъ далѣе. — Все зависитъ отъ вкуса и отъ умѣнія расположить. Немышлите только въ одномъ зданіи множества разныхъ вкусовъ и родовъ архитектуры. Пусть каждая носитъ въ себѣ что-то цѣлое и самобытное, но пусть противоположность между этими самобытными въ отношеніи ихъ другъ къ другу будетъ рѣзка и сильна. Чѣмъ болѣе въ городѣ памятниковъ разныхъ родовъ зданій, тѣмъ онъ интереснѣе; тѣмъ чаще заспавляешь оспанривать себя, оспанавливаясь съ наслажденіемъ на каждомъ шагу. Неужели было бы хорошо если бы въ Англійскомъ са-

ду вмѣсто безпрерывныхъ, неожиданныхъ видовъ, гуляющій находилъ шу же самую дорожку, или покрайней мѣрѣ шакъ похожую своими окрестностями на видѣнную имъ прежде, что она кажется давно извѣсною?

Терпимось намъ нужна; безъ нее ничего небудеть для художества. Всѣ роды хороши, когда они хороши въ своемъ родѣ. Какая бы ни была архитектура: гладкая массивная Египетская, огромная ли, пестрая Индусовъ, роскошная ли Мавровъ, вдохновенная ли и мрачная Готическая, граціозная ли Греческая — всѣ они хороши, когда приспособлены къ назначенію спроектіа; всѣ они будутъ величественны, когда только истинно постигнушы.

Если бы однакожь попребовалось опдашь рѣшипельное преимущество копорой нибудь изъ эсихъ архитектуръ, то я всегда опдамъ его Готической. Она чисто Европейская, созданіе Европейскаго духа и попому болѣе всего прилична намъ. Чудное ея величіе и красота превосходитъ всѣ другія. Но изъ милости, изъ состраданія, не ломайте, не коверкайте ее! Глядите чаще на знаменитый Кельнскій соборъ; шамъ все ея

совершенство и величіе. Лучшаго памяшника никогда не производили ни древніе, ни новыя вѣки. Я предпочитаю попому еще готическую архипектуру, чпо она болѣе даетъ разгула художнику. Воображеніе живѣе и пламеннѣе спремится въ высоту, нежели въ ширину. И попому Готическую архипектуру нужно упопроблять шолько въ церквяхъ и спроеціяхъ высоко возносящихся. Линіи и безкарнизныя готическія пиласпры, узко одна опъ другой, должны лештъь черезъ все спроеціе. Горе, есшьли они опстопагъ далеко другъ опъ друга, если спроеціе не перевысло покрайней мѣръ вдвое своей ширины, если не въ шрое! Оно погда уничтожилось само въ себѣ. Возносите его шакимъ, шакимъ оно бышь должно: Чшобы выше, выше, сколько можно выше, поднимались его спѣны, чшобы гуще какъ спрѣлы, какъ шополы, какъ сосны, окружали ихъ безчисленныя, угольные сполбы! никакого перереза, или перелома, или карниза давшаго бы другое направленіе, или уменьвшаго бы размѣръ спроеціа! чшобы они были ровны опъ основанія до самой вершины! Огромнѣе окна, разнообразнѣе ихъ форму,

колосальнѣ ихъ высопу! воздушнѣ, легче шницъ! чшобы все чемъ болѣ подымалось къ верху, шѣмъ болѣ бы лешъло и сквозило. И помнише самое главное: никакого сравненія высопы съ шириною. Слово ширина должна исчезнуть. Здѣсь одна законодательная идея — высота.

Я увѣренъ, что нѣкопорые будущъ утверждашь, что поспройка зданія слишкомъ высокаго бесполезна, потому что намъ нужно больше мѣста, что высота ни къ чему не служишь и даромъ испрачиваешъ материалы. Но я вовсе несовѣтую эшопъ Гошической образъ спроенй упошребляшь на шеапры, на биржи, на какіе нибудь комитеты и вообще на зданія назначаемые для собраній веселящагося, или шоргующаго, или работающаго народа. Со мною согласишь всякой что нѣшь величешвеннѣ возвышеннѣ и приличнѣ архитектуры для зданія Хриштіанскому Богу, какъ гошическая. И что же должны мы шогда уничшожить, чего лишисьшь? величешвеннаго колосальнаго, при взглядѣ на кошорое мысли ушпреляющъ къ одному и опрываютъ мошельщика опъ низкой его хижины. Весьма

немѣшаетъ вспомнить великую спарую испинну. что народъ не въ силахъ понять религіи въ такой же самой чиспощъ и безпѣлности, какъ получившіе высшее образованіе, что на него болѣе всего производящъ впечатлѣніе видимые предметы; что чѣмъ меньше эпощъ видимый предметъ на него дѣйствуетъ, тѣмъ слабѣе его энтузіазмъ и просная вѣра. Великолѣпіе повергаетъ просполоудима въ какое-то онѣмніе и оно-то единственна пружина, двигающая дикимъ человѣкомъ. Необыкновенное поражаетъ всякаго, но тогда только когда оно смѣло рѣзко и разомъ бросается въ глаза. Здѣсь уже, прочъ всякое скряжничество и расчепъ! Въ прошивномъ случаѣ эпощъ расчепъ будетъ не расчепъ; и выгода возникающая изъ него, будетъ выгода одного человѣка передъ выгодою цѣлаго человечества.

Валперъ Скопщъ первый опряхнулъ пыль съ Гошической архипекшуры и показалъ свѣшу все ея достоинство. Съ того времени она быспро распростирилась. Въ Англіи всѣ новыя церкви строящъ въ Гошическомъ вкусѣ. Онѣ очень милы, очень

пріятны для глазъ, но увы, испиннаго величія дышущаго въ великихъ зданіяхъ спальнины, въ нихъ нѣтъ. Онъ не смопря на спръльчашыя окна и шпицы, не сохраняюшъ въ цѣломъ испинно Гопического вкуса и уклонились опъ образцовъ. Во первыхъ они сами по себѣ вовсе не огромны (великій недоспашокъ Гопического спроеія) во впорыхъ весь эпошъ лѣсъ чешырехъгранныхъ шонкихъ сполбовъ и линій, союзно спремьящихся чрезъ все спроеіе, позабышъ или опшвергнушъ вовсе, оспавшался чрезъ эпо гладкосшъ нечувспвишешельно даешъ имъ совершенно другое выраженіе.

Могущеспвеннымъ словомъ Валшеръ Скопша вкусъ къ Гопическому распроспранился быспро вездѣ и проникнулъ во все. Еще не сдѣлавшись великимъ, онъ уже сдѣлался мелкимъ: Сельскіе домики, шкафы, ширмы, сполы, спулья все обрашилось въ Гопическое. И эши величеспвенныя прекрасныя украшенія, упошреблены были на игрушки. Въкъ нашъ шакъ мѣлокъ, желанія шакъ разбросаны по всему, знанія наши шакъ энциклопедически, чшо мы ни какъ не можемъ усредопочишъ на одномъ какомъ нибудь

предметъ нашихъ помысловъ и опшого по неволѣ раздробляемъ всѣ наши произведенія на мѣлочи и на прелестныя игрушки. Мы имѣемъ чудный даръ дѣлать все ничтожнымъ. Египетскую архитектуру копорой весь эффектъ въ колоссальности, мы издерживаемъ на небольшіе мостики, на вороша, вершину копорыхъ проѣзжающій кучеръ можетъ достать рукою. Изъ Гопической мы дѣлаемъ серги, фушляры для часовъ; Греческую мы упошребляемъ въ бестѣдкахъ. Въ публичныхъ же и огромныхъ зданіяхъ показываемъ шакую архитектуру, копорую врядъ ли можно признавать особеннымъ родомъ. Въ ней сполько безмыслія, шакое негармоническое соединеніе частей, шакое опсудствіе всякаго воображенія, что недостаешь силъ назвать ее имѣющею свой характеръ архитектурою.

Есть рудникъ о копоромъ едва сполько знаютъ что онъ существуетъ; есть міръ совершенно особенный, опдѣльный, изъ копорого меньше всего черпала Европа. Это — архитектура Восточная. Архитектура, копорая создана однимъ сполько воображеніемъ, воображеніемъ восточнымъ, горячимъ,

чудеснымъ, облекшимся въ иперболу и алегорію, пролешѣвшимъ мимо жизни и прозаическихъ нуждъ ея. Жизнь Азіапцевъ никогда неимѣла такого многоспороннаго развитія какъ Европейцевъ: Никогда по потребности ихъ не были такъ разнообразны, и безчисленны какъ наши, и попому очень естественно, что обыкновенныя жилища ихъ лишены неспропы, ясности и спройности; они уединенны, однообразны, также скучны опсудспвіемъ всякой мысли, какъ самый Азіапцевъ во время своего покоя. Но за по вездѣ, куда ни проникала только Азіапская роскошь, огромная, великолѣпная, та роскошь, копорая блещетъ въ ихъ волшебныхъ сказкахъ, вездѣ, куда ни проникала эта увѣщенная ожерельями дочь воспочнаго воображенія, тамъ спояптъ донынѣ дворцы, великолѣпіе кошорыхъ изумитель-но. Спроеніе ихъ захвашывало цѣлые вѣки, цѣлый народъ, цѣлая нація, надъ нимъ спрудилась и предки вѣрили, какъ въ неопразимое предопредѣленіе, что зданіе, будешъ окончено ихъ попомками. Вездѣ куда ни проникала эта всемогущая массивная роскошь, или дикій энпузіазмъ, первоначальной ихъ религіи, вездѣ громоздились памян-

ники, ужасные своею огромностію, передъ копорыми мысль нѣмѣетъ опъ изумленія, когда вспомнишь какъ бѣдны были ихъ оредства и познанія; какъ ничпожны ихъ машины для подняпія и укрѣпленія эпихъ спрашныхъ массъ. Еще болѣе изумленіе овладѣваетъ духомъ, когда видишь какъ почпи дикій, неразвившійся человекъ, развился внезапно на эпомъ гиганшскомъ зданіи; какъ былъ онъ проникнутъ и воспорженъ мыслью о божеспвѣ, что невольно показалъ разоблаченіе своего генія, и упредилъ медленные годы вѣковаго образованія.

Взгляните на эпопъ массивный величественный Триченгурскій храмъ у Индусовъ, едвали не одно изъ первыхъ зданій по величинѣ своей. Эпо пирамидальное склоненіе массы къ верху, поспешенное уменьшеніе эшажей, бездна Индѣйснихъ порпиковъ облъпливающихъ ихъ стѣны, пиласпры громоздящіяся надъ пиласпрами, колоны надъ колонами, какъ будпо спупающіе одна на другую, чтобы скорѣе достать вершины эшой массы—все эпо явленіе совершенно оригинальнаго вкуса. Но если Триченгурскій храмъ

слишкомъ уже тяжель и дышетъ язычеспвомъ, взгляните на спройный, прекрасный Купубъ-Минаръ, копорымъ по справедливости славящся Дельфи. Я незнаю въ міръ башни копорая бы при простомъ почти Апшической сполько дышала глубиною красопы, гдъ бы воображеніе вылилось такъ чисто и величаво. Если эпошъ родъ неможешъ быть совершенно усвоенъ нами, то Европейцы вообще могутъ заимсповатъ съ пользою эпо пирамидальное, или кону сообразное успремленіе къ верху — ръзкое опличіе Индъйскаго спила.

Воспочная архитекпура дворцевъ предспавляешъ совершенно противуположный родъ: здъ царство Азіатской роскоши. Спроеніе раздаешся проспраннѣ въ ширину. Огромный Воспочный куполь, или совершенно круглый, или выгибающійся какъ сладостраспная ваза опрокинушая внизъ. или въ видъ шара, или обремененный, облъпленный ръзбою и украшеніями, какъ богатая мишра, папріархально власпвуешъ надъ всъмъ зданіемъ; внизу у самага подножія спроенія небольшія куполы цѣлою оградою обходяшъ его проспранныя спѣны, какъ

покорные рабы; со всѣхъ споронъ лепящъ понкіе минарешы, представляющіе самый очарователный конспраспъ своею легкою веселою шорнурою съ важнымъ величественнымъ видомъ всего зданія. Такъ величественный магомепаниъ въ широкомъ убраннымъ золопомъ и каменьями плащъ возлежищъ среди гурій спройныхъ, обнаженныхъ, ослѣпительныхъ своею бѣлизною. —

Нигдѣ зодчество непринимало сполько разнообразныхъ формъ какъ на Воспокъ. Тамъ каждое зданіе выливалось можно сказащъ всегда мимо прежнихъ условій, или лучше сказащъ, оно выливалось облеченное новыми условіями собспвеннаго предчувствія, сходствовавшими съ прежними развѣ сполько въ самомъ опдаменномъ началѣ религіозномъ, или національномъ. Вся Индія усъяна прекрасными зданіями. Каждое изъ нихъ сохранияетъ свое рѣзкое опличіе, свой особый оппечашокъ, до такой спепени, что ихъ совершенно не лзя подвесщъ подѣ одну кашегорію. Множесство разныхъ куполовъ всѣхъ возможныхъ формъ, вовсе непохожихъ одинъ на другаго, украшений и убранствъ совсѣмъ опличныхъ и всегда новыхъ — все говорищъ о необыкновенномъ воображеніи

ихъ, которое не спѣснялось ни какими правилами. Впрочемъ причиною этого разнообразія можетъ быть было безчисленное множество сектъ, наполняющихъ Индію, производившихъ вѣчную оппозицію, вѣчную раздражительность воображенія. Но болѣе исполнены роскоши очаровательной, копрою говоритъ Восточная природа тѣхъ зданій, которыхъ коснулся вкусъ Аравіянъ. Въ Азіи, во время этихъ разрушительныхъ встрѣчъ новыхъ и старыхъ народовъ особенно Магометанъ, произошло необыкновенное смѣшеніе Архитектуры, произошли самыя дерзкія отступленія. Но никогда, нигдѣ не соединялось смѣлое съ такою прекрасною роскошью какъ у Аравіянъ. Они заимствовали отъ природы все то, что есть въ ней верхъ прекраснѣйшаго. Ихъ архитектура не носитъ на себѣ печати дремучихъ лѣсовъ; она вся состоитъ изъ цвѣтовъ. Она убрана цвѣтами, она попоплена цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, прекрасныхъ, роскошныхъ, какими убрана нѣжная долина Кашемира. Ихъ узорныя колонны увѣнчаны шюльпаномъ; ихъ рѣзба въ видѣ незабудокъ и цвѣтовъ съ чепырью лепестками, или развивающихся розъ; ихъ

галлерей похожи на вѣтви пальмъ вершинами своими образующихъ своды. Все опозвалось необыкновенной роскошью цвѣтиспаго ихъ вкуса. Эта архипекпура какъ-то именно создалась для жизни опданной наслажденіямъ, для веселыхъ, свѣтлыхъ жилищъ челоувка. Она рѣшишельно изгнала изъ себя все мрачное. Зданіе такъ прелестно, очаровашельно, какъ Воспочная красавица съ черными, яркими какъ молнія глазами, въ песспромъ своемъ убранствѣ и драгоценныхъ ожерельяхъ.

Воспочная архипекпура имѣеть у себя то, чего никогда еще неупошребляли Европейцы. Эшо колоны, негладкія, но распещренныя украшеніями ошъ піедестала до капишели. Иногда эши колоны бывають совершенно сквозныя и прозрачныя: рѣзба проникаеть ихъ на сквозь. Они соспавляють плѣнишельнѣйшее изобрѣшеніе Воспочнаго вкуса. Зданіе какъ бы ни было громоздко но съ такими колонами кажется воздушно. Почему бы казалось намъ не перенести ихъ на свою почву? Но умъ и вкусъ челоувка предспавляють спранные явленіе: прежде нежели доспигнешъ испины, онъ сполько даспъ объздовъ, сполько надѣлаеть

*

несообразностей, неправильностей, ложного, что послѣ самъ дивился своей недогадливости. Обо всѣхъ сихъ памятникахъ Европа и не заботилась. Одинъ только вкусъ Кипайцевъ, который можно назвать самымъ мелкимъ, самымъ ничтожнымъ изъ всѣхъ Восточныхъ народовъ, какимъ-то повѣтріемъ занесся къ намъ въ концѣ XVIII столѣтія. Хорошо что Европейцы, по обыкновенію своему иногда обратили его на мозаики, павильоны, вазы, камни, а не вздумали приспособить къ большимъ строеніямъ. Этого вкуса почто былъ не дурень въ бездѣлкахъ, попому, что Европейцы его иногда усовершенствовали по своему и дали ему ту прелесть, которой онъ самъ въ себѣ не имѣетъ, также какъ и его народъ не имѣетъ энергіи не смотря на всю свою образованность.

Есть еще особенный родъ архитектуръ, совершенно отличный отъ всего до селѣ показаннаго мною. Это архитектура капищомъ Индійскихъ и Египетскихъ, гдѣ эти два народа такъ удивительно сошлись между собою и дали поводъ подозревать древнее между ими родство. Главный характеръ ея шажетъ. Здѣсь все должно сое-

динишься въ массу и толщѣ; зданіе тяжело спускается какъ, на слоновыхъ пядяхъ, на коровскихъ тяжелыхъ колонахъ, копорыхъ ширина своимъ діаметромъ равняется почти съ высокою. Здѣсь уже совершенно все ширина и масса. На ней какъ будто опечатавалась тяжесть земли; внутри копорой она скрываетъ тяжелое свое величїе. То что порокъ въ другихъ родахъ ее, по здѣсь достоинство. Эпа подземная архитектуря, имѣетъ что-то также величавое, хотя внушаетъ совершенно другія мысли. Здѣсь тяжесть не безобразна, а величественна, потому что составляетъ главную идею всего зданія. Если художникъ предположилъ создать тяжелое и массивное и выполнилъ это, его твореніе вѣрно будетъ хорошо; но когда начерталъ онъ планъ тяжелаго а изъ него вышло вовсе не тяжелое, или наоборотъ когда онъ замыслилъ произвестъ легкое, а вышло тяжелое, то это уже рѣшительно дурно. Зданіе это когда съ него сбрасывали землю, и оно выходило на свѣтъ представляло всегда спиральный и вмѣстѣ спрашный видъ; какъ будто бы земля выказывала свою глубокую внутренность, какъ будто бы мракъ очу-

пилился вдругъ среди яркаго свѣта, мракъ только освѣщаемый свѣтомъ, а не прогоняемый имъ, какъ Египетская урна или мертвая голова среди пиршесствъ. Мы кажемся напрасно эту архитектуру вгоняющъ въ землю: показавшись вдругъ, нечаянно среди свѣтлыхъ, легкихъ домиковъ, она должна непременно поразишь всякаго и произвеси свой эффектъ. Одно такого рода строеніе среди многолюднаго города было бы прелесть, но только одно, не болѣе. Въ строеніяхъ такого рода всѣ части состояющъ изъ тяжестей, но при всемъ томъ опошенія ихъ между собою исполнены какой-то внутреннѣй, нѣсколько спрашной гармоніи и создашь въ этомъ родѣ совершенное весьма нелегко.

Египетская архитектура надземная составляетъ совершенно другой родъ: она массивна поже; но стройность и простота въ высшей степени съ нею неразлучны; главный же ея характеръ — колоссальность. Чемъ она глаже снизу доверху, безъ всякихъ раздѣленій и рѣзкихъ украшеній, тѣмъ лучше. Но неупребляйше ее на небольшіе мостики: безъ колоссальности эта архитектура менѣе нежели ничто. Еще разъ повторяю: всякая ар-

хипектура прекрасна, если соблюдены все ея условия и если она выбрана совершенно согласно назначению строения. Безъ эпои благонамъренной, безприспартной шерпимости не будешъ ни истинныхъ палантовъ, ни истинно величественныхъ произведений. Прочъ эпошъ схолацизмъ, предписывающій строенія ранжировать подъ одну мърку и строить по одному вкусу! Городъ долженъ состоять изъ разнообразныхъ массъ, если хотимъ чтобы онъ доставлялъ удовольствіе взорамъ. Пусть въ немъ совокупишя болъе различныхъ вкусовъ. Пусть въ одной и той же улицѣ возвышается и мрачное Готическое, и обремененное роскошью украшеній Восточное, и колосальное Египетское, и проникнутое стройнымъ размъромъ Греческое. Пусть въ немъ будутъ видны: и легко выпуклый мечный куполь, и религіозный безконечный шпигель и восточная минаретъ, и плоская крыша Испанская и высокая фигурная Фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелискъ. Пусть какъ можно рѣже дома сливаются въ одну ровную, однообразную стѣну, но клонятся, то вверхъ, то внизъ. Пусть разныхъ родовъ башни какъ можно чаще разнообразятъ улицы. Неужели

найдеся шакой смѣльчакъ, или лучше ска-
зашь несмѣльчакъ, кошорый бы ровное мѣспо
въ природѣ осмѣлился сравнишь съ видомъ
ушесовъ, обрывовъ, холмовъ выходящихъ
одинъ изъ за другаго.

Архитекшоръ-шворецъ долженъ имѣшь
глубокое познаніе во всѣхъ родахъ зодчештва.
Онъ менѣе всего долженъ пренебрегать вку-
сомъ шѣхъ народовъ, кошорымъ мы въ опно-
шеніи художештвъ обыкновенно оказываемъ
презрѣніе. Онъ долженъ бышь всеобъемлющъ,
изучишь и вмѣспишь въ себѣ всѣ безчислен-
ныя измѣненія ихъ. Но самое главное: дол-
женъ изучишь все въ идеѣ а не въ мелочной
наружной формѣ и часпяхъ. Но для по-
го чшобы изучишь въ Идеѣ, нужно бышь ему
Геніемъ и Поэшомъ.

Но обратимся къ архитекшурѣ Городовъ. Го-
родъ нужно спроишь шакимъ образомъ, чшоб-
бы каждая часть, каждая опдѣльно взшпая
масса домовъ предспавляла живой пейзажъ.
Нужно шолпѣ домовъ придашь игру, чшобы
она, если можно шакъ выразишься, заиграла
рѣзкоспями, чшобы она вдругъ врѣзалась въ
память и преслѣдовала бы воображеніе. Ешпъ
шакіе виды, кошорые вѣкъ помпишь, и ешпъ
шакіе, кошорыхъ при всѣхъ усиліяхъ не мо-

жешь замѣшишь въ памяти. Зодчество грубѣе и вмѣстѣ колосальнѣе другихъ искусствъ, какъ то: живописи, скульптуры и музыки, и по-тому эффектъ его въ эффектъ. Масса города имѣешь уже шѣмъ выгоду, что ее вдругъ можно измѣнишь, исправишь по своему произволу. Иногда одно только строеніе среди ея—и она совершенно измѣняетъ видъ свой, принимаетъ другое выраженіе; пакъ какъ всякой рисунокъ ученика вдругъ оживляется подъ кистью, или карандашемъ его учителя, который въ одномъ мѣстѣ подкрѣпишь, въ другомъ опдѣлишь, въ прешьемъ только пронелъ,—и все уже не то. При томъ самыя ошибки уже подающъ идею о томъ, какъ избѣжашъ ихъ, безъхарактерное подаетъ мысль о характерномъ, мѣлкое и плоское вызывающъ въ противоположность дерзкое и необыкновенное, углубленіе внизъ подаетъ идею о возвышеніи вверхъ и на оборотъ. Геній богачъ спрашный, передъ которымъ ничто весь міръ и всѣ сокровища.

При постройкѣ городовъ нужно обращать вниманіе на положеніе земли. Города строятся или на возвышеніи и холмахъ, или на равнинахъ. Городъ на возвышеніи менѣе истребуешь искусства, поному, что тамъ природа

работаетъ уже сама, по подымаетъ дома на величественныхъ холмахъ своихъ и кажетъ ихъ валиканами изъ задругихъ домовъ, по опускаетъ ихъ внизъ, чшобы дать видъ другимъ. Въ такомъ городѣ можно менѣе употреблять разнообразія. Въ немъ можно болѣе употреблять гладкихъ и одинаковыхъ домовъ, попому, что неровное положеніе земли уже даетъ имъ нѣкоторымъ образомъ разнообразіе помещая ихъ въ разныхъ мѣстоположеніяхъ. Нужно наблюдать только, чшобы дома показывали свою вышину одинъ изъ за другаго, такъ что бы споящему у подошвы казалось, что на него глядишь двадцатишажная масса. Тамъ мало нужно искусство, гдѣ природа одолеваетъ искусство; тамъ искусство только для того чшобы украсить ее. Но гдѣ положеніе земли гладко совершенно, гдѣ природа спитъ, тамъ должно работать искусство во всей силѣ. Оно должно простереть, если можно сказать изрыть, скрыть равнину, оживить мертвенность гладкой пустыни. Здѣсь однообразіе и простота домовъ будетъ большая погрѣшность. Здѣсь Архитектура должна быть какъ можно своеобразнѣе: принимая суровую наружность, показывая веселое выраженіе, дыша древностью, блестя

новоспью, обдавашъ ужасомъ, свѣркашъ красосою, бышъ по мрачной, какъ день обхваченный грозою съ громовыми облаками, по ясною какъ ушро въ солнечномъ сїяніи. Архитектура шоже лѣтопись міра: Она говоришъ шогда когда уже молчапъ и пѣсни и преданія и когда уже ничшо неговоришъ о погибшемъ народѣ. Пущъ же она, хопъ опривками, являпся среди нашихъ городовъ въ шакомъ видѣ, въ какомъ она была при опжившемъ уже народѣ. Чшобы при взглядѣ на нее осѣнила насъ мысль о мицувшей его жизни и погрузило бы насъ въ его быпъ, въ его привычки и спепень пониманія и вызвала бы унасъ благодарноспъ за его сущеспвованіе, бывшее спупенью нашего собспвенною возвышенія (*)

(*) Мнѣ прежде приходила очень странная мысль: я думалъ что весьма не мѣшало бы имѣть въ городѣ одну такую улицу, которая бы вмѣщала въ себѣ Архитектурную лѣтопись. Чшобы начиналась она тяжелыми, мрачными воротами. Прошедши которые зритель видѣлъ бы съ двухъ сторонъ возвышающіяся величественныя зданія первобытнаго дикаго вкуса, общаго первоначальнымъ народамъ. Потомъ постепенное измѣненіе ея въ разные виды: высокое преображеніе въ колоссальную исполненную простоты Египетскую, потомъ въ красавицу Греческую, потомъ въ сладострастную Александрійскую и Византійскую съ плоскими куполами,

Неужели однакоже невозможно созданіе (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архипектуры, мимо прежнихъ условій. Когда дикій и мало-развившійся человѣкъ, которому одна природа, еще грубо имъ понимаемая, служилъ руководствомъ и вдохновеніемъ, создаетъ швореніе, въ которомъ является и красота и шайный инстинктъ вкуса, опъ чего же мы, копорыхъ всѣ способности такъ обширно развились, копорые болѣе видимъ и понимаемъ природу во всѣхъ ея шайныхъ явленіяхъ, опъ чего же мы не производимъ ничего совершенно проикнушаго такимъ богашствомъ нашего позна-

потомъ въ Римскую съ арками въ нѣсколько рядовъ, далѣе вновь нисходящую къ дикимъ временамъ и вдругъ потомъ поднявшеюся до необыкновенной роскоши Аравійскою, потомъ дикою Готтическою, потомъ Готико-Арабскою, потомъ чисто-готтическою, вѣнцемъ искусства, дышащею въ Кельнскомъ соборѣ, потомъ страшнымъ смѣшеніемъ архитектуры, происшедшемъ отъ обращенія къ Византійской, потомъ древнею Греческою въ Новомъ костюмѣ и наконецъ чтобы вся улица оканчивалась воротами заключившими бы въ себѣ стихіи новаго вкуса. Эта улица сдѣлалась бы тогда въ нѣкоторомъ отношеніи исторіею развитія вкуса и кто лѣнивъ перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней чтобы узнать все. —

нія. Идея для зодчеспва вообще была черпана изъ природы, но тогда когда чело-вѣкъ сильно чувствовалъ на себѣ ея влія-ніе; теперь же искусство поставилъ онъ выше самой природы, — развѣ неможешъ онъ черпать своихъ идей изъ самаго искусства или лучше сказать изъ гармоническаго слія-нія природы съ искусствомъ? Разсмотрише только, какую спрашную изобрѣшатель-ность показалъ онъ на мѣлкихъ издѣліяхъ утонченной роскоши; разсмотрише, всѣ эти модныя бездѣлицы, кошорыя каждый день являющся и гибнутъ, разсмотрише ихъ, хопя въ микроскопъ, если шакъ они неоспанавливающъ вашего вниманія. Какого они исполнены тонкаго вкуса! какіе принимающъ они совершенно небывалыя прелестныя формы! Онѣ создающся въ па-комъ особенномъ родѣ, кошорый еще никогда не встрѣчался. Рѣзьба и тонкая опдѣлка ихъ шакъ неинтересованы и вмѣ-стѣ съ шѣмъ шакъ хороши, что мы иног-да долго любуемся ими, и увы! вовсе не ощущаемъ жалости при видѣ какъ гиб-нущъ вкусъ чело-вѣка въ ничтожномъ и вре-менномъ, тогда какъ онъ былъ бы замѣ-шенъ въ неподвижномъ и вѣчномъ. Развѣ

мы не можемъ эту раздробленную мелочь искусства превратить въ великое. Неужели все то, что встрѣчается въ природѣ должно быть непременно только колонна, куполь и арка. Сколько другихъ еще образовъ нами во все не пронумо. Сколько прямая линія можетъ ломаться и измѣняться направленіе, сколько кривая выгибается, сколько новыхъ можно ввести украшеній, копорыхъ еще ни одинъ архитекторъ не вносилъ въ свой кодексъ. — Въ нашемъ вѣкѣ есть такіе пріобрѣтенія и такія новыя, совершенно, ему принадлежащія спихіи, изъ копорыхъ бездну можно заимствовать никогда прежде невоздвигаемыхъ зданій. — Возьмемъ на примѣръ тѣ висющія украшенія, копорыя начали появляться недавно. Покаместъ висящая архитектура только показывается въ лѣжахъ, балконахъ и въ небольшихъ мостикахъ. Но если цѣлые этажи повиснутъ, если перекинутся смѣлыя арки, если цѣлыя массы вмѣстѣ съ тяжелыхъ колонъ очутиятся на сквозныхъ чугунныхъ подпорахъ, если домъ обвѣсится съ низу до верху балконами съ узорными чугунными перилами, и опъ нихъ висющія чугунныя украшенія въ тысячахъ

разнообразныхъ видовъ облечушь его своею легкою съшью и онъ будешь глядѣшь сквозь нихъ, какъ сквозь прозрачный вуаль, когда эти чугунныя сквозныя украшенія обвѣшныя около круглой, прекрасной башни полешають вмѣстѣ съ нею на небо — какую легкость, какую эспешическую воздушность приобрѣтушь тогда дома наши! Но какое множество есть расбросанныхъ на всемъ намековъ могущихъ зародить совершенно необыкновенную живую идею въ головѣ архитектора, если только эстетъ архитекторъ творецъ и Поэтъ (*)

1831.

(*) Статья эта писанна давно. Въ последнее время вкусъ въ Европѣ улучшился и особенно въ нашей любезной Россіи. Многіе архитекторы уже ей дѣлають честь; изъ нихъ должно упомянуть о Брюловѣ, котораго зданія исполнены истиннаго вкуса и оригинальности.

А Л - М А М У Ш Ъ.

А Л - М А М У Н Ъ,

=

(Историческая характеристика)

=

Ни одинъ Государь не принималъ правленія въ такую блестящую эпоху своего государства, какъ Ал-Мамунъ. Грозный Калифашъ величественно возвышался на классической землѣ Древняго міра. Онъ обнималъ на воспокъ всю цвѣшущую Юго - западную

Азію и замыкался Индією, на западъ онъ проспирался по берегамъ Африки до Гибралшара. Сильный флотъ покрывалъ Средиземное море; Багдадъ, столица эшаго новаго чудеснаго міра видѣлъ повелѣнія свои исполняющимися въ опдаленныхъ краяхъ провинцій; Бассора, Нигабуръ и Куфа, зрѣли новообращенную Азію, ешекающуюся въ свои блестящія школы; Дамаскъ могъ одѣшь всѣхъ слашлюбцевъ дорогими шканями и снабдишь всю Европу спальными мечами, и арабъ уже думалъ, какъ бы осуществишь на землѣ рай Магомеша, создавалъ водопроводы, дворцы, цѣлые лѣса пальмъ, гдѣ сладоспраспно били фоншаны и дымилась благовонія востока. И къ шакому развитію роскоши еше не успѣла привишься ни одна нравспвенная болѣзнь полипического общеспва. Всѣ частп эшой Великой имперіи, эшаго Магомешанскаго міра были связаны довольно сильно и связь эша укрѣплена была волею необыкновеннаго Гаруна, копорый постигнулъ всѣ разнообразныя способноспи своего народа. Онъ не былъ исключишельно государь-филосовъ, государь-полишникъ, государь-воинъ, или государь-лишешоръ. Онъ соединялъ въ себѣ все, умѣлъ

ровно разлишь свои дѣйствія на все и недоставишь перевѣса ни одной отрасли надъ другою. Просвѣщеніе чужеземное онъ прививалъ къ своей націи, въ такой только степени, чтобы помочь развитію ея собственнаго. Уже Арабы перешли эпоху своего фанатизма и завоеваній, но все еще были исполнены энтузіазма и огненные страницы Корана перелисывались съ нѣмъ же благоговѣніемъ, исполнялись такъ же рабобѣпно. Гарунъ умѣлъ ускорить весь административный государственный ходъ и исполненіе повелѣній, спрахомъ своей вездѣсущности. Намѣстники и Эмиры, изъ которыхъ каждый обыкновенно стремился бытъ деспотомъ, опасались встрѣпиться всезрящаго, переодѣтаго Калифа — и правленіе безъ законовъ двигалось крѣпко и опредѣленно. Въ такомъ видѣ принялъ государство Ал-Мамунъ, Государь, котораго Царьградъ называлъ великодушнымъ кровопителемъ наукъ, котораго имя Исторія внесла въ число благодѣтелей человеческого рода и который замыслилъ государство полииническое превратить въ государство музъ. Онъ былъ одаренъ всею живостію и способностію къ долговому изученію. Его характеръ исполненъ былъ бла-

городсва. Желаніе истины было его девизомъ. Онъ былъ влюбленъ въ науку и влюбленъ совершенно безкорыстно: онъ любилъ науку для нея же самой, педумая о ея цѣли и примѣненіи. Онъ предался ей съ исключительною спраспью. Тогда Аравишяне полько-чшо опрыли Ариспошеля. Многообъемлющій и почный философъ Греціи немогъ сойспись съ ихъ воображеніемъ слишкомъ спремисельнымъ, слишкомъ колосальнымъ и воспочнымъ, но Аравійскіе ученые занимаюсь долгое время копошливою работою уже нѣсколько привыкнули къ почности и формальности и опъ того принялись за него съ ученымъ энпузіазмомъ. Эщи безконечные выводы, эшо облечение въ видимость и порядокъ шого, чшо они прежде чувспвовали въ душѣ пламенными опривками немогли не околдовашь погдашнихъ ученыхъ. Воспишанный подъ ихъ вліяніемъ Ал-Мамунъ, исполненный истинной жажды просвѣщенія упошребляль всѣ спаранія ввеси въ свое государсшво эшошъ чуждый дошоль Греческій міръ. Багдадъ роспросперъ дружелюбныя длани всему ученому погдашнему свѣшу. Милосши Калифа были опкрышы всякому, кшо принадлежалъ къ какому бы шо ни было званію,

какой бы ни былъ онъ религiи, какихъ бы ни былъ исполненъ прошиворѣчащихъ началъ. Естественнo, что тогда болѣе всего приносили свои познанiя въ Багдадъ тѣ, копорые еще сохраняли въ душѣ своей образъ Полипейзма облеченнаго Хриспiанскими формами, копорые, гошovy были спашь грудью за Аммонiя Саккаса, Плошина и другихъ послѣдовашелей новоплатонизма, копорые уже не находили поля для своихъ ученыхъ респанiй въ Царьградѣ, слишкомъ заняшomъ спорами о догмахъ Хриспiанства. Багдадъ превращился въ республику разнородныхъ отраслей познанiй и мнѣнiй. Въиценосный Арабъ вслушивался внимашельно въ усыпительную музыку ученыхъ, полкованiй и тонкошпей. Правители государспвенныхъ мѣшпъ не могли не увлечься примѣромъ государя и тогда высшiя спупени государспства обняла какая-шо лишературная мономанiя. Визири и Эмиры спарались окружишь свой дворъ учеными пришельцами. Очевидно: что администрашвная часть была какъ будто чѣмъ-шо вшороспепеннымъ; что правители должны были многое опносящееся къ управленiю повѣрять усмошрвнiю своихъ секретарей и любимцевъ, что эти лю-

бимцы были иногда вовсе невѣжды, часно получали пронырствами мѣста, что все это должно было опозваться на народъ и въ послѣдствіи времени обрушиться на самихъ правителей. Толпа теоретическихъ философовъ и поэтовъ, занявшихъ правительственные мѣста не можетъ доставить государству твердаго правленія. Ихъ сфера совершенно отдѣльна; они пользуются верховнымъ покровительствомъ и пекутъ по своей дорогѣ. Отсюда исключаются цѣль великіе поэты, которые соединяютъ въ себѣ и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и человека, проникли минувшее и прозрѣли будущее, которыхъ глаголы слышались всѣмъ народомъ. Они великіе жрецы. Мудрые властители чтятъ ихъ своею бесѣдою, берегутъ ихъ драгоценную жизнь и опасаются подавить ея многосторонней дѣятельностью правителя. Ихъ призываютъ они только въ важныя государственныя совѣщанія, какъ вѣдущей глубины человеческого сердца.

Благородный Ал. Мамунъ истинно жемаль одѣланъ счастливыми своими подданными. Онъ знаетъ что вѣрный душепроводитель къ шему — науки клоняціяся къ развитію

человѣка. Онъ всѣми силами заставлялъ своихъ подданныхъ принимать вводимое имъ просвѣщеніе. Но просвѣщеніе вводимое Ал - Мамуномъ менѣе всего оплѣчало природнымъ элеменшамъ и колоссальности воображенія Арабовъ. Лишенная энергіи начала Полипейзма обратившіяся въ кучу словъ, дерзко обезображенные идеи Христіанства, спирально озарившіе погдашніе науки, не слившіяся съ ними, но можно сказать уничтожившія ихъ своимъ преобладаніемъ — представляли совершенной контрастъ пламенной Природы Араба, у котораго воображеніе слишкомъ пошопляло пощю выводы холоднаго ума. Эпошъ чудный народъ нешелъ, а лешлъ къ своему развитію. Геній его вдругъ оказывался въ войнѣ, шурговлѣ, искусстввахъ, Мануфакшурахъ и роскошной поэзіи Востока. Его доселѣ небывалыя въ Испоріи челошечества спихи вспыхнули богато, ярко, спирально и совершенно оригинально. Казалось эпошъ народъ общалъ дошюль невиданное совершенство націи. Но Ал - Мамунъ неощалъ его. Онъ упустилъ изъ вида великую истину: что образованіе черпается изъ самаго же народа, что просвѣщеніе наносное должно бышь въ ша-

кой степени заимствовано сколько можешь оно помогать собственному развитию, но что развиваясь народ должен из своих же национальных сил. Но для Араба поле подвигов было ограждено эпимъ бесплоднымъ чужеспраннымъ просвѣщеніемъ. Самый Космополинизмъ Ал-Мамуна открывавшаго входъ въ государство ученымъ всѣхъ парцій, уже зашелъ нѣсколько далеко. Выгоды, которые въ Государствѣ получали Христіане немогли возродить въ собственныхъ его подданныхъ ненависти а вмѣстѣ и презрѣнія къ самымъ даже полезнымъ ихъ учрежденіямъ, — и народъ уже перялъ любовь къ своему Калифу. Въ правленіи Ал - Мамунъ былъ больше Философъ-Теоретикъ нежели не Философъ-Практикъ, какимъ бы долженъ бытъ Государь. Онъ зналъ жизнь своего народа изъ описаній, изъ рассказовъ другихъ, а не извѣдалъ самъ какъ очевидецъ, какъ извѣдалъ его Великій Гарунъ. Въ Азіатскихъ образахъ правленія неимѣющихъ опредѣленныхъ законовъ вся административная часть падаетъ на самого монарха и потому дѣятельность его должна бытъ необыкновенна, вниманіе его должно бытъ вѣчно напряжено; онъ не мо-

жесть вѣрнись совершенно никому и глазъ его долженъ имѣть многосторонность аргуса: минушу засни онъ — и его полномочные намѣстники вдругъ возрастающъ и Государство наполняется миліонами деспотовъ. Но Ал - Мамунъ въ своемъ Багдадѣ жилъ какъ въ Государствѣ музъ имъ же самимъ созданномъ и совершенно опдѣльномъ опъ міра Политическаго. Христіане, копорые спали наконецъ вмѣшивашься въ административныя должности немогли узнать народнаго духа и обычаевъ земли. Пришомъ самое иновѣрство ихъ было невыносимо для Араба еще сохранявшаго энтузіазмъ и непоримосшь. И когда имя Ал-Мамуна повпорялось на устахъ ученыхъ погдашняго вѣка, когда его госпепрїимство привлекало неспрья флаги къ берегамъ Сирійскимъ, власть его внутри Государства спановилась между шѣмъ слабѣе. Жипели провинцій никогда невидавшіе своего Калифа мало дорожили его именемъ. Военная сила ослабла. Просвѣщеніе обыкновенно спремилось изъ Багдада, какъ изъ центра, уменьшаясь и угасая по мѣрѣ приближенія къ опдаленнымъ границамъ. На границахъ Арабы еще сохраняли свой первый періодъ. На грани-

цахъ спояли войска еще полные фанатизма, еще спремившіеся огнемъ и мечемъ водружашь въру Магомена. Сильные эмиры ихъ почувсшвовавши слабоспъ связи Багдада, думали о независимоспи и Ал-Мамунъ уже при жизни своей видълъ опшорженіе Персіи, Индіи и дальнихъ Провинцій Африки. Но можешъ бышъ все эпо невѣрное направленіе админиспращіи было бы еще исправимое зло, если бы Ал-Мамунъ, непросперъ уже слишкомъ далеко своей любви къ испиннъ. Онъ захошълъ бышъ религіознымъ реформашоромъ своей націи. Исполненный ума чысно шереошическаго, будучи выше суевѣрій и предразсудковъ, будучи ближе познакомленъ съ нѣкошорыми догмами Хриспціансшва нежели его предшесшвенники, онъ немогъ невидѣшъ всѣхъ безчисленныхъ прошиворѣчій, пламенныхъ нелѣпосшей, кошорые вырывались всемѣсно въ посшановленіяхъ нзспупленнаго Творца Корана. Онъ рѣшилсѣ очисшисшъ и преобразовашъ священную книгу Магомешанъ и въ шо самое время, когда еще всѣ низшія Государспвенныя спшупени, вся чернь была увѣрена что она принесена съ Неба и когда усомнишъсѣ въ маловажномъ посшановленіи еѣ, уже счи-

палось величайшимъ пресупленіемъ. Полу-греческой образъ мыслей Ал-Мамуна чуждался совершенно слѣпаго энтузіазма его подданныхъ. Первымъ шагомъ къ образованію своего народа онъ почиталъ истребленіе энтузіазма, того энтузіазма кошорый соспавилъ существованіе народа Аравійскаго, того энтузіазма, кошорому онъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ развитіемъ и блестящею эпохою, подорвашъ кошорый, значило подорвашъ полипическій соспавъ всего Государства. Ему нелѣпѣ несообразнѣ всего казался Магомешовъ рай, куда Арабъ переносилъ всю чувспенную земную жизнь свою, жизнь назначенную для наслажденія и сладоспращія. Но Ал-Мамунъ не принялъ въ соображеніе того, что эпо поспановленіе изверглось изъ огненнаго Аравійскаго климаша, изъ огненной Природы Араба. Что эпошъ рай для Магомешанина еспъ великій оазъ среди пущыни его жизни, что надежда въ эпошъ рай одна шолько заспавляла чувспеннаго Араба шерпѣливо сноешъ бѣдноспъ, припѣсненіе, подавляшъ въ душѣ своей зависпъ при видѣ упопашающаго въ роскоши сибараша. Мысль, что и онъ будешъ наконецъ находишъся среди Гурій,

среди роскоши, превышающей роскошь земныхъ владыкъ — одна могла бытъ доступна для такой чувствительности и цвѣтиспособности воображенія, какими природа надѣлила Араба, и что можешь бытъ съ дальнѣйшимъ только развишемъ его могла нечувствительно очистишься его вѣра. Но Ал-Мамунъ неоспигалъ Азіятской природы своихъ подданныхъ.

Можно себѣ представишь силу негодованія многочисленнаго класса народа, когда распространились вѣсти о преобразованіяхъ Калифовыхъ. Какъ долженъ былъ принять это народъ, который уже за одно покровительство Христіанамъ, и привязанность къ иностранцамъ обвинялъ гласно Калифа въ Мошализмъ, или ереси. Грубая толпа прежнихъ точныхъ исполнителей Корана, жестокимъ упорствомъ своимъ наконецъ заставила Калифа взяться за оружіе. И благородный великодушный Ал-Мамунъ, проникнувшій истинною любовію къ человечеству явился гонителемъ своихъ подданныхъ. Гонимъ своимъ онъ воскресилъ опять въ Арабахъ дикой фанатизмъ, но уже нешопъ фанатизмъ, который сдвинулъ прежде кочевыхъ обитателей Аравіи въ одну

массу — онъ произвелъ оппозиціонный фанатизмъ, копорый разперзалъ массу, копорый посѣялъ плевелы въ нѣдрахъ государсшва, копорый разбудилъ дикія страсти Араба, копорый далъ ножъ и ядъ ненависти въ руки изсшупленныхъ послѣдователей Ислама, копорый произвелъ множество ослѣпленныхъ сектъ и ужаснѣе всего секшту Кармашіановъ долго еще свирѣпшвовавшую подъ именемъ Сирійскихъ Убийцъ, во время Крешовыхъ Походовъ. Среди волненій, оказывавшихся въ разныхъ концахъ государсшва, среди смущъ и паршій, разсыпая одною рукою благодѣянія и милосши на школы, фабрики, искусшва, поражая другою непокорыхъ, изсшупленныхъ подданныхъ, умеръ благородный Ал-Мамунъ. Умеръ не понявъ своего народа, непоняшій своимъ народомъ. Во всякомъ случаѣ онъ далъ поучительный урокъ. Онъ показалъ собою Государя, копорый при всемъ желаніи блага, при всей крепости сердца, при самоотверженіи и необыкновенной спрашши къ наукамъ, былъ между прочимъ невольною одною изъ главныхъ, пружинъ уско-рившихъ паденіе государсшва.

